

НЕЛЬЗЯ

НЕ ВЕРНУТЬСЯ

Документально-художественная баллада

*Нет, нас на колени вандалов орда
не склонит,
чтоб вечно глумиться над нами.
Становимся мы на колени тогда,
когда, отстояв от врагов города,
целуем родное гвардейское знамя.*

Алексей Недогонов

Солнце словно выросло из земли и раскаленным полукружьем перекрыло улицу Советскую. Лучи – мягкие, янтарные неударжимым потоком хлынули по асфальту вниз, придавая движущимся машинам особый атласный блеск.

Часть потока выскочила на мост, а вторая свернула вправо на улицу Вити Пятеркина.

Город еще только просыпался, но уже чувствовалось, как напрягает мускулы трудовой день. Впереди у каждого его жителя - свои удачи и поражения. Кто-то возвысится, кто-то опустится на самое дно общества, кто-то останется незамеченным, хоть сделанное им будет куда значимей многих почетных и увековеченных дел.

Время - неумолимо безжалостное и скупое. Оно оставляет из своего прошлого будущим поколениям мизерную частичку, да и то половину из нее перевернет так, что подлец может оказаться героем, а герой - подлеем, талантливый – бездарным, а бездарный - очень уважаемым человеком. Хорошо, если, стерев из памяти доброе дело, оставит хотя бы доброе имя. А бывает, что ни дела, ни имени не оставит.

Вите Пятеркину повезло: его знают и помнят хотя бы по названию улицы, а вот его соратнику по разведке Льву Бреннеру?..

Матери Пятеркина – тоже, хоть на войне у нее и погибло два сына, а дочь от ран умерла в госпитале, но Мария Викторовна знала о гибели своих детей и ходила выплакаться на их могилы.

А вот Раису Наумовну Бреннер и в этом обошло счастье. Трех парней забрала у нее война. Двое - пропали без вести.

Каждый вечер с дрожью в руках перечитывала она все три извещения, сколотые булавкой, и задыхалась от безысходного горя.

Вот пожелтевший клочок бумаги...

Это о старшеньком – Леве:

« Ваш сын, техник – интендант 2-го ранга Бреннер Лев Моисеевич, 1920 года рождения, уроженец г. Мозырь БССР, пропал без вести в апреле 1942 года.

Щербаковский районный военный комиссариат г. Москвы. 20 мая 1950 года».

Как же она любила своего Левушку! Словно чувствовала, что потеряет рано. Все просила его нигде не задерживаться, сразу из института домой спешить. Глядела на него и днем, и ночью и не могла наглядеться.

А вот - второе. Не менее горестное:

«Ваш сын, Бреннер Наум Моисеевич, 1922 года рождения, уроженец г. Бирзула Одесской области, находясь на фронте, погиб 26 января 1943 года смертью храбрых.

Щербаковский районный военный комиссариат г. Москвы. 8 ноября 1955г».

Наум!.. Мальчик мой, ты с детства мечтал быть артиллеристом. Не один вражеский танк вспыхнул от твоего снаряда, не одного захватчика скосила твоя месть.

Рассказывал мне генерал Артем Сергеев - сын прославленного революционера Артема, как вы вместе выходили из окружения, как в одной глухой деревушке его - еще необстрелянного лейтенантика - схватили немцы, а ты успел спрятаться. Но, когда эсесовец приказал расстрелять Артема, ты вышел из укрытия и встал рядом со своим командиром. Даже бывалый офицер-изверг пришел в недоумение от твоего поступка. Когда вы копали себе могилу, всего один солдат охранял вас. Какая непросчитанная и наглая самоуверенность и беспечность чужеземных вояк! Мгновения хватило, чтобы раскроить нашественику лопатой череп и скрыться в лесу.

Мальчик мой, ты рос бесстрашным и погиб как герой.

Старческий голос совсем истончился, а рука сама потянулась к третьему извещению:

«Ваш сын, рядовой Бреннер Борис Моисеевич, 1924 года рождения, уроженец г. Бирзула Одесской области, находясь на фронте, пропал без вести в августе 1943 года.
Щербаковский районный военный комиссариат г.Москвы. 5 декабря 1947 года».

Бориска! Самая крохотная моя кровиночка! Сокровище! Ослушался. Добровольцем ушел. Оставил меня одну! Уже с подножки товарняка крикнул: «Прости, мама! Так надо. Вернусь - вся грудь в орденах будет!»

Простила. Давно простила. Но от этого на душе не легче. Ни днем, ни ночью сыночки из головы не выходят. Другим матерям легче. Они хоть знают, где могилы их детей, а куда я пойду? Только и разговариваю с ними по фотокарточкам. Сердце обливается кровью, и нет сил больше с собой бороться.

Измученная, искореженная душевными и физическими болями, изводилась над фотографиями Раиса Наумовна. Так и умерла бы в беспросветной печали и неведении, если бы вдруг не получила четвертое извещение, точнее - справку:

«...Выдана гражданке Бреннер Раисе Наумовне в том, что ее сын Бреннер Лев Моисеевич, 1920 года рождения, в сентябре 1943 года погиб при выполнении задания командования Советской Армии в тылу противника.

Заместитель командира в/ч 14057 генерал-майор Матвеев. Москва, 19 марта 1976 года».

Радостно прижала мать белый, смоченный слезами листок бумаги к груди, как неопишное сокровище. Лева! Левушка мой! Нашелся! Спасибо Богу! Как же ты без меня жил, сыночек, по каким терниям прошли твои ноженьки?

Да, дивной ракетой взметнулась в поднебесье жизнь Льва Бреннера, но только спустя десятилетия дошел ее свет до нас. Смотрит мать на него и удивляется. Неужели такой ослепительно яркой и героической могла стать судьба ее сына!?

2

Конец декабря 1942 года. Леденящий мороз и ветер. Как потерявшая гнездо стрижица, сумерки мечутся по обгоревшему селу Чернышково. Поземка гривастит путь.

Вместе с ней в распахнутую дверь штаба третьей ударной армии вошел высокий измождённый парень в форме немецкого солдата. На юном волевом лице - тени пережитых мук, нос - острый, орлиный, в глубине черных усталых глаз - огоньки радости: наконец-то попал к своим!

- Я - лейтенант Красной Армии Лев Бреннер, - четко доложил он, - будучи в немецком плену, работал переводчиком в комендатуре лагеря советских военнопленных. Это мой первый удачный побег из плена.

Пыл и смелость, с какими Бреннер обратился к присутствующим, привел их в легкое восхищение. Чувствовались неподдельная искренность, сила воли и уверенность в правоте своего поступка.

- А всего сколько было? - спросил круглолицый майор со шрамом у переносицы.

- Пять, - твердо ответил военнопленный, - если не считать декабря прошлого года. Тогда я попал в окружение на Полтавщине, через три месяца удачно вышел в районе Куликова Поля. В апреле этого же года получил должность военного переводчика немецкого языка при штабе 175 стрелковой дивизии 28 армии. Девятого июля под деревней Ржевка наша дивизия была разбита немцами. Попал в плен - и вот...

- Значит, в комендатуре лагеря шкуру свою спасал? - слышался едкий глуховатый голос.

- Не спасал! - решительно ответил пленный, - это был мой единственный путь, если и погибнуть, то хоть с какой-нибудь пользой для Родины. Конечно, возможно, это не оправдание, но... Прошу понять меня правильно... - Сделал шаг вперед и положил на стол свернутые в трубочку несколько тетрадных листов - сведения о перемещении воинских частей противника и выкраденные из Чернышковской комендатуры бумаги.

- Ты сказал, фамилия твоя Бреннер. Значит - еврей. Но... всем известно отношение немцев к евреям.

- Я назвался белорусом - Леонидом Дубровским.

- Поверили?

- Как видите.

- Ладно, - прервал допрос полковник, не отрывая глаз от штабной карты, разложенной на столе. - Нам сейчас не до перебежчика. Накормить и посадить под стражу, потом разберемся.

Когда конвойный закрыл за собой дверь, полковник оторвал от карты глаза:

- Командующий фронтом требует взять Морозовск и Белую Калитву одним ударом. А как, если пополнения брать неоткуда!? Части измотаны непрерывными боями, за целых три месяца ни одной передышки! - Он еле сдерживал раздражение, усталость делала его лицо серым и неприступно строгим.

- Мы не знаем точной дислокации войск противника, расположения укреплений, - скривился, словно взвешивал что-то гадкое. Хотел сказать: «Не густо» опытных, понимающих сложный характер войны офицеров. Многие давно уже превратились в лагерную пыль в бериевских застенках, немало и затаившихся в глухой тени, чтобы потом, когда настоящие сыны Отечества одержат победу, первыми рвануться за орденами». Но вырвалось резкое и категоричное:

- Однако, и не взять Морозовска мы не имеем права, впереди Донбасс - сердце нашей промышленности.

Смолк. Смолкли и все, понимая, что приказ любой ценой должен быть выполнен. Каждый мысленно пытался в броне врага найти хотя бы незначительную трещинку, в которую можно было бы всадить зубило несокрушимого удара. Но где?.. Где она - эта злополучная трещинка!?

- Товарищ полковник, может, этого... военнопленного перебежчика пустить в дело? Немецким языком свободно владеет. Сердцем чую: - он до мозга костей наш! - Майор со шрамом у переносицы кивнул на дверь, за которой скрылся Бреннер. - А что был в плену, так война ведь! С кем не бывает... Перебросим через линию фронта в той же его солдатской форме, как есть. Будет всем говорить, что отстал от своей части, а сам - собирать сведения. Рискнем, товарищ полковник, деваться все равно некуда?

Полковник еще глубже ушел в молчание.

Возможно, майор и прав. От парня диверсантом не пахнет, но хватит ли у него мужества и физических сил выполнить задание, столько натерпелся..., ослаб, да и как - никак - в комендатуре служил... А если его все же завербовали? Пошлем в тыл к немцам. Принесет ложные сведения, в ходе операции все выяснится... Нет, это нелогично и глупо.

Полковник проворачивал в мыслях новые комбинации, но голос его уже приказывал майору Особого отдела тщательно и быстро проверить Бреннера на предмет заброски его за линию фронта. Если проверка даст положительный результат, то он должен будет проникнуть на станцию Пацинская, а затем в Белую Калитву, обнаружить узлы сопротивления неприятеля и с ценными данными возвратиться в расположение наших войск.

Глубокой ночью, поглощенный хмурыми раздумьями о поворотах человеческих судеб, майор Перегудов вернулся с допроса Льва Бреннера. С порога пахло теплом домашнего очага и уюта, и проталинка воспоминаний о родном доме, от которого осталась одна обугленная воронка, занозой вошла в грудь. Как он устал жить среди жестокостей войны, среди крови, пепла, пороха и страха. Поначалу думал - с ума сойдет, но притерпелся. Война не раздавила его, а сделала упрямей, коренастей, приземистей. Одно дело, когда в грудь вонзается кинжал,- тогда резкая боль сама вырывает из груди неистовый крик, но когда на тебя ежеминутно давит плита неотвратимой тяжести, то боль, хоть и сильней, но терпимей, и ты не кричишь, а крепче зубы стискиваешь и идешь, идешь.

Чтобы не разбудить хозяйку с детьми, тихо прошел в свою комнату, зажег светильник, сделанный из гильзы крупнокалиберного пулемета. Стал внимательно изучать автобиографию перебежчика. Бреннер родился в еврейской семье Байтмана в 1920 году в Белоруссии. Родного отца, красного командира одного из партизанских отрядов, не помнит, его в том же году убили белобандиты атамана Булак-Балаховича при взятии города Мозырь.

В 1926 году мальчик Лёва вместе с матерью и отчимом Бреннером Моисеем Исааковичем переехал в Москву. После окончания школы поступил во Второй Московский институт иностранных языков. Как очень одарённого и подающего большие надежды в овладении немецким языком, в 1939 году Льва Бреннера

переводят на военный факультет. А уже на восьмой день войны он направляется в качестве переводчика в состав оперативной группы Западного фронта.

Биография Бреннера не вызвала у майора никаких подозрений, только жуткой печалью защемило сердце от того, что родному отцу и на руках не пришлось подержать свою родную кровиночку - не успел. У революции не было времени на сентиментальности, всё откладывалось на потом, до лучших времён. Вот они и настали, эти лучшие времена...

Майор сморщил и без того суровый лоб, достал из пачки папиросу, раскурил в качнувшемся копящемся пламени фитиля, сладко втянул в себя густой дым и, раскрыв изъятую при обыске военнопленного записную книжку затертого цвета, стал читать:

«ЭТОТ ДНЕВНИК Я ПОСВЯЩАЮ СВОЕЙ ПОДРУГЕ ЛЕВИНОЙ МАРИИ ЕФИМОВНЕ. ЕЕ АДРЕС: Москва, Грохольский проезд, дом 6, квартира 3».

В глазах майора появилось выражение простого человеческого любопытства, а по лицу пробежала тень большого физического напряжения и сочувствия.

ЧИР

21.10.42 года.

Любовь моя, опять передо мной незатухающий нежный твой образ. Ты снилась мне в течение всей ночи. Проснулся. Не могу ни о чем думать, кроме тебя. Встали перед глазами картины недалекого прошлого. Я пишу тебе эти строки и не знаю, дойдут ли они до тебя, моя радость. Может быть, кто-либо из товарищей передаст тебе после моей смерти. А смерть все время стоит у меня за спиной, но об этом дальше.

Манек, я был всегда честен в отношении к тебе. Таким я остался и сейчас. И именно тебе я хочу рассказать весь свой жизненный путь за время войны. Я хочу, чтобы ты знала, что я остался честен к моей Родине-матери, хотя и пишу эти строки в глубоком тылу врага, в п-л-е-н-у!!! Не знаю, как ты воспримешь это слово, но для меня, для тысяч таких, как я, это означает - смерть! И выход только один - бежать! Но куда? В каком направлении? Я нахожусь в таком положении, что побег мой сразу будет раскрыт и мне не дадут далеко уйти.

О, как мне трудно! Ибо одна мысль перебивает другую, ведь так много пережито! Слушай по порядку, дорогая моя, как я очутился в плену у врага и не только в плену, но даже у него на службе.

12 мая дан приказ идти в наступление. Мы действуем на Харьковском направлении и довольно успешно. Из допросов пленных солдат можно было судить, какой паникой была охвачена немецкая армия перед продвигающейся вперед стальной русской лавиной. Но наш успех продолжался недолго - враг бросил на нас самолеты.

Девочка моя, ты видела, конечно, бомбежки, но такой ад и представить трудно. Это были сплошные тучи черного воронья. Они обрушили на наши головы тысячи и тысячи бомб. Началось самое ужасное отступление, местами организованное, местами паническое.

9 июля нами был дан последний бой. Очень жарко было в этом бою - мы прорывали кольцо окружения. Место, где мы находились, представляло собой

извергающийся вулкан. В бой вступили все орудия 17-й противотанковой истребительной бригады. Ранило начальника артиллерийского дивизиона майора Маслюка. Я и фельдшер оттащили его в ложбинку и перевязали. Он приказал мне разыскать полковника - помкомдива и взять у него планшетку с картой. Кругом строчат немецкие автоматчики. Я беру две гранаты, автомат, вылажу из ложбинки и отправляюсь на розыск полковника. Впереди вижу группку наших бойцов, направляюсь к ним... Вдруг раздается резкое немецкое: «Хальт!» и несколько фашистов выскакивают из этой группы и устремляются ко мне.

Я молниеносно выхватываю лимонку. Дергаю за кольцо, но!!! О, ужас! Кольцо разогнулось, и мне не осталось ничего другого, как поднять руки вверх и отдаться судьбе.

Как шакалы, набросились они на меня!

Один снимает часы, другой по карманам шарит, третий срывает звездочку и знаки различия с петлиц, а четвертый!.. Милая моя девочка, четвертый, гад, рвет с остервенением твои письма, которые нашел в полевой сумке. Я чуть не сошел с ума от ненависти, слезы стояли у меня в глазах, сильная злоба сдавила горло, но что я мог поделаться, если был полностью обезоружен?! На чистом немецком языке вступил с ними в разговор. Удалось. Вошел к ним в доверие. Они попросили меня принять командование над бойцами, которые рыли щели по их приказанию, а сами пошли отдыхать под сень ивы.

Дорогая моя, это звучит очень наивно, но верь мне, клянусь тебе своей жизнью - ни одним словом не лгу. Они легли спать и больше не проснулись. Глубокой ночью 27 человек во главе со мной тронулись в путь в юго-западном направлении к Дону. Голодные, изнуренные жаждой, мы шли пять дней. На шестой - со мной осталось три человека, остальные отказались идти дальше, потом и эти трое в очередной деревушке куда-то исчезли.

На седьмой день, еле передвигая ногами, я вышел на окраину поля. Увидел крестьян, пришедших на покос, и спросил: - далеко ли Дон?

- Семь километров, - ответил щуплый старик в роговых очках.

Значит, цель достигнута - наши уже рядом! Сердце заколотилось от радости. Упал в скирду. С нетерпением стал ожидать наступления сумерек. Но радость моя продлилась недолго. Вскоре к скирде на лошади подскакал фашистский всадник и закричал, чтобы я следовал за ним. Я так завыл от отчаяния, что сбежались все косари. Шутка ли - более ста пятидесяти километров прошагать по тылам врага - и все корове под хвост! Один из косарей - лысый, с глубокими оспинами на лице - так угоднически согнулся перед фашистом, что показалось мне, сейчас переломится, а в медовой его улыбке торчало истекающее ядом жало. Так начались мои мытарства по пересыльным лагерям.

ЧИР

25.10. 42 г.

Миленькая моя, дорогая! Опять потянуло к бумаге, опять хочется с тобой говорить и при этом чувствовать твою близость, твоё дыхание, видеть бархатную синеву твоих глаз и милую улыбку.

Манёк, если бы ты знала, как бьется мое сердце, когда я пишу эти строки. Посмотрел в зеркало и увидел свое внезапно побледневшее лицо, и мои горящие, как

угли, глаза, застлала пелена слез. Как сильно хочется твоего присутствия! Хотя эта мысль безумна, как и факт моего присутствия здесь.

Я обещал подробно изложить тебе свою жизнь с момента пленения. Слушай же, моя дорогая, слушай и осуждай.

Числа 20-22 июля я оказался в пересыльном лагере, который находился в лесу. Нас построили. Пересчитали.

- А ну, кто командиры, выходи! - раздался какой-то махорочно хриплый голос полица. Он таким зловещим эхом отозвался в лесу, что меня чуть не стошнило. Потом посыпался град самой отвратительной площадной брани. Никто не вышел. – Ну, хорошо, завтра как следует, всех проверю. Ложись, кто где стоит, и не рыпаться в течение всей ночи!

Так окончил свою речь этот громила (извини за грубое слово). Все легли спать. А у меня молниеносно возникла мысль - бежать! Но как!? Кругом слышен собачий лай. А от собаки далеко не уйдешь, тем более, что у меня вообще не было сил стоять на ногах. Не помню, как вырыл возле себя ямку и зарыл свои документы. Это место находится возле села Медовка. Манёк, я решил выдавать себя не за офицера. Пошлют, как простого солдата, на работу, оттуда и убегу - была моя главная мысль.

Наступило утро. Нас опять выстроили и пересчитали. И снова тот же вопрос: «Кто командир, выходи!». Вышло два человека. Больше никто не пошевелился. Кто-то крикнул, что среди нас есть еврей. Его нашли и избili дубинками, а в довершение - приказали ему не откликаться, когда будут называть «еврей», а только тогда, когда назовут «жидом».

Здесь я пробыл три дня. Окончательно обессилел. На четвертый - был бы мне «капут», если бы не пришел фельдфебель и не спросил, кто владеет немецким языком. Опять лихорадочно заработала мысль. Ну, не выйду - завтра умру и все, а так, может быть, какую-нибудь пользу и принесу Отечеству. И я встал и слабым надорванным голосом сказал, что знаю немецкий.

Любовь моя, это легко пишется, но нелегко переживается. Тебе трудно представить то выражение лица, то удивление, которое охватило фрица после того, как я объяснил ему, что являюсь советским офицером, белорусом Леонидом Дубровским, что язык учил в высшем военном педагогическом учебном заведении и что я и в Красной Армии был переводчиком.

Он повел меня к офицеру. Тот долго допрашивал. Ему понравился мой беглый говор, и он оставил меня при себе. Я, конечно, обрадовался, так как почувствовал, что начал игру удачно. Игру – страшную, не на жизнь, а на смерть!

Через неделю я сбежал. Поехал на подводе за водой в деревню и сбежал. Но вскоре был опять пойман. Повторилось то же самое, что и в первый раз. Только теперь я был отправлен в Кантемировку. Оттуда в качестве личного переводчика коменданта - в Купянский лагерь военнопленных. Но об этом позже.

24.11.42 г.

Дела разворачиваются чертовски быстро. Наши наступают. Комендант не отпускает меня ни на шаг. Черт с ним! Ему же хуже! Может, удастся выкрасть документы, потом бежать. Паника ужасная. В Чире уже раздаются продукты со складов. Это говорит о том, что надежды на удержание линии обороны у немцев уже нет. Прекрасно!!!

ВЕРХНИЙ САЛОН

25. 11. 42 г.

Дорогая моя, все получается так сложно, что не знаю, с чего начать. Вот уже два дня, как удалось уйти из комендатуры. Но попытка бежать к нашим окончилась неудачей. Нас вернули. Оправдываться пришлось тем, что я - переводчик - отстал и вот ищу свою комендатуру. Получил маршрут движения - в сторону Ростова. Однако решаю продолжить попытку остаться в этой деревне, ведь стрельба - рядом! Машины стоят наготове, не разгружаясь. Одно печалит: уж очень часто пролетают немецкие бомбардировщики. Как бы ни случилось того, что произошло с нами под Харьковом.

Манёк, сегодня я не спал всю ночь. Представляю себе, какое было бы мое первое тебе письмо, если бы удалось перейти фронт. Даже фантазировал о нашей встрече. Как сильно измучилась ты, наверное. Моя дорогая, если бы только можно было узнать, хоть в двух словах - жива ли ты и где ты, моя любовь? Насколько плохое настроение у меня сейчас, настолько сильна вера в то, что удастся перейти к нашим. Когда, когда же настанет этот день?! Думаю, скоро!!!

ВЕРХНИЙ САЛОН

... 11.42 г.

Любовь моя, уже ночь. Около часа - вскочил. Какое-то гнетущее предчувствие терзает мне душу. Не знаю, чем это объяснить? Что будет, если мне не удастся перейти линию фронта? Нет! Ни в коем случае я не должен здесь оставаться! Но куда деваться? Известия, к которым я так жадно прислушиваюсь, далеко не утешительные. То здесь, то там наших теснят назад. Немецкие самолеты чертовски бомбят наши войска. Опять и опять задаю себе один и тот же вопрос: неужели и на этот раз наступление окончится поражением?

...Весь день рыскал по селу, как волк. Ни с кем не хочется разговаривать. А о чем говорить, если оружейная пальба - мой барометр, по которому ориентируюсь в обстановке. Время удаляется. Проклятие! Как долго продолжаться еще этой пытке?

ЧЕРНЫШКОВО

42г.

Все эти дни бродил от села к селу. Спасают немецкая форма и подлинные документы. Стараюсь как можно дольше продержаться в этом районе. Но эти проклятые цепные собаки – старосты: все пронюхивают и докладывают врагу. В последнее время они совсем озверели. Вчера у нас на глазах застрелили пленного за то, что он взял горстку зерна с повозки. Мороз прошел по коже, когда услышал два отрывистых сухих выстрела...

В селе Красный Богдан встретился с немцами из нашей комендатуры. Они обрадовались, когда увидели меня. Ожидали, что узнают от меня обстановку.

В этом селе простояли три дня. Затем вынужден был вместе со всеми пленными следовать до Верхних Чмутов.

Утром сегодняшнего дня с трудом отвязался от «своих» немцев и отправился на станцию Чернышково вместе с другом. По дороге нас нагнала машина. Попросил подвезти. Таким образом оказались тут, где настроение одних приподнятое, а у других - упадочное и глаза полны ужаса. Здесь, на одном из главных стратегических

пунктов, я должен перейти линию фронта! Я чувствую, здесь должна решиться моя судьба! И я иду ей навстречу!

ЧЕРНЫШКОВО

8. 12. 42г.

Несколько дней мы прожили на станции. Долго оставаться незамеченными опасно. Мысли опять работают лихорадочно. Что же делать? Продуктов нет. Каждый день проверка квартир. «Чужих» забирают в лагерь. В лагерь идти нельзя. Снова начинаю игру! Иду в комендатуру и заявляю, что являюсь переводчиком, отстал от части. Получил сухой паек и приступил к работе.

Прощупываю настроение у населения. Пытаюсь найти надежных ребят, знающих хорошо эту местность и готовых на все, чтобы перейти на сторону наших. Как трепетно бьется сердце, когда задумываешься над этим. Игра, которую я затеял, требует нечеловеческих усилий, чтобы владеть собой, своими нервами. Только бы не сорваться, ведь спасение не за горами!

29. 12. 42г.

...Я опять играл. Играл в предсмертном предчувствии. Кое-как все же удалось выкрутиться. Помог фельдфебель. Мне кажется, он догадывается, кто я такой. Но факт остается фактом. Я - жив! И теперь, когда наши уже на окраине Чернышково, я тем более спокоен. Вот-вот должен настать тот момент, которого я ждал с таким нетерпением.

Но спокоен ли я? Ведь я работал переводчиком в лагере... Господи, ну что я мог поделать, если это был единственный путь моей маскировки, единственный путь сохранить свою голову на плечах. Да! Я абсолютно спокоен. Если только я останусь в живых, я пойду на все, чтобы доказать, что душа моя чиста!

Родина, прости меня за то, что я работал переводчиком! Я должен был выжить, чтобы подороже отдать за тебя свою жизнь!

Майор Перегудов закрыл записную книжку. Протяжно вздохнул. Подумал, что и в этой безжалостной круговерти люди помогают друг другу своей радостью, а не горем, и что никакая война не может победить любовь. Он докурил последнюю папиросу. Смял в прокуренных пальцах пустую пачку, вспомнил жену, погибшую под бомбежкой, как от одного прикосновения к ней душа его трепетала счастьем, сына, неизвестно куда заброшенного стихией эвакуации, (жив ли)?! Кровь залила сердце негодующим жаром. Кто знает, дождется ли Маша Левина своего Леву, ведь впереди у него еще столько испытаний, а победа так далеко!.. Но она будет, потому как от возмездия, которое навлекает на себя зло, нет спасения.

* * *

Пять суток под псевдонимом «Леонид Дубровский» новоиспеченный разведчик собирал сведения в тылу врага. Возвратился, хоть и до смерти измотанный, но ликующий и счастливый. Данные оказались очень ценными. Удар по Морозовску и Белой Калитве был такой сокрушительный, что вскоре вся Ростовская область была освобождена от немцев.

А 14 февраля 1943, года лейтенант Бреннер вместе с полками Красной Армии вошел в освобожденный Ворошиловград.

3

Зима отступала вместе с частями гитлеровских громад.

Март выдался теплым. Сбитый с рубежа обороны противник оставил Ворошиловград и укрепился в 15-20 километрах от него. Немецкая оборона была жёсткой и глубоко эшелонированной. Враг создал целую систему опорных пунктов и узлов сопротивления, прикрывающих вероятные направления нашего наступления. Они охватывали перекрёстки дорог, населённые пункты и господствующие высоты. Вокруг грозили смертью минные поля. Их дополняли многочисленные заграждения из колючей проволоки: рогатки и спирали «Бруно». Опираясь на заранее подготовленные неприступные рубежи и естественные препятствия, гитлеровское командование рассчитывало вернуть город и удержать промышленный регион как второй Рур. От владения Донбассом стал зависеть исход войны. «Без запасов угля этого района, - сказал Гитлер, - мы не сможем выдержать войны в экономическом плане».

Огненный вал атак перекатился через Ворошиловград, натолкнулся на мощные укрепления противника, нашпигованные элитными частями фюрера, и замер. Началось затяжное противостояние.

Линия обороны протянулась на восемнадцать километров сплошной зигзагообразной траншеей, в которой стучали сердца десятков тысяч солдат, прошедших через горнило Сталинградской битвы. И одно из них - сердце молоденького лейтенанта Льва Бреннера. Весь он был пропитан глубокой человеческой болью за судьбу своей Родины, за любимую девушку, которая, хоть и очень далеко, а ждет его и потому - рядом.

Несмотря на пережитое, плечи его не сгорбились, а наоборот - выпрямились так, что распахивали перед собой все богатство непокоренной души.

Чувства переливались в слова, от которых, как ему казалось, по всему переднему краю разливался тонкий запах подснежников.

ВОРОШИЛОВГРАД

25. 03. 43 г.

«Дорогая моя, любимая, здравствуй!!!

Моей радости нет предела. Я уже почти два месяца как снова офицер Красной Армии! То, чего я так боялся, не имело под собой никакой почвы - мне не только поверили, но и доверили ответственнейшее задание.

Пишу тебе из Ворошиловграда, из города, где черная тень страха уже не бродит по истерзанным фашистами улицам.

Конец марта. День до того солнечный, что с крыш вода льется ручьями. Экзотика! Здесь в основном частный сектор. Хаты покрыты железом и черепицей, а встречаются и - глиной. Оказывается, крышу можно переплести хворостом, набить глиной, и любой ливень нипочем!

Фашисты оставили после себя такие злодеяния, что нормальному человеку и в голову не придёт. Недалеко от Острой Могилы наши разведчики отбили у немцев два грузовика. Они оказались наполненными трупами детей малолетнего возраста. А

возле одного из колодцев в Каменном Броде раскроила мне душу жуткая надпись на фанерном щите: «Здесь воду берут только бойцы доблестной германской армии, русские же свиньи - из желобка напротив».

Манёк, враг хоть и оставил город, но еще крепко держится за донбасскую землю. Работы много, но только выдаться свободная минутка, думаю о тебе. Хочу опять пережить нашу лунную майскую ночь. Помнишь, Подмоскovie? Сплетенье рук и поляну с тюльпанами. Как я тогда хотел собрать свет всех лунных зайчиков и высыпать их на нежное твое тело и любоваться им, но ты мудро и без обиды увела меня от этого желания, от того мига, который делает мужчиной юношу.

Манёк, я ничего не могу поделаться с собой - то одни, то другие строки всплывают в памяти из твоих писем, которые порвал озверевший фашист, когда я попал в плен.

«...Любимый, у меня голова кругом, и томности нет предела. Наконец-то я поняла, что послушна я тебе, как лепестки цветов послушны ветру. Так же, как они, - запахом цветенья своего сердца дурманить тебя хочу. Поскорее добивай проклятушего фрица и возвращайся!»

Лейтенант перевернул тетрадный листок, удобно расположил на полевой сумке. Вспомнил еще строки из ее другого письма, стал писать дальше:

«...За окном апрель. Вокруг веселое цветение вишен и слив. Но смотрю я на них через разрывы бомб, и на душе не совсем весело. Манёк, «юнкеры» и «хейнкели» сбрасывают на Ворошиловград не только бомбы, но ещё и куски железнодорожных рельсов, бочки с сажой и пустые, продырявленные, из-под горючего, которые своим ужасным воем и свистом вызывают страх и оцепенение у жителей. Голова тяжелая и непослушная и от того не холодно мне, а зябко. Как ты там себя чувствуешь? Вроде бы ожидают заморозки, но они пройдут, ведь впереди - лето!»

Где-то на передовой хокнуло дальнобойное орудие. Тоска залила сердце, словно присыпало его ошмотьями мерзлой земли, и невозможность скорой встречи с любимой встала в его сознании как реальность. Всем существом ощутил непомерно большой груз, взваленный обстоятельствами на его юные солдатские плечи. Сможет ли он выполнить задание командования, находясь в самом аду? Здесь мало одного патриотизма и хладнокровия. Решения принимать надо мгновенно. Ведь разведка в тылу врага - это изнурительнее любого труда, каждая минута на острие испытаний.

Ах, если бы Манёк была рядом! - с горечью подумал Лев. - Она бы придала уверенности моим действиям. Где ты, мое счастье, моя любимая девочка?! Куда швырнула тебя судьба? Здорова ли? Где сейчас мои родители, братья? Вряд ли они живы, так как там, где они находились, бои были кровопролитные. Придется ли нам еще когда-нибудь всем вместе сидеть за одним столом, вспоминать прошлое?

Отвратительное предчувствие, словно помятый черной тучей закат, тяжелым гнетом легло на душу и само собой сорвалось с губ лейтенанта: «Наверное, нет!»

Писать пересталось. Перечитал заново написанное. Вздохнул горько, отрывисто. Добавил:

«Любимая, возможно, это письмо ты получишь спустя годы, но я хочу, чтобы ты знала: если погибну, то с твоим именем на устах».

Сложил лист в треугольник. Написал адрес. Задумался. Развернул. Еще добавил: «Передай маме: «Мамочка, родная! Не сомневайся. Ты можешь гордиться своим сыном, ставшим на путь отца-партизана. Живи счастливо! Целую! Твой Лев».

В блиндаж вошел майор Перегудов.

- Ты все ещё не спишь. Это никуда не годится. Тебе же королевскую постель приготовили, с двумя полушубками. По традиции уходящий на ту сторону должен хорошо выспаться. Имей в виду, традицию эту не зря придумали.

- Высплюсь еще, товарищ майор, - весь день впереди. - Лев вытянулся в струну, хотел что-то добавить, но старый контрразведчик заботливо похлопал его по плечу.

- Ладно-ладно, садись, - взгляд упал на тонкую шею лейтенанта. Совсем юноша, с горькой жалостью подумалось Перегудову. Ему бы сейчас о свидании мечтать, а он... Он вместо глаз любимой должен смотреть в глаза собственной смерти, ведь перед ним уже через несколько часов будет стоять враг - сильный и беспощадный. И этот, совсем неприспособленный к военной жизни парень, должен любой ценой одержать верх над ним, а значит, выполнить особое задание штаба фронта, от которого в военном механизме контрнаступления Красной Армии зависит многое.

И вместо официальной наставительной речи само собой вырвалось у бывалого чекиста отцовское:

- По всем законам даже военного времени нельзя тебя, Лева, отправлять в такой трудный путь, да еще с подростком. Для такого дела надо годами готовить в специальном учебном заведении, но обстановка вынуждает принимать опасное решение. Фашисты вновь завладели Харьковом и Белгородом, снова пытаются отбросить нас за Донец. Наши войска измотаны непосильным наступлением. Сейчас главное не дать врагу сосредоточиться, переформировать силы. В тылу у него целая система опорных пунктов и узлов сопротивления. Пока будем искать опытного разведчика, упустим время, и тогда...

Напоминание о Харькове вызвало зыбучую дрожь под сердцем молодого разведчика. Вспомнилось, как ошеломляющее наступление наших войск закончилось позорнейшим поражением, как он, измученный и вымотанный боями, обессиленный и голодный, попал в плен. Страх, что победа под Сталинградом и здесь, в Донбассе, может обернуться новым невиданным испытанием, сделал лицо лейтенанта до того строгим и решительным, что от него стала исходить уверенность в той силе, перед которой попятится любой враг.

Он не хотел знать, что непогрешимый маршал Тимошенко тогда, в мае 1942 года, почувствовав в себе силу великого полководца, попал в ловушку, сделал из почти полумиллионной армии наковальню и подставил ее под удары германского молота. Он знал только одно: что на его землю напал враг, что он заставил обливаться слезами мать и хочет отнять любимую, и поэтому он должен быть беспощадным к нему, убить в себе чувство страха и идти туда, куда прикажет ему Родина. Пусть не на километры, хотя бы на один шаг приблизить своими действиями расстояние между Красной Армией и фашистским логовом.

- Не обижайте, товарищ майор, специальную подготовку я прошел, как положено, - уверенно сказал Бреннер, - моя школа - это лагеря для военнопленных, а там и стойким, и гибким, как дерево надо быть. Я все взвесил и рассчитал свои силы. Поверьте, у меня нет страха за себя, а есть только одно желание - оправдать доверие

Родины. И жалость здесь ни к чему. В такое тяжелое время наши сердца принадлежат ей. Сегодня она вправе распоряжаться ими по своему усмотрению, иначе - не победим. Для победы над врагом я сделаю все, что в моих силах.

Глаза старого чекиста потеплели и как будто бы покрылись внутренней сердечной слезой.

- Лейтенант Бреннер, - сказал он с душевным скрытым надрывом, - не прошу - приказываю: не быть торопливым ни при каких обстоятельствах. А из ошибок извлекать только пользу!

В сопровождении капитана Потапова - ответственного за обеспечение перехода разведчиков через линию фронта - пришел Витя Пятеркин: маленький похожий на пятиклассника подросток, с карими, неутомимо бегающими глазами. Там, в тылу врага, у лейтенанта Бреннера он должен быть связным. Несмотря на свои только что исполнившиеся шестнадцать лет, он уже имел опыт работы бойца невидимого фронта. В оккупированном Ворошиловграде был связным у самого секретаря подпольного обкома Стеценко Степана Емельяновича, который и предложил его командованию Третьей гвардейской армии как опытного связного.

Когда прощались, прозрачная, робкая тишина стояла над линией обороны. И уже не лейтенант Бреннер, а все тот же переводчик Чернышковской комендатуры - Леонид Дубровский сказал Потапову:

- Вот увидите, я вернусь! Нельзя не вернуться. Если можете, передайте горячий привет матери и отцу.

...Ровно через двадцать пять лет Потапов выполнит его просьбу.

4

Окопы юго-западнее Ворошиловграда.

Чернота ночи слилась с липкой мартовской грязью.

Нейтральная полоса вся в осклизлых водянистых воронках и обгорелых стволах деревьев. Разбитый снарядом немецкий штабной автобус задрал вместе с передними колесами вверх морду и словно зловеще ржал.

Отделение бойцов из наших окопов выдвинулось на передний край обороны и вступило в отвлекающий жестокий бой.

Земля вздрогнула от плотного огня зениток. Ответный удар с немецкой стороны поднял в небо весь склон поля еще с большей злобой.

- Пора!

Леонид Дубровский кивком головы попрощался со всеми находящимися в окопе, оттолкнулся ногой от бруствера и пополз по узкой полоске разминированного коридора параллельно бою в самую густоту ночи в сторону неприятеля - навстречу своему подвигу. За ним, боясь отстать от своего старшего товарища, уверенно работал локтями Витя Пятеркин. Ему хотелось обогнать Дубровского и ползти первым.

Со стороны разбитого штабного автобуса трассирующими пулями распорол темноту вражеский пулемет. Наши минометчики рассчитали огонь на поражение и накрыли пулемет прицельным залпом. Передовая превратилась в ад, которому, казалось, конца не будет. Но прошел час - и наступила мертвая тишина.

Заморосил изнуряющий душу дождь. Он оседал в грубом солдатском сукне шинели, отяжелял движения, холодком подбирался к телу.

- Кажется, линию фронта перемахнули, - облегченно вздохнул Леонид, скатившись на дно ложбины. - Передохни, - дернул за полу серого плащика шустрого мальчугана, который все норовил вырваться вперед.

Под развесистым боярышником отыскивали ручей, смыли с себя грязь, насколько это было возможно, и пошли вдоль балки. Позади над Родаково с короткими промежутками все еще вспыхивали ракеты, вздыхала с хрипом тяжелая артиллерия. Впереди - серая хлябь перемокшей степной травы и чёрные силуэты кустарников, похожие на страшилищ. Перед рассветом наткнулись на железнодорожную будку и решили в ней немного передохнуть.

В будке стрелочника пустота, мрак и запах мышей.

Грубый, из горбылей стол. Вместо стула - толстый сосновый кругляк. В углу - ворох стружек вперемешку с опилками. Но, несмотря на мрачность и убогий вид пристанища, разведчикам оно показалось раем, так как здесь было сухо.

Витя, не думая об опасности, устало рухнул в стружки и облегченно раскинул руки.

- Дядь Лень, ложитесь рядом. Ой, мягко, как на перине! – И, чтоб согреться, шустро стал набрасывать на себя опило-стружечное одеяло.

Дубровский сел на кругляк, бросил длинные худые руки на пыльный стол и улыбнулся находчивости паренька.

Расторопный такой!... На днях шестнадцать стукнуло, а пацан-пацаном, об опасности и не думает, а еще связным был у подпольщиков, лицом к лицу встречался со смертельным страшилищем. Ну, как его одного отправлять обратно к своим? - Леонид пальцем стал разгребать на столе пыль. - Но приказ - есть приказ, его выполнять надо. После того, как в Дебальцево, Енакиево, Горловке и Макеевке будет изучено скопление и передвижение немецких войск, местонахождение складов горюче-смазочных материалов и боеприпасов, засечены огневые точки противника, батареи, пулемётные гнёзда, примерное количество пребывающего подкрепления и какого рода войска, с данными он отправит Витю Пятёркина назад, а сам останется. Командование перед ним поставило вторую - ещё более сложную задачу: найти и внедриться в разведывательный орган противника и по возможности парализовывать подрывную его деятельность. Где-то в районе Кадиевки у немцев есть школа по подготовке диверсантов, она-то ему и нужна. Леонид попытался определить свое местонахождение. Мысленно представил перед собой топографическую карту, прошелся по ней взглядом, понял, что находится в Перевальском районе, сказал Вите:

- Если пойти вдоль речки Белой, близлежащим селом должна быть Малоивановка. Она с одной стороны – неприметная, с другой - недалеко Кадиевка, да и дорога на Дебальцево рядом. А про себя решил: если всё удачно получится, явочную квартиру надо создавать в Малоивановке. С нее легко можно добраться в Дебальцево, изучить обстановку в глубоком тылу врага, отправить Витю к своим, вернуться назад в село и через комендатуру попытаться обратить на себя внимание гестапо.

- Дядя Леня, вы так хорошо шпыхаете по-немецки, что меня завидки берут, - отозвался из стружек Витя. - Неужели вам нравится фашистский язык?

- Немецкий, а не фашистский, - поправил Леонид. - Нравится. Это язык великих лириков и мудрецов. Германию нельзя сравнивать с Гитлером. Самая большая

слабость, запомни, Витя, - это ненависть к любому иностранному языку. В любой нации есть люди и есть сорняк.

- А я без ненависти не могу. Как вспомню, как гестаповец на допросе подпольщицу Юлю Швыдкову ножом исколол. Рассказывают: неделю держал её в одиночке голодную. Потом на кончике ножа – фашистская гадина к её лицу кусочек хлеба поднёс:

- Ну... У кого из твоих подруг справки насчёт здоровья липовые? Кто, таким образом, от немеччины укрывается? Где листовки печатала и кто у вас главный всей вашей шайки? Жратвы получишь от пуза! – Так Юля в ответ плюнула ему в морду. Озверел, гад, ножом, каким хлеб резал, тыкать в неё стал, звезду на спине вырезал и грудь отсёк. – Тяжёлая ненависть заострилась в глазах подростка, - так и подмывает меня вскочить и устроить им какую-нибудь диверсию, как Юра Алексенцев вместе с Анатолием Стрельцовым кинотеатр «Красный маяк» в разгар сеанса взорвали. Рассказывают, сам немецкий генерал нашел под его обломками смерть. Юра своим взрывом не только улицу Ленинскую на дыбы поставил - весь Ворошиловград!

- Я с ним в одной школе учился, – добавил гордо!

- Хотел бы я посмотреть на этого героя, - сказал Дубровский.

- Погиб он, - с болью вздохнул Витя. Связным партизанского отряда у Яковенко был. Возвращался с задания, услышал, что у хутора Паньковки каратели партизанский штаб разгромили и что командир погиб, Юра, недолго думая, положил за пазуху пистолет, по карманам распихал гранаты и пошел к старосте:

- Дядю моего убили!.. Похоронить хочу! - сказал подавленным голосом, чернея лицом от злобы.

Староста оторвал от подушки с похмелья тяжелую, как чугун, голову и всем своим поганым нутром не только почувствовал в нем партизана, но и вспомнил, как пьяного его этот паршивец домой довёл: поддерживал за плечо, басни торочил всякие. Ввалился староста в хату, жена пиджак попыталась снять и обмерла – на спине красовалась листовка: «Смерть немецким прихвостням!».

- Дядю, говоришь! – Староста сжал волосатые кулаки, медленно встал с кровати. - Я тебе, сучья кость, покажу дядю! - Только хотел схватить Юру за ухо, а он в него из пистолета - шарах! И в окно выпрыгнул. Полицай за ним в погоню! Кинул в них гранату и кубарем скатился в кусты дикого терна.

Отряд итальянцев, вызванный раненым старостой, окружил овраг. Хотели живым взять. Юра отстреливался до последнего патрона, а когда они кончились – подпустил гадов на опасное расстояние и гранатой вместе с ними себя взорвал.

- Наше комсомольское подполье - из булатной стали, кого ни возьми, - голос Вити зазвучал невозмутимо и звонко, - Галя Серикова, например, на допросе кинулась на карателя, хотела в горло ему зубы вонзить, так он, душегуб, в ярости ей под ногти палочки острые позагонял. Как ни издевался - никого не выдала, не нарушила клятвы. А Стрельцова Колю так изуродовали, что когда Красная Армия освободила город, его труп только по записке в кармане и опознали.

Он с Юлей Швыдковой – камбродские. Вместе в школе десантников учились. Повоевать успели. Правда, недолго: под Старым Осколом попали в плен. Бежали. Хоть и измученные и голодные, а домой дошли. Не стали отсиживаться. Через секретаря подпольного горкома Галю Серикову связались с Надей Фесенко и включились в работу! – Витя многозначительно, с большой гордостью поднял вверх

палец, - они непросто стали подпольщиками – бойцами партизанского отряда: стратегические узлы взрывали, мосты! Воевали по-настоящему! В подвале Юлиного дома листовки печатали – вся наша область читала! И каждая – для немцев смертью оборачивалась.

Витя вздохнул с лёгким хрипом, сосредоточено. – Если хотите, одну из них я могу на память рассказать... Ну, хоть одну!..

- Давай, слушаю с интересом.

И Витя стал читать тихо, но с твёрдым накалом:

«Дорогие наши Ворошиловградцы! Не верьте лживой фашистской пропаганде!

Банда Гитлера пытается убедить вас, что они разгромили Красную Армию, уничтожили её. Это наглая ложь! Красная Армия не только не уничтожена, она наносит сокрушительные удары по гитлеровским войскам на всех участках фронта. Недалёк час, когда Красная Армия перейдёт в контрнаступление и освободит наш славный город от гитлеровской нечести!

Дорогие товарищи! Не поддавайтесь лживой геббельсовской пропаганде, не падайте духом, всеми силами, способами срывайте мероприятия оккупационных властей, поддерживайте и развивайте патриотическое движение в городе!»

Сначала Юля сама ходила по дальним сёлам распространять листовки. Потом мать сказала: «Не пущу больше одну! Сердце у меня за тебя болит. Пойдём вместе!». С тех пор и ходили на задания вместе: дочь и мать – Прасковья Константиновна.

- А где брали текст, сочиняли сами? – спросил Дубровский.

- Связные из штаба Яковенко доставляли. Представляете, Юля в один день с вождём мирового пролетариата – Лениным, родилась! Эх, если бы не предатели!..

- Ну-ну, сильно не сокрушайся! – Леонид, сглатывая колючий ком в горле, привлёк Витю к себе. – Где зерно, там и полова. Разглядеть её и отместить вовремя – главное дело для успеха!

- Надя с Галей в одной камере – в 14-й, в доме Васнёва – там тюрьма находилась, век доживали, - продолжил Витя. – Маме Галиной перед казнью свидеться разрешили – не узнала она дочь свою: остриженную, почерневшую, измученную от пыток, платье от крови прилипло к телу. «Не плачь, мама, не надо, наши скоро вернуться» - так Галя пыталась утешить свою маму. Гитлеровские палачи и их прихлебатели перед казнью со связанными руками и табличкой «Партизан» на груди провели их по городу. Шли – измученные голодом и пытками. С трудом передвигали ноги опухшие. Надя - вся в ранах и в чиряках (от простуды они ей всё тело покрыли) даже нашла в себе силы крикнуть: «Товарищи, Красная Армия вернётся, советский народ непобедим! Смерть немецким оккупантам!».

- Завидные у тебя друзья! - Леонид расстегнул на груди шинель, словно ему не хватало воздуха, вспомнил свою мать и братьев. Сердце защемило ещё больше. – Геройские они ребята и погибли геройски. Жаль. Но мы с тобой, Виктор, вывод должны из этого серьёзный сделать: умереть геройски - это еще полдела, а вот выполнить задание и остаться живым для нового... уже вопрос! Как можно больше взвешенности и осторожности, слышишь! Не горячиться ни при какой ситуации. Не смерти бойся - бойся не оправдать доверия, не выполнить поставленного задания. Самая большая слабость - это все-таки слепая ненависть.

А сам подумал: «В случае чего, сумею ли я выдержать то, что выдержали мои ровесники из этого рабочего городка? Они решили вопрос своей совести, не раскисли от фашистского сапога. Пусть хоть на малое время, а приблизили час победы, ценой своих жизней приблизили. Для такого подвига натуру надо иметь железную, а может, и не в натуре дело - в идейной вере?..».

Сквозь матовое от пыли окно продралось солнце. Оно разогнало остатки мрака и сняло с души набежавшие вдруг сомнения.

- В нашем с тобой положении, Витя, главное то, что когда говоришь все, что думаешь, думай, что говоришь. Что-то я замерзать стал. - Леонид с сожалением взглянул на разрушенную печку, провел руками по мокрой и грязной шинели, подсел к Виктору и стал вытирать ее сухими стружками. - Железнодорожная будка для нас - это не только тёплое убежище, но и хорошая мышеловка. Приводим себя в порядок - и в путь! Отдыхать, как говорится, на том свете будем.

И пошли разведчики по онемевшей земле дальше.

От встречного ветра гудело в ушах и ломило виски, словно от выстрелов. Собранные, напористые шли, вслушиваясь и всматриваясь в окружающий их мир, который был абсолютно спокойным и, несмотря на мартовскую распутицу, приветливым.

Ничто не предвещало тревогу. У подошвы порыжевшего от мхов кургана табором разместились громадные тополя. Из-за них показалось солнце. Оно вонзилось в расплывшееся облако быстро и торжественно. Шли. Осиянное солнцем облако медленно иссякало, превращалось в небесную синеву - пропадало бесследно. Душа стгорала от нетерпения поскорее заняться серьёзным делом.

- Дядь Лень, - не уставал проявлять любопытство Витя, - один немецкий офицер в кабаке на Пушкинской улице, где я промышлял с гитарой, бахвалился перед итальянцами, что, мол, Гитлер пришел к власти демократическим путем, через всенародное признание. Получается - весь народ Германии за Гитлера, а нас в школе учили - за Эрнста Тельмана, и что демократия - это хорошо?

- Хорошо там, где народ не удаётся затуркать и оболванить.

- А если затуркают?

- Тогда демократия становится универсальным орудием в руках властвующих проходимцев. Любое преступление легко прикроют якобы заботою о народе. На самом же деле - жиреют на его бедах. Запомни, Витя, достичь единства народа, особенно перед лицом внешней угрозы, можно только соблюдая законы нравственности.

- Не знаю, как вам сказать, дядь Лёнь, мне, например, жалко было, когда рабочие демонтировали наши заводы и отправляли глубоко в тыл. Сначала думал – диверсия. Хоть и верил товарищу Яковенко – душа болела: сколько труда и пота было вложено в каждый цех! Немец, может, и не войдёт в город, а мы всё вывозили и разрушали!.. Теперь понимаю, насколько Иван Михайлович был прав...

- Этого требовала военная обстановка, - сказал Леонид спокойно и доверительно, словно делился своей мечтой. – Вывезли на Восток оборудование и, значит, чем быстрее восстановятся там заводы, тем быстрее наши войска получают оружие и боеприпасы, тем успешнее Красная Армия будет лупить фрицев.

Кончится война и Луганск отстроит новые заводы во много раз могущественнее и краше этих, со всеми детскими садиками, больницами и такой художественной

самодетельностью, что на весь мир!.. И всё за счёт предприятия... представляешь, бесплатно!

Они вошли в Малоивановку перед сумерками. На клочке, почерневшем от времени картона, прибитом к стенке комендатуры, прочитали:

ПРИКАЗ

10 ноября 1942 г.

Алчевской районной управы об изъятии у населения политической литературы и кинофильмов.

«Согласно распоряжению городской комендатуры, население города и сел района обязано сдать к 15.11.42 г. в отдел пропаганды районной управы всю политическую литературу (книги Ленина, Сталина, Маркса, Энгельса и различного рода брошюры). Граждане, не сдавшие в обозначенный срок литературу, будут привлекаться к ответственности по условиям военного времени – расстрел!

Жители, которые знают местонахождение партизан и их сообщников, спрятанное оружие, обязаны немедленно сообщить в ближайший пункт немецкого командования или управление полиции.

Каждого утаившего - ожидает смертная казнь».

Об охапку хвороста вытерли у порога ноги и распахнули массивную, захлапанную грязью дверь.

- Я - переводчик Чернышковской комендатуры Леонид Дубровский, - четко отрекомендовался коменданту Лев Бреннер. - При отходе с Дона отстал от своей комендатуры и теперь разыскиваю ее.

Резким, уверенным движением протянул документы. Комендант внимательно просмотрел их, приказал обыскать нежданного гостя, придирчиво допросил, каким образом он оказался в Малоивановке.

Леонид детально рассказал о своем пути скитаний с начала катастрофического отступления и о своей работе в Чернышковской комендатуре, назвал всех ее сотрудников. В их числе оказался земляк коменданта – Вольф, которого тот хорошо знал.

- О, Вольф! Баварский мартовский кот! - с иронией хохотнул комендант.- От него не только кошки - куры орали на всю Баварию - с перьями живьем кожу сдирал. Кстати, какое выражение у него всегда вертится на языке?

- «Все от Бога и потому - благо! Значит, и зло - благо!», - гер гаупт-ман, - без запинки отчеканил Дубровский. - А еще: «В Германии каждое утро африканская обезьяна в постель мне подавала кофе».

- Bravo! Вы мне явно понравились – образованный и культурный! Ваше место в лучших рядах вермахта. Я приглашаю вас на ужин к нашему переводчику Цукру. Отменно проведем вечер! У него русский шнапс есть. Уверяю вас, здесь такая дыра, что встретить порядочного человека - большой праздник.- Бросил беглый взгляд на Витю Пятёркина, - а это что за голодранец?

- По дороге приبلудился, гер комендант. Он – немец, из придонцовских колонистов. Пошел с матерью в село тряпки на хлеб менять и потерялся. Бестолочь, а жалко. Да мне с ним даже и веселей как-то...

Не дослушав Дубровского, комендант повернул голову к молодой чернявой женщине, которая заканчивала мыть полы:

- Паша, отведи гостей к Цукру. Пусть на стол накрывает!

Паша выкрутила половую тряпку, отставила ведро в угол. Внимательно посмотрела на пришельца.

«Боже, какое лицо благородное и красивое! - екнуло сердце. - Неужели его немецкая форма не имеет с лицом ничего общего? - Такой же гад, как и комендант, - раз пять на день заставляет с мылом добела полы драить. - Но встречный участливый взгляд Дубровского смутил женщину своим вниманием и мягким блеском. Так на нее еще никто не смотрел, даже муж, который, как ей казалось, ее любил. Лётчиком стрелком-радистом был. И года не прожили вместе - началась война. Дошли слухи, что где-то в Ростовском небе погиб».

- Пашенькой зовут, значит. Ну, ведите нас к своему Цукру, - сказал Леонид, вежливо касаясь ее плеча.

Его взгляд и слова подействовали на молодую женщину завораживающе. Вдохнули ей в душу что-то доброе, откровенно чистое и мужское, далекое и почти неизведанное, которое прорывалось к жизни сквозь суровость времени, лохмотья и нищету. Прикосновение гостя к плечу перехватило дыхание и прошлось дурманящим током по всему телу. Паша встрепенулась, в испуге отпрянула слегка в сторону. Пришла в себя. Отставила ведро с водой в угол и поспешила к двери.

Вышли на улицу. Солнце уже спряталось за черноту кургана. Легкий морозец изо всех сил пытался сковать грязь. Под ногами она похрустывала, как солома. Звезды в небе горели так ярко, что мартовская тишина, пахнувшая пробуждающейся землей, казалось, звенела, встряхивала и обостряла душу, не давая ей потерять надежду, пусть хоть и на далёкое, но счастье.

Метров через сто от комендатуры Леонид замедлил шаг. Посмотрел на Пашу. Худенькая, в фуфайке и юбке из байкового одеяла, она казалась привлекательной и добродушной. В глазах тоска и усталость и что-то ненавидящее и надежное, по-девичьи кроткое и заботливое, как и у его далекой Маши. Ему снова захотелось прикоснуться к ней и кроме нее никого и ничего не видеть.

Прикоснулся. И от воспоминаний на мгновение все поплыло вокруг, еле устоял на ногах.

«Возможно, ее хата и может стать местом явок, - подумал молодой разведчик. - Паша работает в управе - лучше и не придумаешь. Может, у нее родственники есть где-нибудь в Горловке или Енакиево. Если есть - было бы здорово».

Не теряя предосторожности, спросил вкрадчиво:

- Паша, а скажи, как ты думаешь, гитлеровские орлы раздавят в своих острых когтях серп и молот?

- Не знаю, но своим презрением к смерти наши солдаты превосходят ваших орлов, - ответила смело женщина.

С характером, но душа у нее не черная, - решил Леонид и, попросив Виктора отстать, сказал с отвергающей сомнения решимостью.

- Хороший ответ, скажем так - располагающий к доверию. - Минуту помолчал, собирая в себе решимость. - Так вот, Паша, буду с тобой откровенен, верь мне или не верь, но я - советский разведчик и мне позарез нужна твоя помощь. Если не возражаешь, я попрошусь у тебя переночевать, приду и все потом объясню. Где ты живешь?

- В здании почты... напротив сельуправы, - с тенью испуга и удивления тихо сказала Паша. - В апреле 1942 года мы с сестрой Евдокией эвакуировались из прифронтового села Ильинки, думали, здесь немец нас не достанет, а он и сюда приперся.

- Понятно.

Леонид сделал короткую паузу и, видя ее неуверенность, на всякий случай добавил устрашающе: - Только знай, если предашь - меня расстреляют, но и тебе несдобровать. Красная Армия близко. Ответишь за предательство по всей строгости. Нашим все равно все станет известно.

- Господь с вами, товарищ немецкий солдат, - с пылкостью и смущением отозвалась Паша, - приходите, мы с сестрой вас будем ждать.

До позднего вечера колыхалась свеча в окне Цукра.

- Ничто так не греет душу, как холодная водка! - Гер гауптман, накачанный перваком, вел себя вальяжно и независимо, словно он не комендант Малоивановки, а по меньшей мере комендант какого-нибудь областного центра.

- Ты - дармоед! - Он пьяно тыкал пальцем в грудь своего переводчика - татарина, который долгое время жил в немецкой колонии под Енакиевым и потому, хоть и скверно, а говорил по-немецки. - Учись у Леонида, как надо разговаривать на языке великой нации. Вот выгоню тебя вон, а Дубровского возьму, - с ним общаться - одно удовольствие.

- Упаси вас Бог от такого лиха! - Хромая Цукриха, чуть не падая на колени перед комендантом, льстиво подсовывала ему стопку первача и тарелку с жареной домашней колбасой. - Добрейший отец наш. Мы за ваше здоровье с супругом каждое утро молимся, а вы нас обидеть хотите...

- Как же смилостивиться, - с еще большей напыщенностью выпячивал живот гер гауптман, - если у твоего мужа умственный кругозор уже, чем в моем унитазах дырка.

Дубровский весело рассмеялся.

- Ничего, под вашим руководством легко обтешется. Истинные арийцы всегда приносили с собой наивысшую культуру, подчиняя себе другие народы и превращая их в слуг. Гер гауптман, пожалуйста, скажите женщине, что вы пошутили, иначе она с ума сойдет. Быть под вашей властью - это такое счастье!..

- Для счастья ума не надо, если иметь достаточно глупостей. Вы согласны со мной, господин Дубровский?

- Да, но сколько б ни было ума, его все равно не хватит, чтобы жизнь прожить без глупостей. - Леонид поднял стопку. - Я попрошу всех выпить за то, чтобы я все-таки нашел свою комендатуру и передал привет «Баварскому мартовскому коту» Вольфу от его хлебосольного земляка - коменданта пока что Малоивановки. - Дружески подмигнул Цукрихе, - не бойтесь, ваш муж со временем виртуозно будет владеть языком великого фюрера! Иначе и не может быть.

- Bravo, Леонид! Bravo! Это вас прекрасно характеризует. Вы непременно передадите сердечный привет Вольфу!

- Стараюсь, гер гауптман. Найду Вольфа, и вместе с ним из свободной Украины буду делать процветающую страну.

- И процветать в ней станет никто иной, а мы, - добавил хозяин положения. - Восток будет заселён только людьми немецко-германской крови. Славяне принадлежат к семейству кроликов. Под свободной Украиной я понимаю людей, которые должны мыться один раз в месяц.

- Это, кажется, слова гауляйтера рейхскомиссариата «Украина» Коха? - улыбнулся Дубровский.

- Вы и в этом вопросе дока, - комендант Малоивановки одобрительно мотнул головой, в стопке первак хлопнулся через край. - Не правда ли, замечательные слова: «Мы выдавим из этой страны всё, до последней капли и остановим её биологическую силу обилием табака и водки».

Евдокия только что пришла с окопов. Сегодня она рыла ход сообщения. Еле норму выполнила: четыре с половиной метра длиной и до метра глубиной неподнимаемой каменистой земли вышвыряла. Хотя бы эти окопы не пригодились немцам, молила она Бога, глядя, как фашист специальным метром педантично измерял все ею выкопанное. Чуть сфальшивишь – тут же получишь оплеуху, добавит норму, и, кроме того, миски баланды лишишься. Усталая и угрюмая, с кровавыми мозолями на руках, она подбрасывала дрова в печку и ругала свою двенадцатилетнюю дочь Любу за то, что та плохо следила за годовалым сыном Полины, который, ползая по полу тесной комнаты, похожей на клетуху, перевернул стоявшую в уголке кастрюлю с кашей из пшеничной сечки и отрубей. Люба начала было оправдываться, но распахнулась дверь и запыхавшаяся Паша испуганно-суетливым голосом попросила сестру выйти на улицу:

- Поговорить надо, - сказала она, загадочно взглянув на Любу.

- Шо там ище стряслось? - Насторожилась Евдокия.

- Такое, что и во сне не привидится, - буркнула Паша.

Сумерки уже накрыли Малоивановку густым мраком, и оттого сгорбаченная комками грязи улица простиралась меж хатами, как громадная брошенная дерюга.

- Только я закончила мыть полы, - всполошенно зашептала Паша, - как в комендатуру немецкий солдат вошел с хлопчиком. Стройный и очень приятной внешности моих лет примерно, и как забелькочет по-немецки с комендантом - такой решительный! Тот вначале настобурчился, документы проверил. А потом весь расплылся в улыбке, повернулся и говорит мне: «Отведи этих двоих к Цукру. Скажи - пусть на стол накрывает, ужинать у него будем». Ну, я и повела. Фриц возле церкви убавил шаг, ошпарил меня чернотой своих глаз, будто заворожил. Я покраснела, Тита своего вспомнила, а он хлопчику приказал отстать и без всякого - якого мне в упор: «Я - советский разведчик. Мне нужна твоя помощь в выполнении задания Красной Армии. Согласна ли ты быть моей связной»? И шо ты думаешь, я - сначала растерялась, а потом согласилась! Сказал, к нам ночевать придет и расскажет, что нужно делать.

Евдокия от неожиданности присела. Ее охватила паника. Она смотрела на сестру и нервно перебирала пальцами бахромку платка.

- Як жэ ты смогла на такэ решиться! А вдруг нас провирають? Уже ж раз предупредила полиция, шоб беженцев до сэбэ не прываживалы, нэ квартира, а мол, дом приезжих.

- Да нет, сильно доброе у него лицо, теплотою распахнутое.

- Ну, дай-то Бог!..

* * *

Густая темнота ночи укрыла хаты Малоивановки. В воздухе витал запах пробуждающейся весны. Месяц с обмирающим трепетом прильнул к березе, зачарованный ее сокоддвижением. Тихо. Все предалось покою. Даже ветер, слегка пошуршав в черноте обнаженных кленов, уместился между веток и задремал. И только сестры не спят в своей клетушке, дожидаются, когда к ним в окно постучится загадочный парень в немецкой форме.

Старшая – Евдокия молит Бога, чтобы не постучался вовсе. А у младшей огонь нетерпения вырывается из нутра сердца.

Ну, когда же он, наконец, придет?

Появление Леонида в Малоивановке словно сорвало с Паши лохмотья и нарядило в дорогое крепжоржетовое платье. Удивилась своему, вдруг возникшему острому желанию быть счастливой. С кротким наслаждением растягивала в памяти удовольствие пережитого прикосновения Леонида к ее плечу. Раньше она считала глупой пословицу: «Даже пусть сухарь с водой, только б милый был со мной». Всмотривалась в своего мужа и хоть бы хны. А сейчас - всем сердцем, до каждой буковки постигла ее смысл. Поймала себя на том, что вроде бы ничего и не произошло, а она уже живет ожиданием Леонида, что все, даже война, поблекла перед этим ожиданием, не такая стала страшная, как мысль, что вдруг он сегодня не придет к ним ночевать.

Дубровский пришел с комендантом и переводчиком Цукром почти в полночь.

Пьяные, они о чем-то оживленно стрекотали по-немецки.

Паша на стук отворила дверь. Цукр с комендантом зашлись в хохоте, насильно подталкивая примолкшего Леонида вплотную к зардевшейся молодой женщине.

- ... А он взял её девичью грудь и узлом завязал на спине,- бесстыдно орал Цукр.

Пореготали. Потоптались. Ушли.

Леонид отвел Витю Пятеркина через дорогу к соседям Аверкеевым. Появился на пороге в приподнятом настроении, полным юношеского задора.

- Броня крепка и танки наши быстры, и люди наши мужества полны, - продекламировал с выражением, вкладывая в слова песни более глубокий смысл, понятный только ему.

- Быстры, то быстры, но смотря в яку сторону. Так драпонулы от родной границы, шо не замитылы, як опынылысь у самой Волги, - с горечью выдохнула Евдокия.

- Ничего, вот уже и Донец вернули. Главное, не терять оптимизма.

- Шо такэ оптимизм, я нэ знаю такого слова, а то шо нам уже скоро ноги от голодухы прийдётся вытянуть, цэ точно. - Евдокия сосредоточила свой взор и сквозь мрак клетушки пыталась рассмотреть гостя. Она впервые так сильно сожалела, что в настольной лампе её кончился керосин.

- Да что ты, Дуся, так отчаиваешься, не пропадем! - вмешалась в разговор Паша, - скоро травка из земли выткнется: крапива, лебеда, щавель. А там и наши придут. Да вы присаживайтесь, - учтиво обратилась она к Дубровскому, подставляя табурет.

Спасибо, - с непривычной для деревенских женщин вежливостью сказал молодой разведчик.

Сел и с еще большим вниманием, чем Евдокия, стал всматриваться в сестер. Глаза к темноте комнатухи постепенно привыкли, и он увидел добрые красивые лица, полные той красоты и бабьего терпения, которая берёт начало из самой древности. Терпение словно светилось в их глазах - неиссякаемое и суровое, несущее в себе сквозь немыслимые преграды святость и веру в счастливый завтрашний день. Тихая простота комнатки дышала теплотой и уютом. И на душе стало умиротворенно до сладости, как будто в родной дом вернулся.

- Правильно, Паша! Главное не опускать руки, быть духовно богатыми, и тогда все будет в нашей власти. И победа тоже. Но чтобы ее приблизить, надо помогать Красной Армии, даже здесь, в оккупации.

Наступило выжидательное молчание.

Было слышно, как на самодельной деревянной большой кровати посапывают во сне умиротворённые покоем дети. Но над их сном металась какая-то тревога, которая не давала покоя женщинам и которую необходимо уничтожить, чтобы дети проснулись радостными и счастливыми.

- Та мы не против, если шо чого нужно... - ответила Евдокия по- хозяйски деловито. - Мы багато кому тут помогали. Комсомольского секретаря Рабинович Миру Наумовну три мисяця переходували. Дэ она сичас, нэ знаю, вроде в надежном месте.

Паша смотрела на Леонида, по-девичьи восхищалась его мужеством и, приглушая нарастающее в груди стучание, упрекала себя: «Господи! Кругом все рушится, столько страха и опасностей, а мне только бы не отрываться от его лица, только бы, не переставая пить его голос!»

Леонид расспросил женщин обо всем, что касалось задания командования.

Решили: утром, если все будет благополучно, выпросить у коменданта пропуск и вместе с Пашей пойти в Дебальцево к очень близкому и надежному другу Самарских - Владимиру Человскому. Постепенно разговор потек по житейскому руслу. Сестры рассказали о своих мужьях, которые в один день попали под мобилизацию. Леонид - о своей девушке Маше и о московской жизни.

Вымученная работой на окопах, Евдокия, чуть потеснив детей, уместилась на краю кровати и незаметно уснула. Но Леонид и Паша об отдыхе и не думали. С каждой встречей глаз сердца их бились все сильнее и сильнее, незаметно сближались руки. Леонид стал рассказывать Паше о фронте, о муках, перенесенных в плену, о том, как фашисты бросали в баланду из брюквы битое стекло и военнопленные, вымученные голодом, с жадностью глотали эту страшную смесь и заливались кровью, как «развлекались» стрельбой по мишеням из живых детей, как познакомился в институте с Машей Левиной.

Рука Дубровского нечаянно коснулась пылающих пальчиков Паши и понимание чего-то радостного и желанного озарило их души.. Вдруг он явно почувствовал, как далекая высокообразованная интеллигентная Маша уходит из его

сердца, а ее место властно занимает ее ровесница - простая женщина, реально познавшая цену горю. Та - далеко, а эта - рядом. Вот он уже чувствует в своей ладони ее шершавую от изнурительного труда, но теплую и родную ладошку... Крепко сжимает её в своей.

Луна светила в окно серебристо и шало.

Она бескомпромиссно высвечивала каждое движение чувства на возбужденных лицах.

Паша встала, подошла к окну и задернула занавеску. Но свет пер и сквозь штору, образуя в комнатке еще более сближающий полумрак.

- Такого удивительного сияния я еще никогда не видела, - с придыханием сказала Паша. Подошла и села совсем рядом - трепетная и осязаемая насквозь.

Леонид вздрогнул. В памяти возникли Машины письма. Они закружились над ним белыми чайками. Вдруг, похожие на перья убитой птицы, порванные фашистом, упали к его ногам. Он хотел, хотел их поднять, но то ли растерянность, то ли страх костенили тело. Ему стало стыдно перед Машей. Но рядом обжигало шею обмирающее дыхание другой женщины. Он инстинктивно прижал ее жаркое тугое тело к себе и понял, что уже ничего не исправить и не повернуть вспять. И, словно оправдываясь, молча выдохнул из себя: «Прости, Маша, за то, что не смогу пройти свой жизненный путь до конца с тобой! Ты помогла мне преодолеть ад плена, а Паша... Паша поможет выдержать другой ад. И... с ней я стану настоящим мужчиной».

- Давай спать! - как будто из сказочного Зазеркалья донесся до его слуха покорный и тихий голос. Он распахивал перед ним всю свою нежность - знойную и нестраченную.

Паша, сама не зная того, вложила в эти два слова такой глубокий смысл, такое чувство, что весь сосуд его тела переполнился страстью, и она пролилась через край кристально чистым желанием, вспыхнула смело и неотвратимо.

Ее глаза вырвались из полутьмы, примагничивающие и страдающие. Голова закружилась от прикосновения к ее телу.

Он попытался еще раз что-то переломить в себе и не смог.

«Клетушка!.. Клетушка до того узкая, что если бы даже мы были равнодушны друг к другу - легли бы все равно рядом», - мелькнуло где-то далеким просветом слабое оправдание в сознании Леонида.

Горячий, испепеляющий рассудок вал накрыл их непроглядным сладким туманом.

Только на третий день Леониду Дубровскому удалось оформить у коменданта сразу три пропуска, проведя с ним ради этого еще один отменный «ужин».

Оставив Евдокии на пропитание часть оккупационных марок, разведчики вместе с Пашей двинулись на Дебальцево.

По сторонам большака чернела разбухшая от стаявшего снега земля. На огородах, возле горестных потухших хат, торчали уродливые кочерыжки подсолнуха, как гнилые редкие зубы старцев. Над балками кружилось и каркало воронье, как ущемлённая грехом память.

Колонна трехосных тяжелых грузовиков, наполненных немцами, ехала в сторону Ворошиловграда. Держа на коленях шмайсеры, они сверху смотрели на

редкие телеги с местными жителями, на пешеходов, бредущих с котомками на плечах, и нагло поплевывали.

Знакомая и острая боль подступила к сердцу Дубровского.

Паша же не чувствовала под собой земли. Ей хотелось вот так рядом с Леонидом идти не только в Дебальцево, но и на край света. Она смотрела на Леонида, словно девчонка, и гордилась его храбростью.

Леонид, хоть и ощущал рядом противника, тоже радовался присутствию Паши, шагал браво, наконец-то почувствовав себя настоящим мужчиной. В теле его еще играла плотская радость, и ему казалось, не земля - лучи солнца поскрипывают у него под ногами. Он никак не мог до конца прийти в себя от сладостного шума в ушах после феерически знойной ночи. Так вот оно какое, настоящее счастье - чувствовать в себе зрелость!

И только Витя семенил рядом, свободный от всех чувств, кроме одного - следить за передвижением войск врага. Увидев нарисованную на дверце машины собаку, тихо спросил Дубровского:

- Что это за чудище, дядь Лень?

- Австрийцы. Посчитай, сколько таких машин проехало и намотай на ус.

Впереди, у края дороги, стоял «барквард» - тяжелый итальянский грузовик. Высунувшись из кабины, молодой бравый фельдфебель нетерпеливо поглядывал на шофера, который, открыв капот, ковырялся в моторе.

Дубровский с независимым видом подошел к нему, отдал честь и на чистом немецком спросил:

- На Дебальцево?

- Яволь! На Дебальцево, - ответил тот.

- Я работник комендатуры, - Леонид не терпящим возражения жестом вытащил из кармана документы, - значит, нам по пути. Я думаю, вы нам не откажете...

- О, если по пути, конечно, садитесь, - понимающе кивнул итальянец.

- Вы - рядом со мной, а подросток и эта, - с любопытством посмотрел на Пашу, потом на Дубровского, - сеньора пусть полезает в кузов.

Кузов был плотно заставлен какими-то тяжелыми фанерными ящиками.

- Посылки! - с удивлением вскрикнул Витя, умащиваясь в углу. - Ну, гады!.. Ничего, мы еще покажем их высочайшему невежеству, как грабить нашу страну! - Вытащил из кармана гвоздь и с непосредственной детской шалостью стал отковыривать планку крепления посылки.

- Прекрати! - строго сказала Паша, - ты не на блинах у родной бабушки. На тебя командование Красной Армии надежду имеет...

- Подумаешь, из-за одной посылки!.. Никто даже и не заметит.

- Вот именно - из-за одной паршивой посылки можешь погубить все дело.

* * *

- Значит, вас кошкодав подвез, - сказал Владимир Человский, когда неожиданные гости расположились в его квартире. Мужчина коренастый, лет тридцати, не попавший под мобилизацию по причине травмы позвоночника. - Мы тут итальянцев так называем, они у нас в Дебальцево всех кошек переловили и съели. О них даже песенку сочинили:

Дорогая, либе фрау, ем к обеду «мяу-мяу».

Мне осталось жить недолго.

Ах, Дойчлянд! Ах Вольга! Вольга! -

Немцы их не особо жалуют. Они у них на вторых ролях, вроде батраков получается. А немчуры у нас много. Отшвырнули наши их за Донец, забегали, как крысы на тонущем корабле. Правильно! Сколько можно нашему народу дурью маяться - пора побеждать! Вчера на станцию танки пришли - целый состав! «Тиграми» и «Пантерами» называются – страшилища, не приведи господи! Как подумаю, сколько они принесут нашей армии горя, - сердце обливается кровью.

- Ничего, уязвимые места и у них есть, - спокойно сказал Дубровский, - будем лупить, аж тырса посыплется!

- Донбасс никто не ставил на колени, и никому поставить не дано! -

Добавил с пафосом Витя. - Наш земляк написал и фамилия у него - Беспощадный! Значит, никакой пощады врагу!

- Каждое дело начинается со сноровки, - одобрительно отозвался хозяин дома. - Наш народ привычен к любой работе, в терпении одолеет и любое лихо.

Потом они пошли с Леонидом к путям, где высились горой немецкие укрепления, разведали все места, где находилась техника, пересчитали количество дальнобойных орудий, запомнили и места скопления сил противника, понаблюдали за передвижением эшелонов.

- Ну, вроде бы все, - вздохнул Дубровский, присаживаясь на ствол поваленного на бордюр клена, - с Дебальцевом картина ясная. Теперь, не теряя времени, надо все данные передать нашим, - внимательно посмотрел в глаза Человскому. - Ты не против, если я тебя пошлю за линию фронта?

- Если надо, я готов хоть сейчас.

Леонид в задумчивости опустил свои длинные руки в карманы серозеленой шинели, ушел в себя. До спазмы в горле ему захотелось обнять этого простого русского человека, для которого все в жизни сделалось второстепенным перед лицом всенародного испытания. Осталась одна, самая праведная цель - одержать над врагом победу.

- Спасибо тебе, Владимир, за добрый порыв. Отзывчивая у тебя душа. - Леонид вытащил из карманов руки. - Но нельзя тебя посылать к нашим. У тебя семья, ты на окопы ходишь. Если не появишься, немцы церемониться не станут, даже отец и мать пострадают.

Поднимать это неподъемное дело оставалось ему и Вите Пятеркину.

В рассветном сумраке утопали дома Дебальцево, продернутые реденьким золотистым люрексом. Разведчики простились с семьей Человских и двинулись на Енакиево. Паша проводила их до самой окраины города, все никак не могла решиться остаться без Леонида.

- Я скоро вернусь. Жди! - тихо сказал Леонид, размыкая объятья.

- Ах, если б смогла я своим сердцем укрыть тебя от всех поражений и неудач! - Послышался ответный шепот. Долго смотрела вслед уходящему своему счастью. Ей было очень горько, но и радостно - у нее появился полнокровный смысл жизни. Теперь она жила только одним - надеждой на новую встречу со своей настоящей первой любовью.

Что их всех ожидало впереди - оставалось неизведанной тайной.

Начинался новый тяжелый день.

Они шли по родной земле твердо, уверенно, плотно, не сгибаемые перед встречающимся врагом. Перед их взором вставали виселицы, разрушенные заводы, шахты, сельские улочки и поселки - посеревшие, придавленные нуждой, обгорелые и контуженные от взрывов бомб. Они шли, говорили мало, но делали много. Высокий двадцатидвухлетний юноша с не по годам посуровевшим лицом и шестнадцатилетний подросток – маленький, шустрый, взглядом похожий на мудрого старичка, у которого за плечами не пересчитать скорбей.

Алчевск. Авдеевка. Дебальцево. Енакиево, Макеевка, Горловка.

Шли, жадно вдыхая запахи пробуждающейся весны – пьянящие, тонкие, подбадривающие, дающие простор впечатлениям. Сапоги вгрузали в загустевающий чернозем и запах жирной, черной, сырой земли, смешанный с молодецким дыханием степного ветра, пытался свалить их с ног.

Бессонница. Опасность. Жажда и голод постоянно дышали им в затылок, и только страх избегал их.

Ничего не ускользало от их зоркого взгляда: ни сосредоточение новой боевой техники, ни появившиеся части владимирцев, ни минометные подразделения, ни оборонительные рубежи, ни склады зажигательных материалов с боеприпасами и горючим, ни замаскированные узлы сопротивления, отороченные противотанковыми «ежами». Все зашифровывалось на листке тонкой бумаги, оставляя в памяти для согрева сердца только одно – нетерпеливый, теплый и желающий скорого возвращения взгляд Паши.

Разведчики остановились в оживающем мартовском палисаднике, за глинистой стеной заброшенной убогой халупы, сели на ящики из-под мин. Отдых был короткий, но трогательный:

- Провожу до большака и с - Богом! - сказал Вите Дубровский, протягивая ему ручные часы с разведанными под крышкой, зашифрованными на клочке тонкой папиросной бумаги.

По улице под ручку с немецким офицером прошла в длинной плюшевой жакетке, отороченной заячьим мехом, длинноногая дама. Щегольское дорогое кашне вызывающе пестрело на всю округу.

- Эх, мне бы сейчас гитару!.. Я б ей такую песенку врезал:

В кабак попала денежка –
и стопка наполняется.

А молодая девушка
фашисту улыбается.

Вдруг Витя в удивлении замер: следом за парочкой шла невысокого роста с независимой осанкой и курчавыми огненными волосами женщина в старой стёганке и мешком за плечами.

- Вылитая Надя Фесенко! Она у нас секретарем подпольного обкома комсомола была. А до войны – инструктором Климовского райкома комсомола, делегатом 8-го Чрезвычайного съезда Советов, с самой Надеждой Константиновной Крупской на фогтографии зафиксирована!.. На городском конкурсе школьников-гитаристов

струны новенькие мне вручила. Сказала, что из меня может толковый музыкант получиться. Так трогательно мне чуб взъерошила, что я от нежности чуть не заплакал. С Виктором Третьякевичем на хлебокомбинате склад боеприпасов взорвала, - Витя суетливо зашарил руками по полам плащика. В морщинках сощуренных глаз появились печаль и злоба. - Фашисты почти обнажённую с разбитой головой, в которой миллионами вши копошились, в лютый мороз затолкали в крытый брезентом грузовик и на Острой Могиле расстреляли... В противотанковом рву, где уже более трёх тысяч ворошиловградцев зачоченело.

Леонид понимающе положил ему на колено свою усталую руку:

- Сильно не озлобляйся. Злоба ослепляет, а у тебя трезвый и зоркий взгляд должен быть. Впереди столько ответственности, да и... дорога домой! - Посмотрел в сторону обезлюдевшего переулка, затянутого только что проклянувшимися зелеными листиками выющейся березки - на черном дощатом гребне крыши полуразрушенной землянки ворковали и чирикали голуби и воробьи. Они привели сердце Дубровского в легкое умиление своим обычным житейским делом.

- Вот кончится война. Мир настанет. Ты, Виктор, возмужаешь, станешь совсем взрослым и будешь своей гитарой приносить людям счастье. Представляешь, все твоё поколение вырастет и возьмётся управлять жизнью. И не только своей, а всей страны! Войной опаленное, до глубины потрясенное ее жестокостью, оно каждую человеческую судьбу поймет до самых незначительных душевных болей. По-иному и быть не может. Да, человечество ошибается, переживает кризисы, временно отступает назад, но все-таки неуклонно идет вперед. Вы изживете такое понятие, как добыча кровью куска сухого черствого хлеба. Эпоха мракобесия закончится, начнётся эпоха просвещения и истинного уважения между людьми.

- Быстрее бы! - нетерпеливо вздохнул Витя. - Только мама почему - то считает, что пока солнце взойдет - роса очи выест.

- У мам это от чрезмерного беспокойства о своих детях. - Помолчал, что-то осмысливая, сильнее сжал Вите колено. - Зайдешь в Малоивановку, отдохнешь малость, скажешь - где-то через неделю с дополнительными сведениями появлюсь и я. Считаю, что после того, как доставишь донесение нашим, тебе у Самарских появляться больше нельзя. Пусть присылают нового связного, ты уже примелькался. Опасно.

- Ага, дядь Лень, так нечестно! - с пылом возразил Витя. - Без вас я уже не могу! И ничего не примелькался. Им никогда не докумекать, кто я такой... На пятиклассника смахиваю.

- Ладно! Не кипятись, - успокоил Пятеркина Леонид, - мы с тобой встретимся, но в другом месте, у Человских, например. У нас по всей оккупированной территории должны быть явочные квартиры.

Горький колючий ком подступил к горлу Дубровского. Встал с ящика, обнял Витю за худенькие воробьиные ребячьи плечи

- Ну, счастливой тебе дороги! - И, чтобы осадить боль, повторил свое излюбленное выражение: «В нашем с тобой положении, Витя, главное, когда говоришь то, что думаешь, думай, что говоришь!».

Объятая разомкнулись. Леонид так и не смог оторвать от тоненькой стремительной фигурки глаз, пока она не скрылась в расщелине буерака.

Витя ушел. С одной стороны вроде бы стало легче - отпала ответственность за мальчишку. Но отсутствие рядом привычных семенящих шагов и детского серебристого щебета таким обрушилось одиночеством, словно под ногами разверзлась бездна. Веселым желтеньким одуванчиком блеснувшее из-за груши солнце показалось холодным до иступления, и на душе так стало обморочно, словно снова, как после первого поражения под Полтавой: в губительно трескучий мороз он пытается выйти из окружения, а полуобмороженные его ноги, обмотанные худыми тряпками, еле передвигаются по снегу.

Сердце заколотилось у горла. Отчаянная животная тоска подкосила ноги. Дубровский, сам еще тонкошей юноша, сел на распиленный вал, валявшийся у входа в сарай, и, преодолевая кризисное душевное состояние, сказал, подбадривая себя: «Дойдет! Обязан дойти! Иначе кому нужны такие нечеловеческие усилия!».

Тогда он еще совсем не думал, что распрощался с Пятеркиным навсегда.

5

Витя вернулся в Малоивановку измученный и похудевший. Паша была на работе, а Евдокия готовилась к настоящей весне - сидела за столом и латала дырки в парусиновых тапочках. Она не услышала - спиной почувствовала, что кто-то вошел. Оглянулась и ахнула:

– Витя! Господи, та заходи же в хату скорей!

Витя, не раздеваясь, плюхнулся на топчан и устало прислонился к стене, покрытой ситцевым кустарным ковриком с озером в лилиях и выцветшими лебедями.

– А где ж Дубровский? - Евдокия опасливо с надеждой посмотрела на дверь, помогла снять сапоги и плащ.

– Он потом придет, - ответил Витя и обессилено закрыл глаза.

– Ой, да что я, бестолковая, разбалакалась! Ты ж голодный!

Всполошилась, захлопотала, до крайности разволновалась. Поставила на стол полную миску щавеля, кусочек черствого хлеба и кружку с молоком: - Вот... молочка трошки осталось...

Витя отодвинул кружку к стене:

- Молоко детям оставьте, - сказал как заправский хозяин, - а это я съем с удовольствием.

- А ты хибя нэ ребенок? Дитя-дитем! И як тэбэ тилькы маты видпустыла на погибель таку! Наверно, сам убиг? Шукає, нэ спыть ночамы.

- Я – разведчик, - гордо ответил Витя, - должен суровую пищу есть. А мама знает, что я в Красной Армии.

Евдокия Остаповна предосудительно покачала головой, села напротив Вити и засмотрелась, как он ест.

Щавель похрумкивал у него во рту, вызывая у женщины жалостливые скупые слезы.

- Ты уже прости, что еда несытная...

- Ничего, любая еда голодному желудку в радость. Спасибо пребольшое вам! - Подросток по-стариковски шустро смахнул со стола крошки в ладонь и запустил их в рот.

- Ну, а тэпэр ляж поспы. - Евдокия подала ему на топчан подушку, и он, подсеченный усталостью, погрузился в тяжелый тревожный сон.

Снилось ему жаркое, золотистое от солнца лето. Сидит он на большом белом камне на берегу Луганки и с восхищением смотрит, как в хрустально чистой воде стайками плотвичка плавают. На песчаном дне водоросли колышутся, а вербы смыкаются в вышине над ним и шумят, шумят!.. И хочется искупаться, и жалко нарушать безмятежную жизнь плавающих окуньков, головлей, плотвы. Хорошо, радостно на душе. Голубая стрекозка на камышовом листке развернула крылышки свои к лучам солнца. Витя словно чувствует их тепло на своих плечах. Хочется... Ой, как хочется искупаться! Протянул руку, чтобы зачерпнуть в ладошку воды, как вдруг на всю ширину речки - морда коммерсанта Альберта, который в своем доме собирал гитлеровских офицеров и их сборища превращал в пьянки. «Представляешь, Витоль, ты, бывший пионер, сегодня будешь играть и петь для офицеров доблестной германской армии!» - втискивается в уши похабный голос. И вот Витя уже поет им «Лили Марлен», а сам думает, как из них побольше интересных сведений выудить для подпольщиков. И вот вроде он уже и не на офицерской попойке, а в немецком щеголеватом кашне крадется улочками Камброда на явочную квартиру в Красный переулочек 13, к супруге Стеценко Валентине Платоновне, любимой учительнице. Дверь открывается, и уже не Стеценко перед ним, а на танке Т-34 Леонид Дубровский стоит возле собора Петра и Павла. Солнце в небе жарко печет, как летом. Рядом с танком, в освободившейся от снега земле, - ручеек пульсирует золотистым лучиком. И в этом ручейке - немецкий солдат лежит. Кровь горячая стекает по его груди и исходит струйками пара. Земля парит, и кровь парит. А небо - синее-синее!

Дубровский хлопывает Витю по плечу:

- Ну вот, видишь, и в твой город освобождение пришло!

И так сильно хлопает, что Вите не по себе. Он открывает глаза, а это - Паша тормошит его за плечо.

- Вставай! Утро давно уже! Разоспався! Что там с Леной, скоро придет?

Витя пальцами протирает глаза и никак не возьмет в толк, где он находится. Все понял. Заулыбался, сладко потягиваясь.

- С ним все в порядке. Передавал вам привет, обещал появиться через недельку. Он в Горловке, у одного инвалида пристроился. Там, напротив какой-то гитлеровский чин поселился, дядя Леня хочет к нему втереться в доверие.

- А женщины есть у этого инвалида? – недослушав, осторожно спросила Паша с легкой тревогой в голосе.

- Женщины? - Витя с нескрываемым удивлением посмотрел на Пашу, - причем тут женщины? Мы же разведчики... настоящие!

- Ну, какие -нибудь проживают с ним? - не унималась Паша, почувствовав, как неизвестно откуда взявшаяся ревность щипнула ее за сердце.

- С кем с ним? - ничего не понимал Витя.

- Ну, с инвалидом этим? - раздосадовалась молодая женщина.

- Ну, так бы и сказали. Кому он нужен с деревяшкой вместо ноги и старый, как развалившийся деревенский сарай.

У Паши отлегло от сердца. Легким задумчивым шагом она подошла к окну и потербила ситцевую занавеску. Все вспомнила снова - возбужденно и лучезарно засияли ее глаза.

Тогда, в первую встречу, утром, когда собрались завтракать, появился от соседей Аверкеевых Витя. Увидев нищенски бедный стол, он вдруг сказал, что в седловине одного из оврагов, километров за восемь-десять от Малоивановки, он видел толстые стебли кукурузы и удивился, заметив на них початки.

- Трэба отыскать цэ мисто, - сказала Евдокия.

Решили пойти вдвоем, но привязалась и Люба.

И по жилистой, каменистой тропе пошли они втроем через курган в сторону фронта.

Не успела за ними захлопнуться дверь, как у Паши от радости заколотилось сердце. Повернула пылающее лицо к Леониду и на последнем пределе желания, чтобы не броситься ему на шею, робко прикоснулась к его замызганному немецкому кителю:

- Лень, я умираю от желания поухаживать за тобой. Сними...постираю.

- Да и так сойдет. Не на гулянке же я. – Замер, чувствуя, как голос его наливается густой нежностью. - Ну ладно, если хочешь - расстегивай, - сказал шутливо.

Паши хватило только на две пуговицы.

Она игриво мотнула головой, словно выскальзывая из темноты. Черные волосы взметнулись вверх, колдовски обнажая край ушка. Руки сами упали на суровые худые плечи.

- Спасибо тебе, родной!.. Ты даже не представляешь, как ты мне нужен! - С томным придыханием прозвучал ее голос, - ты спас меня от такого лютого зверя, как одиночество. Теперь я понимаю, почему так мучилось мое сердце, аж на луну выла. Я не знала, чего ему надо, чего хотело. А оно - знало! Оно искало тебя.

Леонид прикоснулся губами к ее улыбке. Паша съежилась, ощущая отзывчивый трепет и безвольно припала к его груди, доверительно растроганная тем, что он понимает и чувствует ее всю.

Ты нужен мне настолько, что я смиряюсь с той, другой, делю тебя, не отдавая ей ни капли тебя сегодня.

- Не надо об этом, - с долей угнетения промямлил Леонид, - с Машей у меня ничего не было...

- Молчи! - Перебила его Паша. - Я не хочу загадывать, что будет завтра, кругом война, я живу и люблю сейчас.

Леонид частыми поцелуями скомкал всю ее речь. От захлестнувших ее искр она зажала ладонью рот, чтобы не выдать себя криком. Тело потеряло границы и расплылось, как бы ушло в космос. Казалось, что сладость переполнила не только ее, но и все вокруг нее.

Потом тело возвратилось к ней и налилось невероятной тяжестью.

Паша отошла от окна, возвращая себя в реальность. За чем-то улыбнулась Вите, сказала, что Евдокия с Любой ушли в соседнее село за продуктами, а ей пора в комендатуру - заниматься уборкой.

Попросила Витю присмотреть за своим годовалым тезкой, пока не возвратится сестра, достала из чугунка ему на завтрак большую вареную свеклину и засобиралась.

Витя с грустной стыдливостью посмотрел на свой завтрак, вспомнил недавний сон и спросил:

- Теть Паш, а у вас тут в селе случайно гитары ни у кого нет?

- Гитары? Зачем?

- Я под гитару и «Стеньку Разина», и немецкие песни петь могу. Ваш комендант лирический человек. Вот увидите, быстро пропитание раздобуду.

- До ладу придумал, - спокойно сказала Паша. - Будет тебе гитара.

- Не прошло и часа, как похожий на оторванный от сарая горбыль, полицай Митька Могильский припер гитару, конфискованную еще в первые дни оккупации у одного печального беженца.

- Ну-ка, брынькны чего-нибудь попохабней да позабористей, подывлюсь, якый из тэбэ артыст.

Витя по-деловому осмотрел ее, как великую драгоценность, настроил и врезал:

- Костюмчик серенький, колесики со скрипом я на тюремные халаты променял...

- Ух ты-ы! Оцэ да! - Митька от удивления раскрыл рот, - а ты знаешь «Цыпленок жареный, цыпленок вареный...»?

- Ну так давай, дуй!

- Я бы тебе весь день пел, - тоскливо сказал Витя, - но есть так хочется, что аж кишки выворачивает.

- Ладно, я щас! - понимающе мотнул головой Митька. Побежал, притащил пару буханок хлеба, полбанки тушенки и полный карман семечек.

- Потом поисы, играй «Цыпленка»!

Витя сыграл «Цыпленка», потом по-немецки - «Лили Марлен». Отломил кусок хлеба и быстро стал уплетать.

Полицай с минуту придурковатым взглядом смотрел на Витю, что - то соображая очень выгодное для себя. Вдруг вскочил, дернул за рукав гитариста:

- Пишлы к коменданту Ивану Ивановичу! Вин цэ дило любэ. Хай послухае. И тоби польза и мэнэ похвалэ.

Комендант после «Лили Марлен» с восхищением похлопал Пятеркина по плечу:

- Карашо, Витоль! Больше пой немецки песни. Нашу породу далеко видно! Подожди немножка и я тебя в «гитлер югенд» определю. - Приказал выдать паек и для усиления положить сверху кусок сала.

Найдешь свой matka, ко мне ее приведи, я и ее похвалю. - Глянул на полицая, погрозил пальцем. - Мальчика не обижать, в нем арийская кровь течет!

Дождавшись безлунной ночи, Витя засобирался в дорогу.

На душе у сестер сделалось смутно и горестно.

Евдокия с минуту сидела молча, потом подошла к топчану, присела на корточки, вытащила фанерный чемодан, достала из него темный клетчатый платок и стала мастерить Вите торбу.

Паша же на прощанье попросила спеть под гитару какую-нибудь жалостливую фронтовую песню.

- Я с радостью, вот только... - Витя вопросительно мотнул головой на занавешенное одеялом окно.

- А ты потихоньку. Никто не почует, - отозвалась Евдокия и попросила Пашу пойти и закрыть на болт двери в сенях.

Витя привычным движением снял со стены гитару.

- Слушайте. Спою «Землянку».

И задрожала, забилась горестной чайкой песня. У Паши побледнело лицо. Онемевшая и растерянная, стояла она на том месте, где совсем недавно зажимала ладошкой рот, чтобы не выдать ни себя, ни Леонида обморочным от любовного хмеля криком. В глазах вместо слез сквозила беспощадная изморозь.

Я хочу, чтоб услышала ты,
Как тоскует мой голос живой... -

Встряхнулась, выдохнула вместо рыдания:

- Господи, чи живой вин там?!.. - порывисто подошла к Вите и жарко поцеловала. - Спасибо тебе за песню. Очень прошу, дойди до наших! Пусть скорее приходят!

Евдокия положила ему в котомку с десяток сырых картошин, пригоршню сухарей и немного в консервной банке пшена, накинула ее на совсем окостляевшие детские плечи:

- Теперь ты настоящий мешочник. Встретится полицай или какой немец, скажешь - за барахло выменял.

Смолкла.

В комнатухе воцарилось уныние.

Витя положил на топчан гитару. Нарушил молчание:

- Заберите назад картошку. Меня скоро накормят из солдатского котелка, а вам еще надо перебиваться. Последнюю ж отдаете!..

- Нет! Нет! Вдруг чего, без этого не поверят! - запротестовала Паша.

Сестры проводили юного разведчика на край села. Расцеловали, как родного, умыли его слезами:

- Ты ж смотри, не выпускай себя из рук, пока не попадешь к нашим! Поосторожней будь!

Витя прощально махнул рукой, сделал несколько стремительных шагов вперед. Остановился. Прислушался. Назад вернулся. Снял с себя куцый, ветром подбитый плащик, отдал Паше:

- Возьмите, шелестит сильно. Потом отдадите, когда вернусь.

Голос его еще не успел отзвучать в ушах женщин, как ночь уже сомкнулась над ним - бескрайняя и непредсказуемая.

Не каждому, даже взрослому, она по силам, такая ночь.

Самый захудалый куст затягивает в обруч страха. Каждый шорох таит в себе смерть. Но ему не страшно. Он вспоминает декабрь 1942 года, любимую свою учительницу Валентину Платоновну Стеценко. Мрак смешался с холодом и пронзает метелью душу, повсюду рыскают фашистские патрули, злобно лают овчарки, а она – хрупкая, словно ребёнок, с распухшими в суставах крохотными кулачками, в старой стёганке и котомкою за плечами, вот так же, как он сейчас, преспокойненько несёт бесценные сведения родной Красной Армии, чтобы по всему белому свету навсегда смолкли орудия уничтожения, власть и насилие. Идёт. И, кажется, самые неприступные укрепления расступаются перед ней.

Вспомнил, как привёл её к себе домой, как угощал лепёшками из кукурузы, десять стаканов которой мама выменяла на рынке за Колину «Москвичку».

Еще не начинало сереть, когда Витя Пятеркин подошел к линии фронта. Немцы наугад простреливали ничейную полосу. Отбросил от себя торбу в прошлогодний куст резеды, по складкам пересеченной местности определил маршрут, опустил руку в карман простых латаных брюк, как самую святейшую драгоценность, переложил часы в потайной карман куртки. Он боялся, чтобы какая-нибудь шальная пуля случайно их не расшибла, и пополз.

Изрытую за зиму воронками землю затягивала робкая зелень и пахла благодно. Подросток полз, представлял себя Юрой Алексенцевым, выполняющим задание партизан, и вслушивался в пулеметную трескотню. Вот она поравнялась с ним, в представлении Вити, образуя стальную полосу, направленную на него, вот она стала уже чуть-чуть слева. Значит, опасная зона позади. Еще чуть прополз. Приподнял голову, увидел проволочное ограждение наших окопов. Сердце заколотилось от радости. До них - расстояние одного броска, решил Витя. Не удержался, вскочил, рванулся, что было мочи! Но возникший вдруг справа вражеский пулемет чесанул по зачерневшей в зарождающейся заре фигурке. Острая боль прошла низ живота.

- Часы!.. - Только и подумал связной: – хорошо, что не в них! - И потерял сознание.

Передовое охранение красноармейцев заметило паренька и поспешило ему на помощь.

Ранение в живот было тяжелым.

Витя слышал в бреду, как несмолкаемо строчит пулемет, как он, преодолевая боль, чувствуя у сердца часы, ползет по горячей, дымящейся от снарядов земле к родным окопам, как умывают его слезами сестры из Малоивановки, а он стыдливо отворачивает от них лицо, как он бодро докладывает самому командарму о выполненном задании, и тот благодарственно крепко жмет ему руку:

- Спасибо тебе, Виктор Пятеркин! Ты совершил настоящий подвиг. Тобой гордится вся Красная Армия и... все твои одноклассники, - слышит он ровный, бескомпромиссный голос, похожий на голос подпольного секретаря Стеценко.

На девятые сутки Вите стало лучше, и высокий, усталый седой врач с зацетинившимся лицом сказал матери:

- Все! Поздравляю вас - опасность позади! Будет жить ваш орленок!

Но недолго пришлось орленку вонзять свои ретивые крылья в лучезарное небо. В селе Спиваковка при подготовке к очередному боевому заданию неразборчивая, бесшабашная пуля вонзилась ему в сердце.

На самом взлете смежила карие, влюбленные в жизнь глаза, оборвала бесценный певучий голос.

6

Женщина в любви властвует над всей Вселенной, а мужчина... Мужчина в ней - ребенок. Даже с самой дерюжной душой тянется к ее свету, тоскует, радуется и становится чуть светлее. А если он по натуре мечтатель, то таких навидумывает небылиц, что у него на самой вершине терриконника яблоня зацветет, над любыми испытаниями приподнимется, только бы не утратить достоинства в глазах своей ненаглядной. Они для него самый высокий суд, или в такую вгонит себя тоску, что перекорезит она его, как пересохшую доску, только на дрова и станет пригодной.

Желтые лепестки адониса балуют вторую половину апреля своим цветом, заигрывают с голубенькой кучерявенькой кашкой. И нет ему дела до того, что через миг-другой сорвет их чья-то рука на радость своей душе или растопчет чей-то безразличный сапог, на красоту не падкий. Любуются друг другом молча. Зачем слова, когда есть чувства? Когда ж их нет - тогда нужны слова.

Уже неделя, как Дубровский сам, без Вити Пятеркина, обшаривает окрестности Горловки, удивляется пышности первоцвета и все заносит в крохотный свой блокнотик какие-то точки и закорючки. Совсем похудел, зарос первой мужской щетиной, и от этого тверже его походка, пытливей и зорче взгляд. Ничего уже невозможно сделать - сидит в нем Паша и придает его жизни какую-то еще неосмысленную им до конца прочность. Развеселится Леонид, увидев раскрывающийся ротик ириса. А то вдруг ни с того ни с сего так потянет его в Малоивановку, такая обрушится на него печаль, что, кажется, уже никогда не будет той радости, которую за муки подарила ему судьба.

- Скажи, дед Елифан, ты когда-нибудь любил женщину? - спрашивает он одноногого дремучего старика, хозяина каморки, которую облюбовал для своей опасной работы.

- Я? - Дед, хмурый и оскорбленный врагом, молчит короткое время, вроде бы как прислушивается к чему-то. Смотрит на Леонида пепельно-тусклым взглядом.

- Любил. Одна морока. Но и без нее не проживешь, как без солнышка. Оно где совестно, там и любовно. Все во власти Господней. Это сегодня девка не успела в силу войти, уже с немчурой якшается. А раньше - Боже упаси, чтоб прикоснулся до свадьбы кто! Как-то обманул Тоську командировошный, понесла от него, и покоя в хате не стало. Сядет обедать, а отец ее бац по морде:

- Гулящая!.. Из-за тебя совестно в глаза людям смотреть!

Терпела, бедняжка, терпела, пока не решила руки на себя наложить. И вот поздно вечером запах мертвых листьев стоял в тумане. Тоська взяла веревку и в сарай. Накинула на шею себе петлю, только сказала: «Господи, благослови!», а ее кто-то невидимый по затылку - тресь! Упала и потеряла сознание. Мать среди ночи проснулась - кровать пустая. Где Тоська?! Нема!

- Сафрон. Вставай, Тоська пропала!

- Ну и черт с ней, с блудящей!

- Да как же, Сафрон! Дите ж наше!... Пошли в сарай, может, она там, - подсказывает материнское сердце.

В сарае козы стоят, а Тоськи нема. Сафрон подался было за фонарем, да как хряснется о что-то тяжелое и неподвижное.

- Она, сучка!

Заскулил от злости и давай ее ногами тузить.

- Мать в слезы, кинулась защищать.

- Долой от нее! Нехай сдыхает, блудоносное семя!

Такой гвалт поднялся, что посбежались на крик из барачков бабы, взяли Сафрона в шоры, еле ноги унес. Тоська глаза открыла, моргает, но ничего в них, кроме оцепенения, не осталось. Утром забрал я ее к себе с "пузом", и присмолились мы друг к дружке, как одна душа. И что ты думаешь? Родила она аж тройню и все - сыновья! Четыре души дьявол сразу хотел сгубить. Может, и сгубил бы, если б к Богу

не обратилась, не дал он ей на такую пагубу благословения, только на затылке на всю жизнь персты оставил.

- Нет, дед Епифан, не в Боге дело, - с убеждением сказал Дубровский. - Слабость людская выдумала молитвы, а властолюбивые хитрецы, использовали эту доверчивость и создали Богов.

- Ну, и кто ж по-твоему Тоську по затылку треснул?

- Не знаю. Может, от страха перед смертью сама сознание потеряла. А спасла ее твоя любовь к ней.

- А не знаешь, так и не болтай лишнего. Может, и не любовь - желание сделать ее счастливой. Раньше, бывало, какая понравится, стеснялся в глаза ей посмотреть, не успеет вспыхнуть в сердце огонь и погасает, а тут другое – тут - так укореняется, хоть криком кричи. Хотя всякое желание - начало новой нужды. Натерпелись мы, настрадались, пока сыновей на ноги поставили. Всех война подмела - вместе с Тоськой. А ты чего спрашиваешь, никак присушила какая-нибудь зазноба? Домыкался.

- Присушила, дед Епифан, - тяжело вздохнул Дубровский, - не знаю, что и делать. Или комендатуру свою искать, или плюнуть на все и вернуться под ее крылышко.

Дед понимающе поднял вверх голову. С вершины старой узловатой акации стекали последние лучи солнца. Опустил голову. В краешках глаз блеснула неуловимым блеском понятная только ему разгадка.

- Из наслаждения возникает печаль, сынок, а печаль всегда требует наслаждения, иначе не успокоишь душу. Замкнутый круг получается.

Занозистый треск немецкого мотоцикла наполнил двор. Лицо деда сузилось, он чуть побледнел и добавил, - чем служить оккупанту, лучше любви своей послужи, но под пятой врага её долго не удержать. Есть Бог или нет, а я скажу тебе так: какое бы ни свила гнездо птица, она обязательно должна запеть.

Ночь - тихая. Ночь, словно глухонемая. Вся в золотом горошке весенних звезд. Казалось, ей никогда не будет конца. Но ни с того, ни с сего, налетели на Горловку советские бомбардировщики, сбросили на склады боеприпасов и горюче-смазочных материалов бомбы и преждевременно превратили ее в рассвет.

Дубровский выскочил во двор, как ошпаренный. Зарево пожара ударило ему в грудь неопишуемой радостью: «Значит, дошел!.. Дошел - таки Витя Пятеркин к нашим!...Ну, молодец! Ну, герой! Все передал, как надо!» Ему захотелось обнять Витю и закружить по двору, но, не найдя его, он расставил для объятия руки, махнул ими, присел, стукнул себя кулаком по коленке; хотел было пуститься в пляс, как на плечо ему легла прохладная жилистая рука деда:

- Уймись, сынок, этим ты никого не удивишь, а себя уморишь. Пошли в хату, подальше от дурных глаз.

Утром Дубровский засобирался в Малоивановку, полный решимости приступить к новому этапу задания: любой ценой внедриться в разведывательный орган противника. Чутье подсказывало ему, что именно оттуда, от сердца Паши, лежит его путь в большую разведку.

Деревья еще не выбросили листву, но солнце уже по-настоящему входило в силу.

Чтобы быстрее и легче было идти. Леонид отдал деду шинель, взамен взял у него старую красноармейскую гимнастерку, надел под китель.

Ну, теперь ты настоящий воин-освободитель. - Дед Епифан всунул в рваные резиновые боты покрученные мосластые ноги, подошел к Дубровскому. Умолкающая было в нем сила, ожила снова. - Смерти остерегайся! Смерть - она врагу только и полагается, тебе - нет! Иначе, кому тогда жизнь нужна?

Крепко расцеловались, и Леонид пошел.

Он чувствовал себя беспредельно счастливым, вдыхая воздух с горьковатым привкусом гари дотлевающих разбомбленных складов. Ему казалось, что все встречные, придавленные нуждой люди, вверяют ему свои надежды, а мертвые поручили отомстить за них. Он верил, что своими действиями уничтожает в людях самого страшного врага - неверие в победу над супостатом. Шел и мысленно делился с Пашей яркими впечатлениями.

Конец апреля. Земля шалела от весенних цветов и солнца. Охваченная неудержимым порывом к жизни, ветка ивы, еще осенью отсеченная автоматной очередью от ствола, уткнулась в осыпавшуюся воронку и самостоятельно стала набухать почками. Расколотая пополам осколком снаряда вишня из последних сил кистями выбрасывала бутоны, вот-вот готовая зацвести.

Подобно ей, преодолевая тяготы войны, зацветал и Леонид Дубровский.

В Дебальцево он добрался относительно благополучно. Зашел к Человским, дополнил новыми данными свой блокнот, рассказал о нужде оккупированного народа, о то, как противник накапливает силы для «сокрушительного» удара. Он надеялся хоть какой-нибудь баланды похлепать у Человских, так как сутки уже ничего не ел. Но у них самих - хоть шаром покати, - сидят голодные и угрюмые. Тогда Леонид достал из кармана свой неприкосновенный запас - куриное яйцо, которое удружила ему в одном из сел в три погибели согнутая старушка. Сварили его вкрутую и разделили на всех.

С первыми сумерками разведчик двинулся в путь.

Только вышел из города в степь, как острая боль пронзила ему левую ногу. В глазах помутилось. Леонид повалился боком на хрящеватую хребтину кургана и застонал. Он уже знал, что это открылась его старая рана и, значит, усталому и голодному, ему за ночь до Малоивановки не дойти. Выходить на большак он не решился, так как шел в сторону фронта без пропуска. «Ничего, еще повоюем! Самая большая ошибка - это предаваться безнадежности в любой ситуации!» - стал подбадривать самого себе. Туго бинтом перевязал рану и упрямо шагнул вперед.

Ему предстояло пешком преодолеть путь длиной более сорока километров.

Он надеялся, что при ходьбе притерпится к боли, но она вцепилась в простреленную ногу репьем и удлиняла время дороги.

Вот уже и ночь позади, а ему казалось, что он еще почти не сдвинулся с места. За кустом шиповника вызрела зорька. Рухнул под него, передремал, пожевал прошлогодних почерневших ягод шиповника, пошел дальше. И когда день уже перевалил через свою сердцевину, увидел купол Малоивановской церкви.

...Впереди солнца он вошел в желанную уютную комнатушку.

Паша кормила хлебным мякишем сына, напевая немудреную детскую песенку. Увидела смертельно усталого Леонида и словно запеленалась в дрему. Ей показалось,

что она превратилась в бабочку и кружит вокруг цветка. И цветок этот не что-то легкое и мечтательное, а неудержимо сладкое, густое, полное настоящего обладания. Пришла в себя, упала к его ногам, обхватила колени жадными радостными руками, запричитала придушенным тоской голосом:

- Дождалась! Наконец-то вернулся! Боль ты моя безмерная! Никуда тебя больше не отпущу! Слышишь? Никуда! К черту задания всякие разные! Ты мой! Мой и все!

На запылавших щеках несуразно спутались волосы, со слезой смешались.

Леонид от неожиданного волнения совсем ослаб. Он, то сильно прижимал голову Паши к себе, то беспокойно гладил:

- Ну, вот тебе раз! Надо радоваться, а ты... Ну, вытирай же скорее слезы!

Голос осип, покрылся хрипом. Кадык, укутанный редкой черной щетиной, задвигался, как затвор винтовки. Ноги подкосились. Он опустил на колени перед Пашей, обнял ее и благодарственно поцеловал в лоб.

Никто не скажет, сколько прошло времени, пока Леонид сел на топчан и, как Витя Пятеркин, запрокинув в лилии коврика голову, попросил есть.

Паша тотчас же метнулась к печке, схватила кастрюлю борща, густо заправленного крапивой, поставила перед ним:

Господи! Боже ты мой! Исхудал-то как! Ну-ка поскорее бери ложку! Одни кожа да кости!

Леонид ел, а она сняла с него сапоги, разбинтовала ногу, кинулась стирать залубеневший от крови бинт. Постирала. Обработала, чем могла рану. Забинтовала снова. Присела рядом, чтобы хоть на минутку прильнуть к нему всею силой своей любви, как в дверь просочилась хромая Цукриха и сразу к Дубровскому:

- Опять вы пришли к нам? Чего ж так?.. Не нагостевались разве?

- Не нашел свою комендатуру, вот и вернулся. Наверное, буду в вашей служить, - спокойно ответил гость.

- В нашей комендатуре все места заняты.

Крутнулась юлой по комнате и выскочила.

Дух ее еще не успел выветриться из комнаты, как заявила ее остроносая мать. Позыркала по углам, вонзила зрачки в Дубровского - холод и алчность стояли в ее глазах.

- А я вас вспомнила. Вы у Советов в разведывательном отделе служили, на квартире у нас стояли.

- Обознались. Я с первого дня войны у немцев переводчиком состою, - послышался всё понимающий, спокойный ответ.

- Да нет, ошибиться я никак не могла. Вы еще журились, что удача на стороне Гитлера.

Развернулась. Сбила с парусиновых ботинок грязь и вытекла, как змея.

Чуть погода вошел сам переводчик Цукр.

Глянул на Леонида, как бульдог на таксу. Затараторил по-немецки с надуманной убежденностью.

Дубровский улыбнулся лихости холуя.

- Вы дела мне не пришивайте, - сказал по-русски, чтоб Паша все поняла, - ни в каком особом отделе у Советов я не служил. Бойтесь - ваше место займу. И займу,

если выведете меня из терпения, - Леонид встал, хотел еще что-то добавить, но Цукр сверкнул волчьим блеском глаз.

- Ишь, ушлый какой! Еще посмотрим, кто кого сковырнет!

Развернулся. Натолкнулся на стоявшую в дверях Евдокию, выругался по-русски и, как нахлестанный, устремился в комендатуру.

Дубровский подбежал к окну, глянул на расплющенные, плоскостопые шаги Цукра в замызганных форменных сапогах, быстро достал из потайного кармана блокнотик и пустые с немецкой печатью бланки, добытые им в поселке Софиевском:

- Спрячьте хорошенько, - подал Евдокии, - потом, когда придет связной или вернутся наши, отдадите в особый отдел. Здесь есть очень ценные записи. Прошу вас, главное - не впадайте в панику. Вы меня не знаете. Я для вас немецкий переводчик и все!

Леонид говорил, четко расставляя каждое слово. Спокойная, устоявшаяся сила бурлила в нем. Его бесстрашие передавалось сестрам, внушало им уверенность в их невиновности и непоколебимую твердость перед лицом надвигающихся испытаний.

- Значит, еще раз: вы меня не знаете, ясно? Как бы ни пытались заманить вас в ловушку, вам известно только одно: я - немецкий переводчик, бражничал с комендантом и Цукром! - Весело подмигнул Паше, мол, знай - самый лучший день - это сегодня!

Пока Паша не отрывала глаз от Дубровского, Евдокия схватила блокнотик с бланками, сунула в чайник и метнулась в сарай. Спрятала глубоко в соломе.

Вскоре появились два полицаи, а следом сам гер гауптман с Цукром.

Комендант был не в духе. На днях лирическая его натура взбунтовалась от серости и грязи будней, и он устроил для души праздник. Изрядно выпил. Поднял на ноги все село. Всем приказал называть себя Иваном Ивановичем и объявил о своей женитьбе на лучшей из лучших красавиц Малоивановки - Марии. Затеял венчание. Заставил бедную Марию распустить волосы, нарядил ее в фату, сделанную из куска оконного тюля с пышными кружевными узорами, и через все село, полный неописуемого восторга, прокатился к церкви на разнорыженной полевыми цветами бричке.

Когда раздался звон колокола, полицаи брякнули «на караул» и началась пьянка.

Самогон задымился по всем закоулкам и даже в степи.

Смех. Слезы. Дикая ругань.

- Безбожники! Атеисты чумазые! Советская власть кончилась! Всех завтра, как положено, по очереди обвенчаю и покрещу! - орал престарелый молодожен.

Без салюта не обошлось. Такой фейерверк устроил из ракетниц, что из Алчевска примчался наряд гестаповцев и притушил свадьбу.

Утром командование так «оженило» «Ивана Ивановича», что он чуть не угодил в окопы.

Гер гауптман посмотрел на недавнего своего приятеля прокисшим от недавней нахлобучки взглядом.

- Зачѐм вѐрнулса?

- Да вот... В Пелагею влюбился, - кивнул на Пашу, - если позволите, останусь у вас. Женюсь на ней и...

Комендант при слове «женюсь» округлил глаза и так скривился, словно у него заболели зубы.

- Обыскать! - коротко приказал он.

Полиции грубо сдернули с Леонида немецкий китель и!.. Лицо «Ивана Ивановича» смешалось в недоумении: красноармейская гимнастерка ладно облегла стройную фигуру Дубровского.

- Это еще что за фокус? Немедленно арестовать!

Бросил Леониду в руки немецкий китель и вышел. Его тошнило.

Конвой увел Дубровского и запер в трансформаторной будке.

В Паше все притупилось и отерпло.

Она сидела неподвижно до тех пор, пока сестер не вызвали на допрос.

Комендант, весь бледный, втискивал кулаки в крышку стола.

- Ну, докладывайте, какую большевистскую заразу вы развели в своей холерной халупе?

- Иван Иванович, ничего мы не разводили и ничего не знаем! – в один голос взмолились сестры. - Ваш он переводчик, с него и спрашивайте!

- Как ничего не знаете? Ты же жила с ним? - указал пальцем на Пашу.

Не успела Паша раскрыть рот, как полицай Митька Могильский шагнул вперед, разозленный тем, что, как ни старался, а ничего сдобного не добился от нее в свое время, а этот тонкошей сморчок!...

- Гер комэдант, нэ пэрэживайтэ, вона зараз у мэне все скажэ, - и изо всей силы бутылкой, полной песка, ударил ее по животу.

Вместо урины у женщины сразу потекла кровь.

Евдокия волчицей набросилась на полицая, оттолкнула его, прикрыла собой Пашу:

- Ну, була!.. Була вона с вашим пэрэводчиком! А шо зробишь, як вы сами товкнули його на нэи! Попробуй нэ пидчинысь!

- Русские всегда себе на уме. Особенно бабы, - науськивал коменданта Цукр, - они фанатичнее мужиков, а если втянуты в коммунистическую систему...

Бутылки с песком схлопотала и Евдокия.

Потом сестер стегали гибкими железными прутьями, обжигающими тело до костей. Допытывались об их связи с партизанами.

Комендант был хоть и гестаповец, но лирический характер иногда смягчал до разумного его жестокий нрав. Он понимал: баб допрашивать бесполезно. Эти скифянки до того бестолковые, что даже не понимают, о чем их спрашивают, талдычат одно и то же: «Ваш он переводчик, его и спрашивайте!» Они только и созданы плодиться да мыть полы. И когда «мастера того света» изрядно утомились, сказал с легкой брезгливостью:

- Ладно, идите и больше не грешите в моем владении! Если понадобится, я вас вызову.

Евдокия еле доползла до кровати, завалилась почти без чувств. А Паша!.. Паша села на топчан, где совсем недавно уплетал борщ из крапивы ее любимый, уронила руки в тоске и бессилии, не зная, как дожить до утра.

Увели совсем голого, без шинели... Холодно в будке. Наверное, уже замерз. И сухарика не успела сунуть в карман...

Рассвет только мазнул по крышам села алой краской, а она уже - в комендатуру. Бегом за тряпку! Смыть свою вчерашнюю кровь и дожидаться Малоивановского повелителя.

Гауптман появился поздно, или Паше так показалось. Бросил на уборщицу беглый безразличный взгляд. Паша вздрогнула всей кожей. Опустила голову и не проговорила - проплакала:

- Иван Иванович, может, разрешите отнести что-нибудь из одежды? Озяб Леня...Будка холодная!..

Комендант минут через пять понял, чего хочет от него женщина. Рассмеялся нагло и весело:

- О, русский женщина! Коня на скаку остановит, в горящую изба войдет! - Достал из сейфа бланк, написал: «Раз-г-ре-шаю!» - На! Только, чтобы я тебя больше в комендатуре не видел - на окопы пойдешь!

Паша от радости чуть до потолка не подпрыгнула. Все ей показалось вокруг добрым и милостивым. Прибежала домой, схватила подушку и одеяло, завернула в узелок пригоршню сухарей - и к трансформаторной будке.

Полицай - равнодушный ко всему старик с большими, как усы, бровями повертел пропуск, сгреб молча все, что она принесла, открыл дверь и швырнул в глубину будки.

- Лёничка, как ты там? - Не удержалась Паша, - в одеяле сухари с продуктами, не просмотрит! Иван Иванович сегодня веселый был, может, к вечеру и отпустит.

- Спасибо, милая! - послышалось из глубины мрака, - должен отпустить. Это недоразумение. Все у нас будет хорошо, вот увидишь!

Замок агрессивно щелкнул.

Паша упала на колени, прислонилась губами к щелке двери, заплакала. Говорила, говорила и сама себя не слышала, пока старый полицай не оторвал ее от двери и не поднял с колен.

- Иди, дочка, с миром, не терзай душу.

Три дня просидел Леонид Дубровский в трансформаторной будке. Паша носила ему передачи – измученная, но с искоркой надежды на то, что скоро отпустят ее любимого. Три дня впитывала через дверную щелку его голос. Для каждого его слова в сердце имелось свое особое место, как будто на всю жизнь хотела запастись его нежностью.

На четвертый - гестаповцы увезли Леонида в Алчевск.

На его место полицай бросили Евдокию Остаповну.

Допросы возобновились, но сестры были непоколебимы, твердили одно и то же: «Ничего не знаем. Вы к нам его привели, у него и спрашивайте!»

Пашу с работы выгнали. Слава Богу, хоть к Евдокии не бросили в трансформаторную будку, что было бы тогда с детьми! Особенно с годовалым Витей. Теперь Паша носила передачи уже сестре. Митька Могильский попытался было добиться своего, но, увидев ее, простоволосую и высохшую до дурнушки, плюнул и отстал.

На четвертые сутки вечерние звезды засверкали на небе, точно выплакались. Долго проливали на горестную землю чистый и мягкий свет.

Дусю из-под стражи освободили, и Паша засобиравшись в Алчевск.

Успокоюсь, когда узнаю, что с Леной, - сказала она сестре, - может, он там моей помощи дожидается, рядом со смертью ходит, а я прохлаждаюсь, бессовестная...

Пошла напрямик... через бугры и поля. Понесла печаль и неутолимую любовь в сердце – легкая, как былинка.

Она не имела страха и никого не остерегалась.

В Алчевске Паше сказали, что Дубровский отправлен в Кадиевку и что искать его уже нет смысла.

Прошел обильный весенний дождь. Растерянная Паша села на чудом сохранившуюся лавочку в одном из прилегающих к гестапо дворов, возле выглянцеванной солнцем лужи. Глянула в нее, как в зеркало, и обомлела. Из воды смотрело на нее какое-то сплющенное старческое лицо.

Господи, во что я превратилась! А ведь мне едва перевалило за двадцать!

Выгоревший от печали взгляд молчал, а сердце подсказывало, что испытания у Паши только начинаются.

7

Дубровский был отправлен в следственную камеру прямо «с колес».

Допрос вел сам начальник СД города Алчевска майор Фельдгоф. Он стоял посреди подвальной едучей сырости, возле стола, привинченного к бетонным полам, одутловатый и грозный.

«Ничего, наглость - второе счастье, - успокаивал себя Леонид, - главное преодолеть страх. Преодолели же его друзья Вити Пятеркина, причем девушки, а я что - хуже их разве?»

- Садитесь, - гестаповец кивнул на стул, также прикрепленный к полу.

Ну, рассказывайте, сколько групп заброшено в тыл нашей армии? Где находится управление разведки? Какие это группы? Кто ими командует? Кому подчиняются?

- Я не понимаю вас, господин майор. Я - переводчик Чернышковской комендатуры, честно служил великому рейху. При отступ....

От неожиданного удара ребром ладони по шее острая боль пронзила все тело. Леонид потерял сознание. Очнулся - перед глазами каменное лицо следователя. Встал. Сел на стул. Тошнота подступила к горлу.

- Эту легенду вы расскажете кому-нибудь другому, а не мне. От наших агентов мы имеем о вас сведения. Вы - советский разведчик. Так, где и когда вы получили ранение в левую ногу?

- Во время Харьковской операции, перед тем, как попасть в плен, - соврал подследственный.

Вошёл, бежавший из Ворошиловграда, вчерашний заместитель начальника полиции города, Шаповал. Форма на нём – петлюровская: синий френч, брюки - галифе, на голове – высокая шапка с двумя кистями, опущенными на бок. Одна кисть – жёлтая, другая – голубая, на груди – трезуб: герб украинских националистов.

- Я – один из руководителей Ворошиловградской националистической подпольной организации, - бахвалясь, обратился он к Леониду после короткого разговора с Фельдгофом. - Свыше трёхсот человек насчитывала она перед войной. Состояла в основном из завербованных педагогов и студентов старших курсов Ворошиловградского института Народного образования. Мои агенты докладывают о

вашей связи с институтской коммунистической сволочью. – Шаповал вопросительно вонзил в Леонида изморозь колючих глаз.

- Вы лжете! – Спокойно ответил ему Дубровский. Я белорус и никакого отношения к вашему учебному заведению не имею. – В памяти всплыли слова Вити о замученных комсомольцах Ворошиловградского подполья: скорее всего кто-то из провокаторов-студентов втёрся в доверие и натворил дело, подумалось Леониду.

- Снять с него сапоги! – Шаповал заорал страшным басом, поправляя на голове шапку. Вплотную подступил к жертве.

Подручные мигом сдернули сапоги, ножницами разрезали бинт и резким движением сорвали его с раны. Свежая кровь хлынула по икре на пол.

Вместе с Фельдгофом Шаповал вплотную подступил к Дубровскому.

- Если будете нас и дальше дурачить, - Фельдгоф засунул руки в карманы и, как заправский палач, стал с удовольствием перекачиваться с носков на пятки, - то мы насыплем в вашу рану соли и таким образом остановим кровь. Вы, надеюсь, понимаете, что старые раны - пренеприятнейшая вещь, болочей - не придумаешь.

- Мне будет больно, господин начальник СД, - Леонид с выражением обиды на лице, глянул в глаза Фельдгофу, - но эта боль несравнима с душевной, которую вы мне наносите своим неверием. Я столько натерпелся в скитаниях. Куда ни ткнуть - никто ничего не знает. Чуть не попал в лапы наступающих Советских войск.

- С какой целью вы надели красноармейскую гимнастерку и где?

- Я в Горловке у одного старика за буханку хлеба шинель сменял. В придачу выпросил у него гимнастерку, чтоб не замерзнуть - еще ведь ночи холодные.

- Адрес деда!

Леонид назвал.

- Откуда у него гимнастерка?

- Снял с убитого красноармейца. - Попытался еще что-то добавить, но удар резиновой плеткой со стальной проволокой в сердцевине свалил его на цементный пол снова.

Голову окутал противный шум. Что -то теплое полилось за воротник и охватило всю спину. Слова, как будто кувалдой, бухали по мозгам: «Явочные адреса? Кто резидент? Отвечай! Признавайся!»

В камеру его бросили в полубессознательном состоянии. Когда пришел в себя, спина горела, как раскаленная печка, была набухшая и коричневая. Подполз к стене, прислонил ее к холодным радиаторам центрального отопления и облегченно вздохнул. Обвел слабым взглядом сокамерников, насчитал шесть человек. Закрыл глаза и стал мысленно анализировать свое положение.

Если допрашивал сам начальник СД, - решил Дубровский, - значит, на него обратили серьезное внимание. В чем причина? Что я советский разведчик, судя по его расплывчатым вопросам, улик у них нет. Ни Евдокию, ни Пашу к допросу не привлекли, значит, боятся себя запутать. Витя Пятеркин давно у наших. Задавать мне о нем вопросы, значит, дать понять, что гестапо никакими серьезными сведениями не располагает. Остается одно: за трое суток немцы нашли Чернышковскую комендатуру, установили подлинность моих документов и лишний раз пытаются убедиться, что я их человек. Допрос можно считать шадящим. Иначе они бы в рану мне точно соли насыпали.

Проведенный анализ показался молодому разведчику убедительным, и он, чтобы сохранить остаток сил, постарался заснуть.

Двое суток Дубровского не тревожили. Он подгроб под себя вместо соломы какой-то мусор с куском не то одеяла, не то шинели, давил загрызающих его вшей и вымученным взглядом наблюдал, как приведенные с допроса люди умирали, не приходя в сознание, слушал, как некоторые делились своими горестями и показывали на теле следы пыток.

«Заплечных дел мастера» в большинстве всегда были пьяными. Пытали попеременно до тех пор, пока жертва не падала в обморок. Обливали водой и окаянная работа продолжалась.

Бросили в камеру и старика со старухой. В сарае у них нашли какие-то провода и посчитали их пособниками подпольщиков.

Старик божился, что ни о каком сопротивлении новым властям не помышлял и с подпольщиками не связан, что эти провода он нашел в окопах, когда еще Красная Армия отступала. Они нужны ему для латания одежды, а никак не для установления радиосвязи с Москвой. Но гестаповцы были неумолимы. Последний раз его приволокли с допроса с разорванным ухом и с фиолетовыми кровоподтеками под глазами. Бабка бросилась к нему с причитаниями, ее оторвали от деда и увели. Старик только и успел прохрипеть ей вслед: «Не падай духом! Прощай!»

Уже в дверях старуха повернула к нему голову, сплошь покрытую сединой, и не лицо - бездонное горе бросило в дрожь даже выдавшую виды камеру.

«Эх, обидно, - шепелявила распухшими губами женщина с перебитой рукой, привязанной тряпкой к туловищу, - ничего не сделала в деле разгрома подлейшего врага, а уже умирать надо».

От этих слов Леонида Дубровского словно током тряхнуло. Он вспомнил лагерь военнопленных, червей, копошащихся в застаревших ранах, задубевшие тела мертвых товарищей и окровавленные от изжёванного стекла рты живых. Ему захотелось побыстрее вырваться из затхлой подвальной камеры. Он встал и загрохотал кулаком в дверь. Попросил охранника передать начальнику СД о немедленной с ним встрече.

Дубровского снова привели в пыточную камеру.

- Решили сознаться? - спросил Фельдгоф.

- Господин майор, - слабым, но уверенным голосом сказал Дубровский, - мне сознаваться не в чем, - я готов умереть от голода в вашем жутком клоповнике, но мне обидно дальнейшее пребывание в бездействии. Я считаю это преступлением перед моей совестью, ведь я молод и могу еще принести много пользы для великой Германии.

Майор скривил в хищной улыбке губы:

- Значит, вам сознаваться не в чем? А ну-ка станьте спиной к стенке.

Дубровский послушно стал.

Рыжий и длинноногий гестаповец снял с плеча автомат и направил на Леонида.

- Сейчас мы вас расстреляем, как последнего пса, если не скажете, с какой целью вас забросили в распоряжение германских войск? - майор заорал внезапно и люто.

- Меня никто никуда не забрасывал, - прозвучал спокойный ответ.

Начальник СД махнул белой перчаткой.

Первая автоматная очередь состригла с Леонида волосы на голове, вторая - прошила носки сапог так, что обожгла ему пальцы.

- А следующая очередь пересечет пополам, - зарычал майор злобно.

- Я - переводчик Чернышковской комендатуры... - и Леонид в полушоковом состоянии сполз по стене на пол.

Утром начальник СД Алчевска вызвал Дубровского сам.

Преодолевая боль в спине и ногах, Леонид пошел между конвоирами. Его ввели в опрятный, обставленный дорогой мебелью кабинет Фельдгофа.

Кроме майора, там находился высокий худощавый молодой немец в зеленом мундире. Леонид обратил внимание на его длинные волосатые руки, на уши, похожие на пельмени. Глянул ему в глаза. Из-за белых ресниц они смотрели на подследственного в упор – маленькие, пороссячи. «Этот свободно превратит любого человека в мешок костей» - подумалось сразу.

- Господин Дубровский, - послышался дружеский голос Фельдгофа.

- Я приношу вам самые искренние извинения, я действительно предполагал, что имею дело с русским агентом, но, к счастью для вас, - ошибся. Мы получили подтверждение о том, что вы действительно верой и правдой служили нашему фюреру. Чернышковская комендатура передислоцирована на другой участок фронта. По соглашению с командованием вы поступаете в распоряжение тайной полевой полиции «ГФП-721». Ее начальник – полицей-комиссар майор Майснер - обосновался в Сталино, а фельдполицай-секретарь Рунцхаймер - стоит перед вами, - кивнул на длинноногого поросячеглазого гитлеровца, - он руководит ауссенкомандой в городе Кадиевке. У него вы и продолжите свою работу переводчика. Вы имеете представление, что такое ауссенкоманда «ГФП-721»?

Какое-то время подследственный стоял будто бы не в себе. Так сильно застучало у него в висках, что он не мог проронить ни слова.

- Значит, не имеете, - Фельдгоф пресыщено улыбнулся, - так вот, вы будете выявлять и уничтожать евреев, агитаторов, большевиков, советских разведчиков и парашютистов. А это - железные нервы, неистощимая провокаторская изобретательность и натренированный нюх.

Молчание продолжалось.

Гестаповцы уставились ему в лицо.

- Господин Дубровский, вы свободны, - громче сказал майор, - идите вниз, вас ждет машина.

- Спасибо, господин майор, - вдруг обрадовано ответил Дубровский, чувствуя, как азарт настоящей работы вливается в его ослабленное тело, - я вам очень признателен за оказанное доверие. Думаю, что господин фельдполицай-секретарь будет мною доволен.

В Кадиевке Дубровского поселили в гестаповском общежитии в одной комнате с помощником Рунцхаймера Александром Дробилкиным.

Для того, чтобы понять, в какое логово проник молодой советский лейтенант Лев Бреннер, нужно зримо представить, как сухопарый длинноногий рыжий оберполицай-секретарь натравливает своего огромного волкодава Гараса не только на арестованных, но и на детей среди улицы. Однажды собака напала на мальчишек, игравших во дворе. Они бросились убежать от нее. Мальчик Коля с перепугу забрался по пожарной лестнице многоэтажного дома очень высоко, сорвался с нее и разбился

на смерть. За это начальник ауссенкоманды дал псу дополнительную порцию мяса. Гестаповец любил считать выстрелы по своим жертвам. Каждый юбилейный выстрел отмечал пьянкой. По его команде «сливки человеческого растления» на пытки и казни сходились, как на зрелищные представления.

Недалеко ушел от своего шефа и его помощник Дробилкин. Уроженец Пензенской области, учитель по образованию, он, когда началась война, добровольно перешел на сторону врага и начал свой кровавый путь с города Прилуки. Крупномордый, безшей, с подбородком, похожим на обрубок сучка, и с глазами пустыми, как обгорелые гильзы, он рьяно перенимал повадки у фашистских покровителей. Вешал. Расстреливал. Забивал до смерти. Входил в доверие к честным советским гражданам, узнавал их настроение, бросал в камеру, пытал, втыкал в суставы ног обреченных шомпола. Не щадил даже грудных детей. Ходили слухи, что самым лучшим лакомством для него была кровь младенцев.

Алчный и одиночный, он не брезговал ничем, даже прокисшей пищей - «подметал» все подряд и много.

«Я сначала съедаю три тарелки помоев - это для глистов, их аппетит удовлетворяю, - бахвалился перед подручными мародерами за столом у очередной жертвы, - а потом яичницу из десяти яиц - для себя».

В феврале 1943 года штаб тайной полевой полиции «ГФП-721» обосновался в городе Сталино. Вместе со своими ауссенкомандами, укомплектованными коварными и многоопытными выкормышами Гиммлера, он являлся основным контрразведывательным и карательным органом противника в Донбассе. Имея неограниченные права, он руководил деятельностью полевой жандармерии, полевых и местных комендатур, вспомогательной полицией и в случае необходимости привлекал воинские части для истребительных акций.

Внедрившийся в этот карательный орган Леонид Дубровский внутренне ликовал: такой головокружительный успех дается только один раз в жизни, да и то не каждому! Он никогда и не думал, что может стать настоящим разведчиком, хотя, воспитанный на подвигах героев гражданской войны, представлял себя то Чапаевым, то Олеко Дундичем, заставлявшими врагов трепетать от страха в их логове. Но и понимал всю опасность и ответственность волей судьбы свалившейся на него работы. И до этого он ходил под двумя угрозами разоблачения: первая – разведчик, вторая – еврей. Но то было другое дело. Раньше фашисты не особенно приглядывались к нему, а теперь!.. Теперь он будет находиться под постоянным прицелом проверок и вниманием провокаторов. Малейшая оплошность - и доставшиеся такой невероятной ценой крупные козыри могут превратиться в прах.

Рунцхаймеру понравилось чистое берлинское произношение алчевского узника и он назначил его вторым своим помощником, а это означало, что Леонид должен выполнять только его поручения: активно участвовать в допросах арестованных, поддерживать связь с русской вспомогательной полицией, знать о всех, кого они задерживают, и немедленно докладывать шефу. В первую очередь о евреях, русских контрразведчиках и дезертирах немецкой армии. Кроме этого, Дубровскому поручался контроль за биржей труда.

Он должен был усилить вербовку молодых людей для отправки в Германию.

Выполнение всего этого не составляло особого труда, если идти преступным путем Дробилкина, но как сделать так, чтобы и молодежь не попало в Германию, и

комар носа не подточил?.. Для этого нужно обладать не только острым умом, но и железной волей.

- Я прошу у вас прощения за то, что вынужден потеснить, - сказал Леонид Дробилкину, переступая порог комнаты общежития, - но шеф так распорядился.

Дробилкин встал с кровати. На нем - белая рубашка с закатанными рукавами и каплями свежей крови у пуговиц, стрелки брюк так отглажены, что можно обрезать. Он собирался идти в кабак.

- Знаю, - сказал сухо, - приказы шефа не обсуждаются, а выполняются. Хотя жаль. Я люблю интимные отношения без свидетелей. Тебе не повезло. Ты появился в нашей команде, когда мы уже всех коммунистов в Кадиевке уничтожили. Кое-где еще «камса» осталась. Скоро и этот посев выкосим.

Буквально вчера одна жидовочка мне попала. Представляешь, иду по кадиевскому Шанхаю, вдруг у крайней мазанки дверь скрипнула и из нее козочка черноволосенькая под акацию - плюх из ведра помой и скорей в нору, чтоб никто не заметил. У меня ноздри хищно расширились, как у зверя, - добычу лакомую почуяли. Ринулся вслед за ней. Все крючки махом повышибал. Нырнул в землянку! А она забила в угол... Воробышек... Тепленький такой, птенчик. Там же в гнездышке и покрыл. Потом сюда притащил. Кофе приказал в постель подавать, так она, сучка, что вздумала!.. Подошла к кровати и в морду мне кипятка - всю кружку! Если б не увильнулся - вместо глаз одни пузыри бы пооставались.

Дробилкин гадко сощурился, потрогал глаза пальцами, как бы убеждаясь, что они на месте.

- Хотел до смерти забить стерву, да вовремя спохватился. Чуть тепленькую в каменоломни отправил с камнедробильной техникой познакомиться.

Ярость жаркой волной прихлынула к Леониду. Лицо его от гнева потемнело, словно землей покрылось. Внутри себя он уже сделал к Дробилкину уничтожающий шаг, но что-то до конца неосознанное, похожее на голос майора Перегудова, остановило его: «Лейтенант, приказываю - не будь торопливым ни при каких обстоятельствах!» И он из предосторожности, чтоб не выдать волнения, боком присел на щербатый стул.

Дробилкин оскалился, точно кабан:

- Работу у нас сейчас хоть и маловато, но она опасная, - продолжал Дробилкин. – Ухо надо держать остро. Запомни, евреи и большевики – самый паскудный враг! Всех изведём, чтоб и на семена не осталось!

- Работы для нас всегда хватит, - сказал Дубровский, бросая на свою кровать полученное постельное белье. - Заруби себе на носу - никакую идею только автоматом не выкосишь, потому как на месте одной скошенной головы - две вырастают. Все, как в сказке о Змее Горыныче. Разве ты в этом не убедился? Надо уметь целить в самое сердце, а, значит, искать среди комсомольцев союзников и помощников, вдалбливать в их сознание культ разврата, предательства и садизма. Сделать так, чтобы честность и порядочность у всех вызвали только одну насмешку. Да здравствует хамство, ложь и животный страх друг перед другом! - входя в раж, заорал Леонид. – Хайль Гитлер!

Отъявленный садист посмотрел на самоуверенного новичка выпученными глазами, чувствуя в нем сильного своего соперника. «Этот и меня за пояс заткнёт!» - подумал не без иронии.

- По-твоему, дубинка и шомпола - чушь?

- Я так не сказал, просто тоньше надо работать. Одни шомпола - это отрывка прошлого, а мы с тобой должны смотреть в будущее. Хороший пастырь стрижет овец, а не обдирает их.

- Но овцы просто так отдавать шерсть не собираются, - с горячностью возразил Дробилкин.

- Отдадут! Ведь мы уже на пороге цели, без приближения окончательной победы, - не кто-нибудь - великий фюрер изрек! Враг растерян, враг мечется в безумных поисках выхода. Наш долг - искоренить у населения всякое намерение сопротивляться.

- А это можно осуществить только путём драконовских методов, - стоял на своём Дробилкин.

- Да, конечно: совок и лопата являют собой образцовый пример преданности друг другу, - сострил Дубровский.

- Ладно, - Дробилкин торопливо надел пиджак, - ты тут располагайся, а я пойду поразвлекаюсь малёха. У нас еще будет время посуперечничать.

Эх, водочка, ты не пхайся!

А ты, дураче, не напивайся!

Дробилкин ушел. От тишины в комнате стало еще удушней. Мрак и холод сдавили Леониду сердце. Казалось, оно сейчас лопнет от лютой ненависти и желания прикончить несусветного мракобеса. Но кто тогда сможет поручиться за успех дела? Нет, нельзя оставлять врагу даже маленький промежуток сомнения.

Подошел к столу. Из местной административной газеты кричащим черным ожогом впился в него приказ:

«Красная Армия разбита!

Власть жидовско-большевистских комиссаров кончилась! Кто из граждан узнает, где прячется еврей или коммунист, должен немедленно сообщить в полицию. Иначе будет расстрелян!»

Так-таки и разбита! Посмотрим еще, кто кому первый башку проломит! - Дубровский с сарказмом улыбнулся наглой фашистской лжи и с невозмутимым спокойствием стал застилать постель.

Первый день работы в гестапо у Леонида начался неудачно. Получил пощечину от унтер-офицера за то, что не принял участие в избиении летчика, сбитого над Голубовским рудником.

Еще час назад он свободно парил в небе, - думал Леонид, - и сбрасывал бомбы на головы обозленных извергов, и вот стоит весь в крови, пошатывается от слабости, но смотрит на окружающих глазами сокола. Холод жуткого предчувствия смерти ему не страшен.

Нет, не сломить такого!... Никогда не сломить!

Унтер-офицер вывел новоиспеченного гестаповца из размышления толчком локтя в бок:

- Почему плохо допрашиваете? Каждый вопрос «русской собаке» должен сопровождаться ударом. А ну бери дубинку и бей!

- Я не следователь, чтоб брать дубинку, - твердо сказал Дубровский, - и вообще, я человек слишком жалостливый.

- Свинья! Жалость - пустое слово, придуманное дураками.

И сочный лязг ладони расплылся по всей щеке Леонида огненной краской.

Ему стало мучительно стыдно за свое положение. Еле взял себя в руки.

Вечером пожаловался своему «покровителю» Рунцхаймеру. Но разговор оказался «не в пользу бедных».

Вы, Дубровский, слюняй. Из-за таких, как вы, у нас много побед, но нет удачи. Я сделаю из вас достойного профессионала, превращу в бесчувственный ком. В этом и есть настоящее проявление силы.

Да, но Гете и Шиллер не согласились бы с такими методами работы...

За будущее Гёте и Шиллера мы в своё время дрались пивными кружками и ножками стульев, сегодня - «тиграми» и «пантерами», придёт время победы, и мы раскроем объятия и прижмём к сердцу их духовные ценности. Всеми свой срок. Как сотрудник гестапо, вы должны это понимать чётко. Война и храбрость совершили больше великих дел, чем любовь к ближнему.

Но все-таки приказал офицерам относиться к новичку полаяльней.

8

Лето обжигало лицо, как печеная картошка губы, только что вынутая из костра.

Дубровский вошел в здание русской вспомогательной полиции, взял у дежурного ключ от комнаты, которую ему выделили для встреч с агентами и сочувствующими германской власти. Подъем бодрости так и играл в осанке. Еще бы - сам Рунцхаймер отнесся к нему с почтением. Может, потому, что Леонид выгодно отличался от вульгарных и проспиртованно-сизых своих коллег достоинством и умом. Даже бескомпромиссный волкодав Гарас встретил новоприбывшего гестаповца легким повиливанием хвоста. Кому-кому, а своей собаке полицай-секретарь доверял больше, чем самому Майснеру.

Удача симпатизировала молодому разведчику.

Появилась возможность для более свободных и масштабных действий. А главное - иметь доступ к оберфельдкомендатуре «Донец - 97», занимающейся подготовкой агентов-диверсантов, посылаемых в советский прифронтовой тыл. Прошлой ночью партизаны вместе с кухонными котлами взорвали в каменоломнях ненасытного молоха человеческих жизней - камнедробилку. Чутье подсказало разведчику единственно верный путь к ее истреблению.

Базар кишел жуликами всех мастей, торговцами и другим измученным, голодным и холодным людом.

Леонид обошел толпу бородатых мешочников, пересек улицу. Зашел в табачный ларек. Глянул в гладко выбритое и надушенное лицо торговца. Оно ему показалось слащавоскользким. Купил пачку папирос. Вышел. Заглянул в коммерческий магазин по скпке электроприборов – не то. «Открывается мастерская по ремонту кастрюль и прочей утвари!» - прочитал объявление на соседних воротах. Рядом: - «Госпожа Бордюгова Клара принимает для перелицовки носильные вещи!» - Отворил дверь в сапожную мастерскую. Зеленые, мудро вззирающие глаза сапожника излучали спокойствие и любопытство. Побитые оспой скулы выражали твердую волю и выдавшую виды жизнь.

- У вас есть чем подбить мои каблуки?

Сапожник привычным движением выдвинул из тумбы стола ящик:

- Вот... Выбирайте на любой вкус.

Дубровский выбрал тонкие и фигурные.

- Думаю, на мой век хватит, - сказал, снимая ботинок.

- Зачем же заранее обрекать себя. Живите долго, только не пакостите.

По оттенку интонации Леонид понял, что чеботарь пытается втянуть его в разговор, и дал ему повод.

- А, как по-вашему, что это такое – пакость?

- Чудовище, - смело сказал сапожник, - может быть незаметной, но безвредной никогда не бывает.

- Тогда это по моей части. Я воюю с ней по-настоящему.

В голосе Дубровского собеседник уловил теплую нотку, располагающую к доверию.

- Это правильно. Но, когда воюешь с чудовищем, надо остерегаться, как бы самому не превратиться в него. - Сапожник резко ударил молотком по гвоздю. Подковка словно влилась в каблук.

- Воюю с пакостью - комиссарами и евреями - так, чтоб их и на семена не осталось! - вспомнил слова Дробилкина. - Если бы вы знали, какие мы из них готовим деликатесы! Вам даже такое никогда и не снилось. – Прозрачно намекнул об ужасах, творящихся в каменоломнях, поблагодарил за работу и ушел.

Брошенная фраза попала в цель. Теперь с большей уверенностью можно выходить на сапожника. Сегодня он его пригласил к себе. Еще раз проанализировал свои действия - вроде никакого прокола не должно быть, хоть и очень рискованно. Но разве в таком паучьем логове обойдешься без риска?

Легко быть твердым, если не имеешь сердца. А когда оно есть, когда каждый день видишь, как истязают твоих соотечественников, слышишь их стоны и крики, принимаешь их проклятия, которые они бросают с презрением в тебя. И ты не в состоянии ни оправдаться, ни помочь им ничем, а только должен улыбаться тем, кому хочется перегрызть горло и разорвать на части.

Напрягая до самоистязания нервы Леонид завидовал оставшимся на передовой. Там легче, там – атака, и ломай, круши неприятеля, а тут!.. Казалось, еще миг - и воля изменит ему, и он совершит непоправимую глупость, но любовь к Родине – всеобъемлющая и безмерная, давала ему силы быть рассудительно осторожным.

В дверь постучали.

Сапожник вошел тихо, но твердо. Опираясь правой рукой на самодельную палку, спросил коротко:

- Вызывали?

- Да, - сказал Дубровский, пытаясь разглядеть в нем замешательство.

Но лицо чеботаря было лукаво непроницаемо, точно такое, какое Леонид видел в полуподвале мастерской.

- Вы не догадываетесь, зачем я вас пригласил? – По - гестаповски суровый голос расколол тишину комнаты.

- Скажете, - после короткой паузы послышался несколько безразличный ответ.

- Как вас зовут?

- Незамутинов Рафаил Юрьевич.

- Татарин?

- Да.

- Ну так вот, нам стало известно, что вы взорвали в каменоломнях засекреченный объект и ремонтный цех на шахте «Ильича».

Сапожник недоуменно пожал плечами:

- Как я с хромой ногой все это сумел проделать? На секретный объект и здоровому человеку нельзя проникнуть, а я - инвалид!.. - Это недоразумение. У меня ревматизм. С палкой и то с трудом двигаюсь.

- Значит, вы знаете о трудностях проникновения на секретный объект? Откуда? Из какого источника?

- Не столько знаю, сколько догадываюсь. Думаю, вы меня с кем-то путаете. Я - сын кулака, сидел в тюрьме как правотроцкистский шпион. - Рыжий, худой, в вылинялой рубашке и в потертых вельветовых брюках, он был похож на пламя самодельной лампадки, которую так просто не затушить. - Я, кроме сапожного ремесла, ни в чем ничего не смыслю.

- Я бы вам охотно поверил, но, - Дубровский встал из-за стола. В выжидательной задумчивости прошелся по кабинету, - у меня есть доказательство. - Не успел закончить мысль, как вошел дежурный и сказал, что на прием рвется один базарный верзила.

Леонид в легком волнении побарабанил пальцами по столу, окинул взглядом сапожника, потом суконную ширму, прикрывающую угол глухой стены.

- Пусть войдет минут через пять, - сказал твердо и сухо.

Дежурный вышел.

Дубровский кивнул сапожнику головой на ширму.

- Там есть стул. Садитесь, и чтоб ни звука!

Верзила вошел в яловых запыленных сапогах и с громадной кирзовой сумкой. С шумом поставил ее у стенки.

- Я, господин следователь, резину тянуть не буду, я сразу к делу. - Угодливо согнул всю свою громадную статью - Я, можно сказать, случайно на базаре разговор знакомых товарок подслушал. Они знают девчат, которые от немеччины укрываются, и где можно достать незаконные справки насчет плохого здоровья. - Верзила вкрадчиво оглянулся, отчего показался чудаковато смешным, и прозудел почти шепотом, - мне командир местного партизанского отряда сам Коваленко в парке на глаза попался, так я, сами понимаете - не лыком шитый, выследил, куда он лыжи вострил, паскуда. - Мужик в ожидании похвалы смачно облизал губы.

- Это хорошо. Это достойно большой награды. Ну, что дальше?

Дубровский стал прямо перед доносчиком и в удивлении устремил на него крупные свои глаза. Плотно прикрыл дверь. Прислушался. За дверью было тихо. Чтобы не выдать охватившего его беспокойства, сел за стол и что-то быстро стал писать.

- Вы точно уверены, что это он?

- Обижаете, господин пан. Да я его не глазами - нутром чувствую, скота паршивого! На колдуна похожий! Он в коллективизацию у нас в селе к активистам примазался, а потом невесту мою увел на рудник! И чего вы раньше не пришли и не сковырнули Советы? Эх, теперь заживем на воле, как птица в поле! Может, и Варька ко мне вернется!..

Дубровский около часа с усердием расспрашивал сочувствующего германской власти. Задавал беспорядочные вопросы, а сам пытался понять - не провокатор ли

перед ним? Не похоже, убеждал сам себя, провокатор не был бы таким прощельгой, профессионализм все равно бы его выдал.

Прощаясь, сказал:

- О том, что вы были здесь, никому ни слова! Значит, еще раз проследите за домом, куда скрылся этот мерзавец, и завтра в это же время я вас жду здесь. Надо сделать так, чтобы не только он, а вся его шайка попала в нашу ловушку.

- Все исполню, как приказали!

Верзила схватил сумку и с радостью подхалима выскользнул из кабинета.

Леонид прижался спиной к двери в полной растерянности. Нужно немедленно что-то предпринимать. Но что? Сапожник все слышал. Хорошо, если он связан с подпольем - тут же предупредит своих, а если нет? Тогда... Тогда надо будет срочно убрать подонка, а как?

- Гражданин Незамутинов!

- Да, я здесь. - Штора качнулась, и полное смутного горячего чувства встало перед Леонидом бледное лицо сапожника. Он не мог спрятать волнения и с каким-то бессильным остервенением навалился на палку. Она словно трещала под его тяжестью.

- Ага! Значит, все-таки наш! - Дубровский обрадовано блеснул глазами.

Вообще так, сегодня у меня больше нет времени заниматься вашей персоной. И по всей видимости завтра тоже. По закону я должен вас посадить в тюрьму до прояснения ситуации, но, учитывая ваш возраст, здоровье и то, что вы бывший троцкистский шпион, отпускаю. Встретимся через два-три дня. Только не вздумайте улизнуть! От меня еще никто не убежал. Ясно?

- Мне бежать некуда. Я уже набегался за свою жизнь.

- Хорошо, идите. И не дай Бог проговориться о Коваленко!..

- Будьте спокойны, господин следователь. Не подведу. - Бросил быстрый понимающий взгляд и вышел. Дверь скрипнула с невероятно игривой радостью.

Следом за ним вышел и Леонид Дубровский, вышел, чтобы дальше идти над пропастью.

9

Из Алчевска Паша вернулась домой без единой кровинки в сердце.

Ну почему!?!.. Почему я такая несчастливая? - упрекала она себя, - с мужем и года не прожила - погиб на фронте. С Леней всего две ноченьки - и все! И - конец! И - не ищи больше! У тех извергов разве выкрутишься! Не успели в село войти - сразу виселицу поставили. И в комендатуре, и в трансформаторной будке так били, что кровь на стенки брызгала...

Казалось, душа выболела и опустела, но скопившееся за пазухой тепло не дало сердцу замерзнуть, отмякало, как под росой травинка.

Хоть лето еще не взяло над весной полной власти, но уже во всю можно было копать корень лопуха, печь его и уплетать за обе щеки, варить компот из ревеня, а из лебеды - борщи. А когда совсем нечего есть, и липовые листочки - лакомство, одуванчики, козлики и калачики.

Буйно зазеленела трава. Повыскакивали из сараев уцелевшие козы, задзинькали в ведра молочные струи. Природа обрела такую умиротворенность, что хотелось остаться с ней один на один и доверить ей свою душу.

Но, несмотря на это, жизнь сестер оскудела и усложнилась. То было горе, а стало - двое. Мало того, что Пашу выгнали из комендатуры, - на окопы стали обеих гонять вместе с детьми. Каждый вечер заставили отмечаться в полиции. Из хаты выселили в сарай. Переводчик Цукр не упускал случая, чтобы не устроить какую-нибудь пакость, все надеялся из комара сало вытопить.

Время дышало зловещим смрадом.

Но вдруг голубь клювом своим постучался в окошко - сизарь белый такой, с пестрою проточинкой на груди. А следом за ним - одна из девчат, работавших на окопах в поселке Белое, принесла Паше записку.

«Паша, милая, здравствуй! Я жив и хорошо устроился в кадиевской комендатуре «ГФП-721». Скучаю и очень жду. Леонид. Привет Евдокии Остаповне».

Паша не могла продышать скопившуюся в груди радость.

Нашелся! Живой! Не забыл! К себе приглашает! И как ему удалось?..

Тело ее заныло от пережитой тоски, а душа рванулась навстречу зову.

Чуть не на коленях вымолила у коменданта пропуск в Кадиевку. Не пошла - полетела к зыбкому своему счастью-гнездышку. Но на обгорелом дереве гнезда уже не было. Сказали, что комендатура перебазировалась в Сталино. Еле доплелась Паша обратно в Малоивановку.

- Ну шо, провидала Леню? - Спросила Евдокия сестру.

- Нет, зато на «газенвагены» нагяделась. Они там по городу мотаются, будь здоров!

- Шо цэ за штука така - «газенвагены»?

- Душегубки. Машины такие с деревянной будкой, оббитые изнутри железом. И туда выхлопная труба вставлена. Загонят в будку людей, на засов закроют, пока до кладбища довезут, они и позадыхаются от выхлопных газов. Не успевают уничтожить руками, так новое изуверство придумали.

- Леню в душегубци замучили? - вскрикнула Евдокия.

- Нет, его перевели в Сталино, он у них на хорошем счету.

- Ну, так бы и сказала, а то «газвагены», «газвагены!» - облегченно вздохнула Остаповна, присаживаясь на топчан. - Шо ж будэмо робыть дали?

- Что? Что? - идти в Сталино, вот что!

- Так пропуска ж нэ дадут!

- Мне не дадут, а тебе не откажут. Скажешь, в Кадиевке сестра продуктов не разжила, а в Сталино и хлеба даже можно достать, - Паша умоляюще посмотрела сестре в глаза. - Понимаю, не ближний свет, но теперь у меня совсем душа не на месте.

- Ладно, пиду. Можэ, поможэ от цих извергив откараскаться.

- Одной было идти далеко и страшно, Евдокия стала искать напарницу. Уговорила соседку Могильную Федору Игнатьевну:

- В Сталино хлеб и продукты на базари можно достать. А если вещь гарна, то и на вещь поминять.

Согласилась Федора, еще и дочку с собой взяла:

- Пойдем, - сказала она ей, - нам где не быть, только б не дома. В дороге в Германию не угонят.

В Сталино женщины обошли весь рынок, скупилась удачно. Подыскали для ночлега квартиру. Заплатили по десять рублей с человека.

Евдокия отдохнула чуток, покрутилась по двору, чем-то озабоченная. И сказала напарницам:

- Пиду пока не вечир. Мэни чоловіка одного надо найты.

- Иди, - махнула рукой Игнатъевна, - да смотри, никуда не встрянь, а то нам одним боязно будет домой возвращаться.

Евдокия комендатуру тайной полевой полиции нашла быстро. Постояла возле входных дверей, покумекала и для верности спросила у армянина - торговца магазина, что находился в нижнем этаже этого же дома:

- Скажить, цэ комендатура «ГФП-721»?

- Она и есть, - коротко ответил торговец.

- А пэрэводчика Дубровського вы часом нэ знаетэ?

- Знаю. Сегодня он у меня марки менял. Но в комендатуре сейчас его нет. Все уехали в Макеевку мальчишку ловить - шельмец немецкие печати для бланков приноровился делать. Мне об этом сам Дубровский сказал. На площадь всех детей сгонят и начнут допрашивать.

Евдокия отошла в сторону и стала ждать.

Уже перед сумерками подъехало сразу три машины. Гестаповцы с шумом вывалили из кузовов, как прусаки из коробок. Взгляд Евдокии сразу выхватил Леонида. Он шел, посвистывая от удовольствия. Видать, мальчишку не поймали, подумала она. Подошла к армянину и попросила его позвать Дубровского.

Леонид выбежал сразу. Поздоровался, как с родной, и повел наверх в свою комнату.

- Ну, что новенького там у вас? Как Паша? Связной не объявился?

- Нэ объяввся. А новостей стики, шо всех и нэ продыхнэш.

И рассказала о всех бедах, которые приходится им терпеть после ареста Леонида.

- Издиваются над нами и регочуть: “На свалке уже ваш Дубровский!”

Леонид слушал ее и зеленел от злости. Не выдержал. Встал. Пошел в соседнюю комнату, стал стучать на машинке. Вышел с тремя листами бумаги.

- Вот тебе, Евдокия Остаповна, три письма. Это - коменданту отдашь, это - начальнику полиции Семену Калиберде, а это, - злобно блеснул глазами, - Цукру. Я тут написал ему, если вас еще хоть раз пальцем тронет - собственноручно прикончу! Передавай, не бойся - письма внушительные, с печатью СД. Скажешь им, где я работаю, они от страха в штаны наложат. А это, - достал из крохотной дырочки в матрасе свернутый в папиросную трубочку бумажный лоскут, - подальше запрячь. По пути зайди в Горловку вот по этому адресу и отдай Павленко Валентине Ивановне. За линией фронта очень ждут этих сведений. Та девушка из Белого, которая принесла вам от меня весточку, скоро должна появиться снова. Отдадите ей мой блокнотик и бланки немецких документов с печатями. Ясно?

- А як же нэ ясно. Тики ж мы уже живэмо в сарай, дэ ж вона нас побаче?

- Отдашь коменданту письмо и он вас обратно вселит, - уверенно сказал Леонид. - Даже и не сомневайтесь. И еще... - стыдливо отвел глаза в сторону. - Не знаю, как Паша, а мне без нее выть хочется. Мне кажется, я и необъятное обниму, если ее увижу. Пусть не задерживается, скорее приходит, у меня к ней есть важное поручение.

Поговорили о положении на фронте, о том, что наши скоро перейдут в наступление и немцам наскипидарят пятки. Леонид, проводив Евдокию до скверика с двумя наполовину поломанными лавочками, простился с ней и заторопился в комендатуру. Он уже миновал казино, когда из-за общежития, помахивая змееобразной удавкой, вывернулся ему навстречу Дробилкин. Широко шагая слегка вывернутыми ногами, он зло бросил Дубровскому:

- С бабою прохлаждался... Ух и твари они! Только сейчас понял - до чего ж стервозное у них нутро! Представляешь, только что допрашивал одну халяву с пятилетним пацанёнком. Как ни изощрялся - молчит, хоть убей! Вот этой удавкой задушил у неё на глазах её же чадо - и не призналась, только сознание потеряла. Пришлось обоих отвезти на шахту 44-бис и бросить в шурф.

- Да, женщина - создание непредсказуемое, к ней тонкий подход нужен, а не удавка, - стараясь не выдать закипевшей в груди ярости, ответил Дубровский, - не зря кто-то из великих сказал, что тот, кто может управлять женщиной, сможет управлять и страной. Так, что, Дробилкин, сопли у тебя ещё под носом не высохли для больших дел.

- Ну и тварь! - Дробилкин никак не мог признать своего поражения перед силой духа простой труженицы, - ребёнка не пожалела! - Досадно плюнул в замусоренный куст лебеды и уже спокойнее посмотрел на Леонида. - Ты мне чертовщину не пори насчёт руководства страной - бабы тоже бывают разные. Хотя я сегодняшним днём доволен, зря не пропал: всё-таки одного преступника расколол, щипцами вытащил из него место, где собирается завтра диверсионная группа Юнисова.

Безмерная тревога охватила сердце Дубровского. Группа Юнисова и Богоявленской насчитывала около семидесяти человек. На завтра планировалось нападение на склад горюче-смазочных материалов и в разгар начавшегося кавардака напасть и на тюрьму. Сегодня актив группы для уточнения последних расчётов собирается у откатчицы Заикиной - в небольшой хате-мазанке, одной стороной прилепившейся к терриконику, а другой - спрятанной в вишняке палисадника. Любой ценой надо предупредить товарищей! Но кого послать? В мыслях перебрал всех своих связников - в городе ни души! Все разбрелись по области и выполняют задания. Последней сегодня утром в Макеевку ушла Зоя Сухорукова. Ей надо было срочно переправить через линию фронта данные о расположении укреплений на восточном берегу реки Молочной. Там они были сильнее Миусских. Крутой берег давал возможность противнику просматривать подступы до четырёх километров. Выведанную Бреннером систему инженерных заграждений и препятствий, оборудованных вглубь обороны, командование Красной Армии ждало, как спасительного воздуха. Готовилось решительное наступление. Валя Павленко на пути в Макеевку... Ещё раз перебрал в памяти, кого можно было бы послать к Заикиной, но ни на ком из мало-мальски благонадёжных не остановился. Значит, выход один - идти самому! Опасно. Среди актива группы может оказаться и провокатор. Но подставлять столько людей под наковальню врага ради своей жизни!.. Нет, он не имеет на это права. И Дубровский, щедро угостив Дробилкина в буфете казино шнапсом, заспешил на явочную квартиру Заикиной.

На третий день после возвращения Дуси Паша уже была в дороге. Пошла через Городище. По пути встретила женщин с тачками, присоединилась к ним, вроде и она

идет менять барахло на продукты. Вместе остановились на ночлег в небольшом хуторе у столетней старухи, еле шамкающей беззубым ртом о скором поражении германца. Паша упала на брошенный ей у давно небеленой печки пучок соломы и тут же заснула.

Приснилось ей, будто идет она по цветущему земляничному полю. Увидела ягоду, сорвала, положила на ладошку. Присмотрелась, а она зеленая. Не успела огорчиться, как ягода на глазах стала расти и спеть. Выросла такая огромная, что в ладошку не помещается. И красная-красная! Паша протягивает ее Леониду, полная счастья и удивления. И едят они ее, словно яблоко, посреди земляничного поля и порхающих пестрых бабочек.

Утром Паша проснулась в хорошем настроении, значит, встреча будет удачной. Женщины показали ей путь на Сталино, и она быстро пошла по тропинке, раскаленной от зноя.

Часа в четыре вечера Паша уже входила в комендатуру.

Спросила у дежурного о Дубровском.

Дежурный посмотрел на ее зардевшееся, обветренное дорогой лицо и, не глядя на документы, небрежно бросил:

- Зачем он тебе? И кто ты такая?

- Я, господин немецкий солдат, с Малоивановки за помощью к нему пришла. Его в моей хате арестовали как шпиона-разведчика, а он оказался невиноватым. Он здесь у вас важный пост занимает, а полиция, наша местная, до сих пор нас с сестрой ужасно пытается, чтоб мы признались, кто он. А нам нечего ей сказать, кроме того, что он переводчик немецкий.

Хорошо, - перебил Пашу дежурный, - все это ты ему сама расскажешь. Он должен вот-вот приехать. Обожди где-нибудь возле входа.

Паша вышла на улицу. Вдохнула на всю грудь жаркого летнего воздуха. Он показался ей прохладным и по - июльски горьковато полынным. Мимо еле передвигала ногами старушка с палочкой. Она спросила у проходившей молодой женщины, как пройти к магазину. Молодая что-то рывкнула в ответ. Старушка в недоумении пожала плечами:

- И чего расшумелась? Я же ее спросила, а не по морде ударила.

Паше стало жалко старушку. Она бы с радостью подсказала ей, где находится магазин, да сама толком ничего не знала. Все смотрела в ту сторону, откуда должна появиться машина с ее любимым.

Зеленый «опель» подкатил внезапно. Из него вышли три гестаповца и устремились в комендатуру.

В молодом, чернявом и стройном Паша без труда узнала Дубровского.

- Леня! - окликнула она его, не слыша своего голоса.

Дубровский резко повернул голову, увидел долгожданную гостью и быстро подошел к ней.

Он захватил ее ладошку в свою, и она почувствовала, как с новой встречей они еще крепче желанны друг другу.

- Наконец-то пришла!.. - с нежным трепетом в голосе прошептал он. - Я сейчас очень занят, но примерно через час постараюсь освободиться. За этим домом во дворе скверик маленький, подожди меня на скамеечке.

Паша села под тень дуплистого тополя. Тепло руки Леонида еще продолжало растекаться по всему сердцу так, что голова закружилась. Ей показалось, что она вместе с любимым плывёт по озеру в лодке. «Неси нас, лодка, не прибывай к берегу! - Взмолилась она, - пусть на пути будут любые трудности, они не омрачат радости, если мы будем вместе!».

- Паша! - Прорвался к ней голос Дубровского, словно сквозь дрему.

- Ой, Лёня! Ты уже здесь! - пришла в себя, бросилась ему на шею. И они поцеловались по-настоящему.

- Тут долго стоять опасно, за мной постоянно следят, даже в протоколах допросов роются. Пошли ко мне в общежитие. Есть очень важное дело.

Комната действительно оказалась лодкой, в которой рай для двоих.

Еще не успел рассеяться звук захлопнувшейся двери, а Паша уже припала щекой к желанной груди. Замерла.

Господи, спасибо тебе!.. Я уже не чаяла такой встречи. Безумие мое нестерпное!.. Вот так бы превратиться в маленькую-маленькую букашку и вечно жить на твоём теле вдали от ядовитых глаз и наслаждаться тобой. - Закрыла глаза, крепче обняла за плечи. - Лень, что ты там такого написал коменданту? Все препятствия поотменял, даже и детям по пайку выписал. И как тебе удалось войти к ним в доверие, такое уважение заиметь?

Леонид зарылся лицом в её волосы, терпкая сладость сбилась в груди в комок беспредельного обожания. И в сознании, и по всему телу сквозило только одно желание: видеть, обнимать и ни на секундочку не отпускать её из своих объятий.

- Написал, чтоб учился разбираться в людях. А как удалось, ты сейчас увидишь, - снял с себя нательную рубашку - и женщина ужаснулась: вся спина и бока любимого были иссечены шрамами розоватого цвета. Кое-где они переходили и на живот.

- О, ужас! - Глаза Паши расширились до безумия, она бережно дотронулась до одного, потом до другого шрама, заплакала и стала целовать, будто в бреду.

- Это меня так в Алчевске отделали. Клали вниз лицом на скамейку и били плетками. Старались попасть несколько раз по одному и тому же месту. Ставили к стенке и стреляли из автомата. Чуть шелохнулся бы, и пуля - моя!

Леонид встал, вынул из шкафа красноармейскую гимнастерку. Она была вся черная от запекшейся крови, залубенела вместе с кусками кожи.

- Это, Пашенька, мы нашим детям покажем, пусть знают о тех кошмарах, которые нам пришлось пережить ради их счастья. Как только война кончится, свадьбу с тобой сыграем. И увезу я тебя в Москву.

- Неужели в самую Москву! - Ахнула от удивления и восторга Паша, - посмотрела на Дубровского, как на чудо. И вместо слов - слезы благодарности потекли по её щекам.

Он улыбнулся с чувством искренности и достоинства.

- Паш, скажи, а если бы тебе пришлось, ты бы выдержала такое?

- Должно бы выдержала, хотя и страшно мне попадать под такие пытки, - честно призналась.

- Я понимаю, насколько все это опасно и сложно, но сегодня мы не имеем права заботиться о себе. Купаться в своей любви, не зная ни обязанностей, ни долга... В этом есть что-то низменное и непрочное. Надо помогать Красной Армии, иначе путь

к победе будет ужасно длинным и не принесет нам полного счастья. У меня есть для тебя задание. Ты должна из Кадиевки в Сталино, примерно в два приема, перенести пишущую машинку, а потом надо бы через линию фронта перейти. Есть важные данные. Я тебе укажу самый короткий путь, если ты, конечно, согласна.

Паша кивнула головой, соглашаясь на все, что предлагал любимый.

На улице стало темнеть.

Скоро у нас ужин, - сказал Леонид, - опаздывать не положено. Я сейчас отведу тебя на ночлег к одной девушке, а завтра утром придешь ко мне, я все подробно объясню, и ты отправишься в Кадиевку.

В квартире, куда привёл Пашу Дубровский, ещё теплился отсвет заката. Высокая девушка с красивыми женственными округлостями с листовкой в руке встала из-за стола, вопросительно посмотрела на Леонида.

- Не волнуйся, это наш человек, - сказал Дубровский, приветствуя её улыбкой. - Завтра у неё трудный день, надо отдохнуть хорошенько. - Взял из рук девушки листовку, начал читать:

«Донецкие шахтёры! Будьте в первых рядах борцов за освобождение Донбасса! Ни одного пуда угля оккупантам! Наша цель - ни один нашественник не должен уйти живым с советской земли!» - Хорошо, качнул головой Леонид, возвращая листовку - Только и среди нашественников есть хорошие люди, так сказать - оккупанты поневоле. Их уничтожать незачем. Цель оправдывает средства только тогда, когда её достижение помогает нам и окружающим стать лучше. Иначе она не имеет смысла. Не будет ни победы, ни светлого будущего. Давай добавим так: «Дорогие товарищи! Не поддавайтесь лживой геббельсовской пропаганде, не падайте духом, всеми силами и способами срывайте мероприятия оккупационных властей, поддерживайте и развивайте патриотическое движение в городе! Красная Армия совсем близко!»

Дубровский попрощался, тихо закрыл за собой дверь.

Девушка, молча, положила на пол вместо постели фуфайку и старенькое байковое одеяло, а у Паши от ревности всё тело покрылось судорогой. Показалось, что и хозяйку комнаты ошпарило такое же чувство.

- Скорей бы утро, - подумала она, страдальчески укутываясь в одеяло.

Но утро перемешало все карты.

Леонид встретил Пашу полный тревоги. Быстро проводил за сквер и сказал торопливым от волнения голосом:

- Скорее уходи домой, чтобы тебя никто не видел. Больше здесь оставаться опасно. Несколько подпольщиков из диверсионной группы попались в ловушку. Приказано всем уцелевшим пробираться к нашим через болото по направлению Миуса. Возможно, и мне скоро придется покинуть этот змеючник. - Леонид в последний раз взглянул в глаза своей настоящей любви, горестно улыбнулся, словно винясь за что-то. - Пожалуйста, будь осторожней, мы обязательно сыграем с тобой свадьбу, - нежно, как дитя, поцеловал в губы, и они пошли в разные стороны, каждый своей дорогой.

Август. Журавли летят высоко в небе, не спеша «переговариваются». Значит, осень будет ясная, теплая и сухая, - подумал Леонид. - Переговариваются, а мне кажется – плачут, жалко покидать им свое гнездовье.

Сумрак, бедность, тоска, непогода и слякоть,
Вид угрюмых людей, вид печальной земли...
О, как больно душе, как мне хочется плакать!
Перестаньте рыдать надо мной, журавли!.. -

ворвались в душу стихи поэта 19 века Алексея Жемчужникова.

Очень хотелось уйти к своим вместе с «расшифрованными» подпольщиками. Уйди он - и никто бы его не упрекнул за это. И так много сделал. Но ему казалось, что мало. С первых и до последних дней работы переводчиком в лагере военнопленных у него не было ни одного поражения. Он привык дурачить немцев и побеждать. Молодой, горячий, он почувствовал упоение в ожесточенных боях тайной войны и свою неуязвимость, притупил бдительность. А тут еще в ночь с 17 на 18 августа наши войска прорвали хваленый «Миус-фронт». Вывернули из земли и уничтожили полосатый пограничный столб, на котором были закреплены две таблички на русском и немецком языках: «Священная граница Великой Германии».

Сердце молодого разведчика наполнилось эйфорией победы. Дал больше свободы чувствам и «засветился». Ему захотелось побыстрее освободить Ольгу Чистюхину, арестованную фашистами за хищение бланков немецких документов. Он принял новое участие в совещании актива подпольной группы. С помощью провокатора гестаповцам всё - таки удалось напасть на их след. Все его участники были арестованы и расстреляны. Ниточка потянулась к Дубровскому, который уже приступил к выполнению плана по освобождению подпольщицы.

...Его схватили под утро. Заковали в кандалы руки и ноги и отправили на пытки. Допрос вел сам начальник «ГФП- 721» полицей-комиссар майор Майснер. После нескольких дней отпирательств Леонид уже не скрывал, кто он. Бросал палачам в лицо и по-русски и по-немецки: «Вам, гадам, все равно скоро будет конец! Не послужила и никогда не послужит вам наша земля! Здесь, в Донбассе, вы стоите на угле, а для своих паровозов завозите его из Домбровского бассейна. Только в шахту 4-4-бис вы сбросили десятки тысяч советских граждан, но ни единое предприятие так и не заработало!»

Он не боялся пыток, не понаслышке - воочию видел, как стойко переносили их простые люди, и наэлектризовался их мужеством, словно не чувствовал никакой боли.

- А ну, устройте ему шарффернемунг «энергичный допрос», - сдерживая ярость, сказал подручным Майснер.

И адская работа началась.

Его били три дня подряд. На четвертый Майснер спросил:

- Ну, теперь будешь говорить? - Взял в руку шомпол, чтобы с удовольствием воткнуть его Дубровскому в сустав ноги.

- Буду, - вдруг ответил подследственный разбитым ртом. - Я вам такое сейчас скажу, что у вас уши поотпадают. Знайте, я не только советский разведчик, я еще и еврей! По-вашему юда! Юда я! Жид! - захохотал злорадно громким, граничащим с безумием смехом.

От слова «еврей» у Майснера камень сдвинулся в почке и перекрыл мочеточник. Его большие кабаньи уши словно прилипли к затылку, делая комично

скользкой гримасу. Он взглянул в черные, слегка навывкате, глаза обреченного и заорал то ли от боли, то ли от бессилия. Ткнул жертве шомполом прямо в глаз.

С вытекшим глазом Леонида вытащили во двор полевой полиции, привязали веревкой к седлу лошади и поволокли. Рядом бежал Дробилкин, злорадствовал и с усердием задавал вопросы.

- Что, обвел вокруг пальца? Сморчок! Сопли еще не все на кулак смотал, чтоб со мной тягаться! Что за женщина к тебе приходила? Связная? – Потный, обезьянообразый, со слюнной пеной на губах, он казался жалким в своей беспомощности сломить Бреннера. Обстановка на фронте складывалась не в его пользу, и потому с открытым кричащим ртом он походил на выброшенную на берег рыбу. - Ни эха, ни тени не оставишь ты после себя - умрешь весь! А я!.. все твои заслуги напялю на свой мундир! Стану уважаемым человеком!

Разведчик смотрел на него провалом окровавленной глазницы и молчал. Он слышал нарастающие массивные удары нашей тяжелой артиллерии и улыбался бледно.

Натиск Красной Армии был до того стремительным, что восьмого сентября Сталино было освобождено от гитлеровцев. ГФП-721 бежало в Днепропетровск, захватив с собой истерзанного советского лейтенанта.

В камере № 9 тюрьмы ГФП-706 Лев Бреннер провел остаток своей жизни. Ему едва исполнилось двадцать три года.

На стене камеры он вел календарь истекающих кровью дней:

8/IX - 43 г. - пытали зверски.

9/IX - 43 г. - заворачивали обнаженного в колючую проволоку и пропускали ток.

10/IX-43 г.-

11/IX - 43 г. - снова допрос.

- Ай-яй-яй! Зачем так не жалеть себя! На вас же не осталось живого места! Вы думаете, что ваши муки будут высоко оценены Советами? - Как заступ о гробовую крышку, звучат глухие слова следователя, похожего лицом на девушку - Но ведь слава же вас не любит. Вы станете посмешищем, а не героем. Мы найдем способ, как это сделать. Поймите же, наконец, время существует только для того, кто существует. Ну, давайте!.. Давайте, выкладывайте все по порядку. Где скрывается ваша радистка?

- Что бы вы ни делали со мной, я честно выполню свой долг перед Родиной!

- Родиной?! - слышится иезуитски вкрадчивый и жесткий голос. - Родина - это власть и политика. Вы не вписываетесь в рамки её интриг. Запомните, вам никогда не быть героем. Для Родины вы - изгой. До того чист в своём подвиге, что от вас даже евреи откажутся. Родина наплюёт на ваш подвиг.

- Бросьте, господин полицей-комиссар, я не из тех, кого можно купить жалостью к себе. Меня нисколько не волнует моя судьба, меня волнует судьба моего Отечества.

12/IX - 43 г. -

13 /IX - 43 г. - подвешивали вверх ногами и жгли раскаленными прутьями.

А в ночь с 21 на 22 сентября ему приснился сон, будто он - дома. За веселым праздничным столом сидят его братья, мать, Маша и Паша. Все разговаривают о чем-то приятном и радостном. Поздний вечер. Покой и умиротворение. Вдруг раздался

резкий и напористый стук в дверь. Все сразу притихли. Мать подошла, глянула в глазок и обмерла.

- Ой, гестаповцы! - вскрикнула перепугано, - не открывай!

Но Лев подошел и открыл.

Вломилось человек пять – небритые, страшные. На лицах язвы, а изо ртов - гной льется. Быстро схватили братьев и Машу и увели. Осталось их двое. Один без ноги. Сукровица сочится из деревяшки. Другой - с окровавленным подбородком. Нахально сели за стол и стали есть борщ. Лев попытался возмутиться, тогда они схватили его и повели. Он даже и не сопротивлялся. В дверях остановился, взглянул на маму с Пашей. Слезы текли из их глаз – крупные, как горошины. Они катились по щекам, падали на пол и вливались в одну крупную прозрачную лужу.

Утром 22/IX- 43 г. Леонид последний раз взял в опухшие пальцы обрубок гвоздя, вспомнил родного отца Байтмана, примерно в его же возрасте погибшего при защите Мозыря от банд Булак-Балаховича, воспитавшего его отчима Бреннера, и нацарапал предсмертное завещание:

«Наверное, сегодня меня убьют. Иду на смерть за светлое будущее и счастье молодого поколения, которое будет лучше нас. Да здравствует моя дорогая Родина, которая воспитала меня, дала мне высокое звание советского офицера! Верю, победа будет за нами! Мама, ты можешь гордиться своим сыном, ставшим на путь отца-партизана. Живи счастливо! Лев».

Его увели. На этот раз - в вечность!

Поздно вечером сосед по камере, не дождавшись возвращения Леонида, вытащил из щели в стене обрубок гвоздя и дату 22 /IX-43 г. взял в траурную рамку.

И, словно чувствуя случившуюся непоправимую утрату, мстя за гибель отважного патриота-разведчика, в этот день 86-я Гвардейская стрелковая дивизия сломила сопротивление противника и вышла к восточному берегу реки Молочной.

А спустя малое время мощным салютом грянула артиллерийская подготовка, запланированная на 45 минут. Но 4-й отдельный штрафной батальон не удержался и на 23-й минуте пошёл в атаку. Его поддержали гвардейцы. Вместе, опрокидывая изодранную систему инженерных заграждений, с такой яростью кинулись на врага, что враг рванул с Донбасской земли так, что пятки засверкали.

В народе говорят, что в человеческой жизни во всем главное не количество, а качество. Но иной раз качество определить можно только через количество.

Всего три месяца Лев Бреннер проносил форму гестаповца, но за это время ему удалось столько сделать, на что иному не хватит и десятилетия. Энергичный, бесстрашный, волевой, обладающий незаурядным талантом разведчика, беззаветно преданный своему Отечеству, он успел за мизерно короткое время наладить конспиративную связь по всему оккупированному гитлеровцами Донбассу. Он уничтожил ряд заявлений предателей о патриотической деятельности советских граждан, спас в Кадиевке целую партизанскую группу под руководством Кононенко. Доставал фальшивые документы, и многие избежали ареста, а многие - угона в Германию.

Работая в «ГФП-721», он приобщил к своей деятельности ряд лиц из числа советских граждан. С их помощью собрал и передал через свою связь в органы советской военной контрразведки ценные материалы о структуре, кадровых сотрудниках и агентах карательных органов «ГФП-721» и Оберфельдкомендатуры «Донец- 97» - орган, занимающийся подготовкой агентов, посылаемых в советский тыл, сведения о полицейских и немецких пособниках в ряде населенных пунктов Донбасса. В августе 1943 года установил контакт с подпольем и антифашистской группой, руководимой работниками биржи труда города Сталино, Верой Ковалевой и Ольгой Чистюхиной.

В газете «Труд» за 4. 07. 1979 года заместитель председателя комитета Госбезопасности СССР генерал Г.К.Цинев писал о зафронтовых разведчиках:

«Это действительно были яркие и драматические операции. Каждая из них - пример борьбы за победу до последнего дыхания. Трижды уходил на задание за линию фронта разведчик особого отдела Леонид Дубровский. Он проник в фашистский контрразведывательный орган «ГФП- 721» и работал в нем переводчиком, сумел выявить и передать в особый отдел фронта данные о 136 сотрудниках и агентах гитлеровцев».

Для сравнения можно сказать, что в ходе исторической битвы под Москвой военные контрразведчики в зоне боевых действий и в тылу войск Западного фронта обезвредили свыше двухсот агентов. Они все вместе - более двухсот агентов, двадцатитрехлетний лейтенант Лев Бреннер один помог обезвредить -136!

ЭПИЛОГ

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли
с войны.
В том, что из них, кто старше,
кто моложе
Остались там. И не о том же речь,
Что я б их мог, но не сумел сберечь.
Речь не о том. Но все же, все же, все же.*

А. Твардовский

1

С тех пор не одно лето сменилось осенью. Уже и сын Прасковьи Остаповны вырос, стал офицером Советской Армии. Раны войны затянуло мирскими хлопотами о делах насущных. На месте разрушенных в сражениях кварталов и лачуг встали новые дома - благоустроенные и высотные. Восемнадцатикилометровая линия обороны Луганска поросла травой, а где и перепахалась под хлебное поле. Даже города поменяли свои названия. Кадиевка стала Стахановым, а Сталино превратилось в Донецк.

Все течет, все изменяется. И только неизменна боль в груди Прасковьи Остаповны. Нет никакой весточки от Леонида. Обещал: «Окончится война, поженимся», а сам!.. Не хочет она даже и думать, что он погиб. Такой бесстрашный и умный!.. Разве может его взять смерть?

Как-то шла вечером с работы, глянула на луну, а она вся полная и сияющая, как тогда в Малоивановке, а потом в Сталино, когда Леонид вел ее устраивать на ночлег к подпольщице. Заново все перечувствовала, аж голова закружилась. Даже ощутила запах его тела. Почудилось, что в тишине комнаты сгустилась усталая истома от переживаемых восторгов былой страсти. Как будто вот оно!.. Рядом его горячее дыхание... Зовет так настойчиво и понятно. В опьяненной глубине глаз - вспыхивающие магические огоньки.

Ночью плохо спала - никак не могла отделаться от воспоминаний. Утром поспешила на работу пораньше, чтобы еще раз увидеть сияющую луну. Глянула вверх и!.. О, диво! Вместо полной сочной луны - тонюсенькая скобочка блестела на чистом небе.

Господи! Куда же она девалась? Не могла же она так быстро превратиться в месяц, да еще такой невероятно мизерный! - Прасковья Остаповна растерялась и заплакала. Снова глянула сквозь слезы и, о чудо! Преломленная в слезе луна стала полной. Вытерла слезы - опять тонюсенький месяц.

В то утро было затмение луны, но она не знала об этом и все решила по-своему.

Наверное, жив, только его поискать надо. Может, он где-нибудь изувеченный в госпитале лежит... А, может, за границей? Где-то в разведке, и поэтому молчать должен. Нет, попасться в руки гестаповцам он не мог... Он такой, что всегда найдет способ вывернуться.

И все-таки поищу!

Подала во Всесоюзный розыск - глухо! Куда ни обращалась - Дубровских много, но все не те. Даже к следопытам. Но и им приходили ответы примерно такого содержания:

«Дорогие ребята! На ваше письмо сообщаю, что ДУБРОВСКИЙ

Леонид Васильевич был приглашен на беседу в Ленгорвоенкомат, в результате которой установлено, что т. ДУБРОВСКИЙ Л. В. в армии Лелюшенко никогда не служил, немецким языком не владеет и разведчиком не был. Этот человек не тот, который вам нужен, а просто однофамилец. От вас получил два письма, на одно из них он вам ответил, что ничем помочь вам не может».

Ленинградский

горвоенком, генерал-майор Маршаков

От таких ответов на сердце становилось еще горше.

Потом государство обратило внимание на фронтовиков и тех, кто помогал фронту в тылу врага. Пошла Прасковья Остаповна в горком партии, может, удостоверение выдадут. Все-таки какие-никакие, а льготы! Стала рассказывать инспектору о Леониде, но он – крупнолицый, чем-то похожий на Дробилкина, оборвал ее грубо:

В общем, с вами, гражданочка, все ясно. Хватит нам «лапшу» на уши вешать. Вы помогали не советскому разведчику, а немецкому переводчику. Советский разведчик так бы сразу вам не раскрылся.

А куда ему было деваться в тылу врага? Или жить или умереть...- возразила Прасковья Остаповна. - Он был очень отчаянным человеком, проникся ко мне доверием.

Инспектор для видимости послушал ее еще с минуту и посоветовал никуда больше не обращаться, если не хочет, чтоб ее привлекли к ответственности за пособничество фашистам. Сердце еле выдержало такую обиду. Столько натерпеться от полиции, натрястись от страха в гестапо, а теперь получается - и своих надо бояться.

Затаилась, ушла в себя и уехала в Одессу к сыну.

2

Шел 1965 год – год 20-тилетия Победы Советского народа над фашистской Германией. Лето буйствовало в садах. Под тяжестью плодов ломались ветки черешен. В полях властвовал суховей, грозясь, урожай хлебов свести до минимума. А в Луганском Доме техники проходила областная комсомольская конференция, посвященная патриотическому воспитанию молодежи. Много было сказано на ней достойных внимания, пылких, а порой и высокопарных слов. У одних - правда была на языке, а душа - на ладони, у других - всего этого и под микроскопом не разглядишь.

Возможно, осталась бы эта конференция бесплодной, если бы у далеко не комсомольского возраста актрисы областного драматического театра и режиссера Галины Александровны Подвысоцкой, чернявой сердобольной женщины, не екнуло сердце, когда секретарь обкома комсомола взошел на трибуну и сказал, что во время Великой Отечественной войны, кроме Краснодонского подполья, у нас в Луганске действовала комсомольская организация, но, к сожалению, о ней никто ничего не знает. Известны только имена Вити Пятеркина и Нади Фесенко и то понаслышке.

Наш долг заняться поисковой работой, установить имена участников комсомольского подполья в Луганске и воздать должное их подвигу.

Секретарь сошел с трибуны, а на Галину Александровну, как будто с неба, обрушился громкий голос:

«Ты должна узнать их имена!»

Это погибшие через нее вzywали к заслуженному уважению к себе.

Ее охватило волнение, к которому нельзя привыкнуть. Она не столько поняла, сколько почувствовала, что обрела новый смысл жизни - помочь грядущим поколениям приникнуть еще к одному чистому роднику священного подвига.

Узнала Подвысоцкая, что Надя училась в ПТУ № 7. Пошла туда. Комсорг Федя Гержина сказал ей, что еще жива мать Вити Пятеркина. Она может рассказать много интересного, и не только о своем сыне.

И вот Галина Александровна в гостях у Марии Викторовны - восьмидесятилетней старушки с добрыми чертами лица. В глубоких частых морщинах - холодный мрак прошлого. Сидит мать. Волнуется. Не знает, куда руки девать. И приятно ей, что вспомнили о сыне, и совестно от проявленного внимания - непривычно как-то. Самые сердечные слова для нее нашлись... Наброшенный на

плечи шерстяной платок подчеркивает породистую осанку. А в глазах - бездонная печаль плещется:

- ...Когда началась война, старшенького, Колю, в армию призвали. Рая на курсы медсестер заявление подала, - старушка говорит низким, обгоревшим от пережитого голосом. – Закончила, и - на фронт! Семнадцатый годочек ей шел тогда. Я плачу, а Витя: «Не плачь, мама! Наша Рая в гвардейской части служит. Этим гордиться надо. А Коля у нас - танкист!.. Только вот меня не берут фашистов бить!...» Господи,- говорю, - да куда ж тебе фашистов бить! Едва сравнялось пятнадцать!»

Вскорости и фашисты в город вошли. Голод начался. Витя мой неразговорчивым стал. Только в декабре воспрянул духом. Бывало, прибежит домой, чмокнет в щечку, погрызет сухарик - и за гитару, разучивать итальянские и немецкие песни.

С самого мальства я своих детей к музыке приучала. Скопила сорок рублей, пошла на базар. Смотрю, женщина гитару продаёт.

- Сколько стоит?

- Сорок рублей.

- Давай!

Вот радости дома было! После для маскировки Витя на этой самой гитаре итальянскую песню «Мама» играл.

И Коля музыку любил. А Рая и на гитаре, и на пианино играла.

Потом уже я узнала, что он все время, пока немцы в городе хозяйничали, связь держал с партийным подпольем. Его любимая учительница Валентина Платоновна Стеценко задания ему давала, и он их выполнял с честью. Явочная квартира в переулке Красном – 13 была. Ходил по всему городу, всё высматривал. А иной раз и на гитаре по кабакам играл: «Стеньку Разина», «Лили Марлен» и всякое другое, все выслушивал, о чем болтали пьяные офицеры, и производил до дела.

А как наши освободили Луганск, ушел мой Витя добровольцем, и осталась я одна-одинешенька. Письмо получу - и руки дрожат от радости, а распечатать боюсь... Может, из госпиталя, а, может, похоронная...

В мае 1943 года «Ворошиловградская правда» статью напечатала про Витю «Юный разведчик Витя П.» Рая, как прочитала, письмо прислала с фронта: «Теперь мы все трое на фронте и ты, мама, будешь гордиться нами».

Платок с плеча сполз. Мария Викторовна этого не замечает, теребит в подоле его концы и продолжает уже совсем осевшим голосом:

Собралась я как-то в село за картошкой, а мне навстречу соседка: «Беги скорей на 3-й километр! В госпиталь Витю твоего привезли раненого!».

Не помню, как добежала. Вижу, несут на носилках моего сыночка. Я рвусь к нему, а меня не пускают - без сознания он. Доктор говорит:

- Вы - счастливая мать, что такого сына вырастили. Разведчик он. Фашистская пуля ранила его тяжело, он истекал кровью, но полз, чтоб сведения очень ценные доставить. За это вашего сына к высшей награде представили «Партизан Отечественной войны!».

А меня слезы душат, слова вымолвить не могу.

Сделал ему профессор операцию. Десять дней Витя одну воду пил. Потом говорил с гордостью: «Видишь, мам, какими бинтами я перевязан - шелковыми! Это не какой-нибудь аппендицит - настоящее боевое ранение!» Выздоровел. Худенький,

слабый, только три денька и побыл дома. На войну очень спешил. А через несколько дней после его отъезда получила извещение, что погиб. В Спиваковке, в братской могиле лежит, в плащ-палатку завернутый. Валентина Платоновна привезла мне с могилы горсточку земли. Сама я на похороны не ездила - ноги отняло.

26 июня 1943, года не стало Вити, а в сентябре приносят письмо... Вижу номер полевой почты Раин, только почерк не ее. Оборвалось у меня сердце - убита! Разорвала конверт:

«Ваша дочь скончалась от ран в Краматорском госпитале семнадцатого сентября». Застыло во мне все... Сердце будто остановилось. И плакать уже не могу, дали мне в обкоме партии сопровождающего, поехала Раечку хоронить. Сиделка рассказывала: тяжело умирала...- Четыре дня. В позвоночник у нее ранение было, как и у Вити.

Вернулась домой, думаю, хоть Коля живым должен остаться, внуками меня на старости лет порадовать. Письмо прислал: «Я пулей мщу за смерть Виктора и Раи. Скоро фашистов прогоним, вернусь, мамочка, домой!..»

Не дождалась. Двадцать восьмого декабря погиб и мой старшенький. В Латвии похоронен. Все - в один год!..

Голос Марии Викторовны споткнулся. На иступлённо горящие глаза набежали слёзы. Удушье стало давить горло.

- А с кем же Витя в разведку ходил? Неужели сам?.. За линию фронта? - спросила Галина Александровна, желая отвлечь старушку от тяжких воспоминаний.

- С лейтенантом Дубровским. И тот пропал без вести. Связные его из Малоивановки - сестры Евдокия и Паша, долго разыскивали - и все напрасно. Столько о нем удивительного понарасказывали!..

- Вы сказали «из Малоивановки»? - заинтересованно спросила Под-высоцкая.

- Сейчас Евдокия живет в Дебальцево, а Паша - не знаю где. Можете съездить к Евдокии Остаповне, она радушная, обрадуется. Узнает, что интересуетесь моим Витей и Дубровским, сразу зауважает. Курицу зарубит в честь такого желанного гостя, и даже бутылку на стол поставит.

...Они встретились на квартире у Галины Александровны: мать Вити Пятеркина и Евдокия Остаповна Самарская.

- Так вот вы какая! - Подвысоцкая обняла гостю. - А я вас представляла совсем другой - высокой и не такой стеснительной. Вас можно поздравить с наградой - медалью «За боевые заслуги». У вас теперь есть слава.

- Слава портэ людину, якщо своя, а чужа - зовсим губэ. Мэнэ можно поздравить, токо вот з Пашой морочють голову. Медаль дали, а удостоверение нэ дали, кудысь подилось. А бэз нього нияких льгот. Обидно сэстри - страдалы ж разом.

- Найдут и вручат, - успокоила ее Мария Викторовна. Подошла к окну, чуть отодвинула занавеску и ахнула. - Боже ж ты мой – все, как на ладони!

- Что там такое?

- Да так, ничего. Просто оккупация вспомнилась. Сейчас это площадь Великой Отечественной войны называется, а раньше - Базарной была. В сорок третьем, когда наши вошли в Луганск, сразу пекарни заработали. Три дня хлеб выдавали людям бесплатно. И - военный трибунал тоже ушёл в дела. Вон, возле той акации кривобокой, виселицы стояли, предателей принародно на них повесили. Крайний

висельник Юлю Швыдкову палачам сдал. Так мать, вся в слезах и ярости, готова была его растерзать. Грязь под ним руками гребла и бросала ему в морду. Земля наполовину мерзлая, грязи получалось мало, она ногти себе до крови содрала, а ему хоть бы что! Носки сапог того ирода чуть ли не зубами грызла.

- Что ж, ненависть чести не товарищ, - сказала Галина Александровна, вздыхая. - Кому-кому, а матерям от войны больше всего досталось. На одном из свиданий в итальянском гестапо Галя Серикова попросила свою мать – Ольгу Назаровну, принести ей яд – мать отказала, а потом жалела: «Лучше бы я ей дала его, чтобы она так не мучилась!» - говорила бедная старушка при встрече. У Швыдковой и Сериковой - одно горе, а у матери Виктора Третьякевича, например, - два было горя. И сына лишилась, и клеветой обросла. Всяк смотрел на нее с осуждением. Виктор мучений больше всех принял, первым в пропасть шурфа шагнул, хотел и эсэсовца прихватить, а вот, видите, как все против него повернулось. Мать по ночам выплакаться ходила к братской могиле, чтоб никто не увидел и не накричал, как на последнюю... Все с Виктором получилось не по-людски как-то. В публикациях военного времени о нем писали. Был и в первых списках подпольной организации, и в списке замученных, извлеченных из шурфа молодогвардейцев. В признаниях предатель Почепцов следователю перечислил всех, кого он выдал полиции. После него и выдавать уже было некого. Но прошло совсем немного времени - и имя подлинного предателя ушло в тень, а подлинного героя превратили в самого, что ни на есть, отъявленного изменника.

- Ничего тут удивительного нэма. Нас с Пашой тожэ обвынылы в пособничестве фашистам. Хорошо, шо Витя в госпитали рассказав Потапову, як дило було, та якбы нэ вмишався Стеценко.. А за Третьякевича хто заступыцца? Все мэртви. Время прошло. Багато чого забулося. Каждый, хто понаглей, на свий лад соби в угоду и огород городэ.

- Вот именно, кто побессовестней - на свой лад! - с запальчивостью поддержала Евдокию Остаповну Подвысоцкая. - Недавно написала я очерк о Наде Фесенко, в котором было сказано, что она вместе с Виктором Третьякевичем вошла в оккупированный Ворошиловград под видом мешочницы, а в корзине у нее прикрытая виноградными листьями была взрывчатка. Вместе с Виктором они взорвали хлебозавод № 2, в нем находился склад боеприпасов. В редакции случайно не вычеркнули фамилию Виктора, я обрадовалась, но когда пришла к редактору пожаловаться на то, что изменили название очерка - вместо «Живая в памяти живых» назвали «Дочь народа», так редактор на меня, как зверь, набросился за Третьякевича:

- Как вы посмели, - орал он, - вспоминать это злостное имя! Я вас гонорара лишу!

- Я этот очерк написала не ради гонорара, - бросила ему в лицо и хлопнула дверью.

- Получается, имя Виктора Третьякевича - злостное! Значит, «Комсомолка» за 1959 год лгала, когда писала: «Представ перед Советским судом за свои злодеяния, гестаповские палачи признались, что Виктор подвергался особенно диким истязаниям, особенно мучительным пыткам. Ему выкручивали пальцы, жгли каленым железом, били плетью, скрученным вдвое телефонным шнуром... Когда Виктора подвели к шурфу, он еще нашел в себе силы, чтобы броситься на стоявшего

рядом эсэсовца. Перепуганные гестаповцы не успели даже выстрелить в него - живым столкнули в восьмидесятиметровый колодец.

По решению бюро Ворошиловградского обкома комсомола он был оставлен в тылу врага для организации подпольной работы среди молодежи.

Люба Шевцова из Краснодона приходила в Ворошиловград на явочную квартиру с целью наладить связь с центром.

Так случилось, что за несколько дней до разгрома партизанского отряда Иван Михайлович Яковенко отправил Виктора Третьякевича в Краснодон для налаживания этой связи.

Ясно, редактор шкуру свою спасал. Ведь, несмотря на то, что в 1960 году Президиум Верховного Совета СССР издал Указ о награждении Виктора Третьякевича орденом «Великой Отечественной войны I степени» (уже он и почетное место занял в Краснодонском музее), но верхи обкома запретили упоминать его имя. Видите ли, оно наносит вред идейному воспитанию молодежи. Портрет Виктора быстро убрали. Зато на стендах появилось имя новоявленного «партийного подпольщика» - первого секретаря обкома В. Шевченко.

Что ж, гулять, так гулять!..

Галина Александровна откашлялась, окинула взглядом комнату, заполненную искрящимися лучами солнца, добавила:

- Надо сказать, подпольный обком комсомола успешно налаживал связи с молодёжью оккупированных районов области. Секретарь комсомольской организации Ивановского района, сейчас это Красный Луч, Олейников Николай Антонович встречался со связниками и отработывал план дальнейшего совместного действия, но наша степная зона мало пригодна для партизанской войны. В конце 1942 года полицейские и жандармы оцепили отряд в распадке, не многим удалось выйти из окружения. Сам Николай Олейников, раненный в живот и в обе ноги, вместе с добровольно оставшимися прикрывать отход отряда Володей Безгинским и Серёжей Ермоленко – парням по семнадцать лет – долго удерживали отход противника. Все трое героически пали. Спазмы сжимали горло, когда слушала рассказ Анны Яковлевны - матери Николая Олейникова:

«Трупы партизан на брничках были привезены во двор немецкой комендатуры. Вокруг – часовых поставили. Подойдя к забору, я прильнула щекой к узкой щели и увидела во дворе на брничке небрежно сложенные обезображенные человеческие фигуры. Лица – распухшие и окровавленные, распознать было очень трудно. Один из трупов был одет в серую шинель, лежал без головного убора. Я почувствовала, что это мой сын, рванулась к нему, но полиция не пустила. Рядом с братом лежала и младшенькая – Аня...

В помещении этой комендатуры находилась и моя дочь Варя. Проходя мимо подвального окошка, я увидела знакомое лицо женщины, прильнувшей к стеклу окна. Лицо было старое, волосы не причёсаны, порванное платье спускалось с плеч. Я с трудом узнала в ней свою родную дочь Варю.

Когда поздно вечером вернулась домой, от сильного нервного перенапряжения меня парализовало.

Ночью в строгой тайне трупы ребят полиция вывезла и сбросила в противотанковый ров, кое-как землёй присыпав.

Перед тем, как погибнуть Николай говорил мне:

«Мама, если я не вернусь, знай, что я честно пал за мою любимую Родину, за великое дело! – Накипь прошлого хищно сдаила горло, но Галина Александровна смогла продолжить. – Судьба Анне Яковлевне Олейниковой досталась такой же горькой, как и вам, Мария Викторовна, и матери льва Бреннера. Льва Бреннера. Оккупанты убили её сына Колю, дочерей Варю и Аню, угнали в Германию и третью дочь – Марусю, хату разрушили, да и над самой вволю наиздевались в тюрьме».

Женщины пили чай, вспоминали прошлое, вытирали со щёк текущие ручьями слёзы, возмущались вопиющей несправедливостью, но тогда никому и в голову не могло прийти, что наступит время - и не один Третьякевич окажется предателем, а все члены «Молодой гвардии» превратятся в изгоев, кое-кто даже вообще поставит под сомнение их существование. И надо будет иметь мужество, чтобы выступить на митинге, посвященном 55-й годовщине «Молодой гвардии», и сказать добрые слова в адрес тех ребят, которые оказались крепче духом, чем некоторые бывалые генералы. Помню, как накануне юбилея мне позвонил брат молодогвардейки Нины Иванцовой Ким:

- Андрей, завтра в сквере ВЛКС будет митинг, посвящённый юбилею создания организации «Молодая гвардия», кому ни позвоню – отмазываются приходите под разными предлогами, ты как?

- Приду! – не задумываясь ответил я. – Дело – святое. Плюс к тому, я же и лауреат областной премии им. «Молодой гвардии».

Пришёл. Собралась людей – горстка. Из администрации никого! Один корреспондент из газеты «Молодогвардеец» и тот весь перепуганный. Выступили всего три человека: Ким, я и ещё кто-то из пожилых.

После митинга подошёл ко мне горе-корреспондент и сходу с претензией:

- И ты за молодогвардейцев! Это же туфта, вчерашний день. Что ты за поэт, если не идёшь в ногу со временем... Демократию не поддерживаешь... Какая из тебя элита! Вот мы!..

- Вы – дерьмо на палочке, ответил я. – Элита жертвует собой ради Отечества, как молодогвардейцы...

Демократия... Зачем она, если обеливает преступников и таким образом пресекает у нашего народа дорогу к подвигу, если убивает сострадание не только к погибшим героически детям, но и к материнству в целом. А ведь сострадание – это Закон вечности, Закон вечной любви.

Вспомнилось, как до перестройки, ещё при Советской власти, я готовил литературную страницу в газету. Этот корреспондент был зам. редактора, обнаружил в моих стихах «крамолинку». Как заорал:

- Это же против Советской власти! – И в ярости вёрстку швырнул на пол.

Конечно, демократия здесь не причём, журналист нос по ветру держал. Просто прошли слухи, что перед этим по телевидению у президента Украины корреспондент спросил, как он относится к организации «Молодая гвардия»?

«Я такой организации не знаю», ответил тот. Вот областные чиновники и нырнули на всякий случай в кусты.

Незаметно разговор перешел на пропавшего без вести Леонида Дубровского.

Евдокия Остаповна рассказала, как до него прятала с сестрой у себя в сарае секретаря горкома комсомола Миру Наумовну Рабинович, как после войны она приезжала в Малоивановку их отблагодарить, как дядя Миры – прокурор - долго не верил, какими судьбами она в живых осталась.

«Чтобы украинцы стали еврея спасать! - удивлялся он. - Да такого не может быть!».

- А хиба еврэй нэ людына, жить нэ хочэ? А прыдатели булы у всих нациях! - утверждала Евдокия Остаповна, - хто нэ був в оккупации, тому трудно, повірыть, шо люды можуть так сострадать чужому горю.

Да, какое это прекрасное качество - сопереживать и сострадать чужому горю! Сегодня оно почти уничтожено страстью обогащения и наживы.

Самарская продолжительно закашлялась, с Марии Викторовны перевела взгляд на Подвысоцкую:

- Спасибо вам, Галына Олександривна, дорогая, шо заинтересовалысь Дубровськым. Вин був человеком большой души. Спасибо, шо Марию Викторовну одну нэ оставляетэ. Чуть шо - всэ пэрэд глазами встае: як в Сталино його побачила, як вин мэни письмо отпечатав в сельуправу, шоб нас напрасно нэ трогалы. Жалко Леню. Ни слуху нэма, ни духу!

Галина Александровна встала. Заходила по комнате. По сосредоточенному выражению лица можно было догадаться, какие захватили ее мысли.

- А что, если нам сейчас Потапова пригласить? Он же отправлял Леонида с Витей за линию фронта. Он больше знает о нем, чем мы. Ну, например, откуда он родом, где родители его живут?

- Я его однажды расспрашивала дотошно о Леониде, но он ничего конкретного не сказал, - удрученно пожала плечами Мария Викторовна.

- И все-таки, давайте возьмем чекушку и пригласим. Выпьет, разговорится, - настаивала на своем Подвысоцкая, - он здесь рядом, работает в обкоме партии. Как раз у них перерыв скоро.

Позвонили.

Потапов пришел сразу. Кряжистый, пронизательный, скрытный, он, не стесняясь, вылил содержимое чекушки в стакан. За два приема опустошил. Молча выслушал разволновавшихся женщин и неожиданно вдруг сказал:

- Куда бы вы, милые мои девочки, ни писали, а Дубровского все равно вам не найти!

- Почему? - женщины с возмущением вскрикнули в один голос.

- Потому что подлинная его фамилия Бреннер... Лев Моисеевич! И родители его проживают в Москве. Вот так! Если отыщете их, обязательно позвоните. Я до сих пор мучаюсь тем, что не выполнил просьбу лейтенанта Бреннера. - Поднялся с какой-то хозяйственной озабоченностью и серьезностью. – Ну, мне пора. К сожалению, время моего обеда заканчивается.

Встал. Откланялся. Пожелал успеха и ушел, оставив озадаченными неудачливых следопыток.

- Оцэ так новость! - У Евдокии Остаповны от неожиданности выступила на лбу испарина.

Наплыв ощущений был таким сильным, что женщины окунулись в новый мир воображения и почувствовали, как в их сердцах бурно забил родник настоящей живой надежды.

3

Все течет, и все завершается. И большое счастье, если оно несет в себе радость жизнеутверждения и любви.

Можно и в эту, последнюю главу нашего повествования, внести цементирующие детали вымысла, чтобы придать произведению стройную завершенность. Но в данном случае это прекрасно сделают за меня сами героини своими простыми, обжигающими душу письмами. А читатель пусть делает из них свои выводы.

Е. О. Самарская - Г. А. Подвысоцкой

...Галина Александровна, у меня большая радость!

Адресное бюро города Москвы прислало мне адрес Раисы Наумовны - матери Леонида Дубровского. Я написала ей. Она сразу ответила, пригласила приехать. Муж мой не возражал, и я поехала.

Не могу передать вам, какая была встреча! Как мы плакали, а она все просила и просила меня рассказывать о сыне. Спать уложила меня на Левину подушку и одеялом его укрыла, как самую дорогую гостью. Раиса Наумовна подарила мне чернильницу Левы. Она сейчас вместе с портретом находится в Дебальцевском музее. Сколько жить буду, не забуду отважного разведчика Льва Дубровского и его связного Витю!

...Наконец-то и Паше вручили удостоверение к медали «За боевые заслуги».

Я никогда не думала, что так высоко в конце концов, будет оценена властями наша работа!

2/2 1968 года.

Р. Н. Бреннер - Е. О. Самарской

Родненькая моя Евдокия Остаповна!

Получила письмо и карточки Ваши и не могу наглядеться на Вас, ведь Вы не только знали моего сына, но и помогали ему. Сердце мое обливается кровью. У меня больше нет сил бороться с собой. Вы и мать Виктора постоянно в моих глазах, из головы не выходите ни днем, ни ночью.

Евдокия Остаповна, очень прошу Вас, напишите мне подробнее о моем Левушке. Я себя чувствую очень плохо, а то бы с Вашего разрешения я к Вам сама примчалась. Если сможете, то приезжайте поскорее. Вы даже не представляете, как я обрадуюсь.

Матери Вити легче потому, что она бывает у сына на могилке, а моего растерзали и неизвестно куда выбросили. Мое сокровище, на которое я не налюбовалась. Сердце мое как будто чувствовало, что рано я его потеряю. Бывало, задержится в институте, а я себе места не нахожу. Вернется, прильнет ко мне и

рассказывает, что он был занят по важным делам и задержался. А сейчас только фотокарточки из его альбома со мной говорят.

Дорогая моя, не могу описать своего горя в письме и всем о нем тоже не расскажу, сына ничем уже не вернуть.

Я хочу о нем все-все знать!

Ваше письмо я постоянно перечитываю и берегу, как святейшую драгоценность.

Высылаю Вам фотокарточку Левушки моего. Очень прошу Вас, не теряйте со мной связи. Мой адрес: Москва, ул. Серпуховская, д.46, кв. , 92, Бреннер Раисе Наумовне.

Р. Н. Бреннер - Е. О. Самарской

Уважаемая Евдокия Остаповна, Ваши все письма я получила. Не сердитесь, что я Вам тут же не ответила. Я себя чувствую очень плохо, но стараюсь перебороть болезни. Мне все хочется больше и больше узнать о моем Лева. Я никак не могу понять, кто ему поменял имя и фамилию? Мне кажется, что сам он этого бы никогда не сделал. Я понимаю, что точнее ваших и Потапова сведений мне никто не даст. Но мне хочется восстановить его настоящее имя, отчество и фамилию. Владимир Иванович очень занят своими делами и мне неудобно его тревожить. А без него о настоящем имени сына со мной и говорить не станут. Я собираюсь написать ему письмо и послать фотографию Левы и матери Виктора тоже. Я все жду Вашего приезда. А сама приехать не смогу - здоровье совсем упало.

Я еще получила письмо из Луганска от Подвысоцкой Галины Александровны. Она у меня спрашивает, каким был Лева и где учился, и где родился и когда ушел в армию. Я еще ей не ответила. Мне так нелегко вспоминать о его прошлом, мое безутешное горе мешает мне сосредоточиться.

В письме Вы спрашиваете, получаю ли я пенсию?

Да, я получаю за Леву 39 рублей и 93 копейки.

Дорогая моя Евдокия Остаповна, в письме всего не расскажешь. Хвалить моих детей я не могу, у всех матерей дети хорошие. В школе они занимались с детьми отстающими, только бы их товарищи не оставались на второй год. Мои дети росли в тяжелых материальных условиях, мне приходилось много работать. Писать о них можно много, а в душе пусто и горе мое большое гнетет меня. Лева называл меня: «Ты наша родненькая и к тому же подруга верная. Мы гордимся тобой, наша любимая мамочка!». Думала, хоть один вернется, но судьба у меня злая и я потеряла имя матери.

Первое время после войны ко мне приходили его товарищи по классу, а потом все забылось.

Лева был офицером, а остальные - рядовые солдаты. Боре было шестнадцать, а Наума призвали в девятнадцать лет. Все они любили книги и много читали. В Москве я живу с 1926 года. Вот вкратце и все. Горем своим никого не удивишь, так как его и без моего у каждого очень много.

Евдокия Остаповна, я не теряю надежды на Вас и на Владимира Ивановича Потапова в том, что вы мне поможете восстановить подлинное имя и подвиг Левы.

Поздравляю Вас с наступающим Новым 1968 годом! От всего сердца желаю Вам и Вашим родственникам здоровья, счастья! Очень жду Вас к себе в гости!
Ваша Раиса Наумовна.

В.И.Потапов - Р. Н. Бреннер

Уважаемые Раиса Наумовна и отец Леонида!

В грозные годы войны я встречался с вашим сыном. С того времени прошло почти четверть века. Многие детали стерлись в моей памяти, но многое и осталось.

Я запомнил вашего сына высоким, худощавым, черноволосым. В его чертах лица была чувственная духовная мощь и огромная нравственная высота.

О деятельности его и Вити Пятеркина я рассказал в очерке «Подвиг разведчика» в областной молодежной газете «Молодогвардеец». Как вы видите, в очерке ваш сын назван Дубровским, потому что я не имел права называть его настоящую фамилию. Хотя и прошло двадцать пять лет!

Каких-либо документов Леонида у меня нет. Но его слова: «Я сделаю все, что в моих силах для победы над врагом» я запомнил на всю жизнь. Его просьбу по возможности передать горячий привет матери и отцу, когда он уходил за линию фронта, выполняю через четверть века.

Выражаю вам глубокое сочувствие в связи с гибелью Льва Моисеевича Бреннера - вашего сына, моего однополчанина-товарища. Благодарю за воспитание патриота нашей Родины.

С глубоким уважением, В. Потапов.
20/12 1967 г.

Б. М. Пальчик Г. А. Подвысоцкой

Здравствуйте, Галина Александровна!

Я прочел Ваше письмо от 20/2 - 80 г., которое Вы прислали Раисе Наумовне Бреннер в Москву, и решил вас поблагодарить за теплоту и внимание, которое Вы оказываете этой несчастной старушке. Я - офицер в отставке, участник ВОВ и войны с Японией. Являюсь членом комитета содействия ветеранам при Советском райвоенкомате г. Москвы.

Примерно месяц тому назад я случайно узнал, что в нашей Чертановке живет одинокая, больная старушка, получающая по линии военкомата пенсию за сына-офицера, пропавшего без вести в 1943, году в размере 39 руб. 93 коп. и решил навестить Раису Наумовну.

Когда я увидел ее, восьмидесятипятилетнюю, тяжелобольную и изможденную, у которой в годы войны погибло три сына, у меня заболело сердце.

Я ознакомился с имеющимися у Раисы Наумовны документами, прочел копию статьи в газете «Молодогвардеец» и статью «Это было в Малоивановке», а также центральную газету «Труд», где была опубликована статья заместителя председателя комитета госбезопасности СССР генерала армии Цинева Г. К. «Армейские чекисты», в которой говорится о старшем сыне Раисы Наумовны. Мне стало ясно, что он не обычный герой Великой Отечественной войны. Мне стало обидно за то, что человек,

погибший такой героической смертью, незаслуженно забыт, а мать его за всех погибших сыновей получает мизерную пенсию.

Я ходил в 236 школу, в которой учился Лев Бреннер, и предложил дирекции открыть музей или хотя бы стенд, посвященный отважному разведчику, их ученику. На что мне ответили: «Что он за разведчик, если у него нет ни одной награды?»

Мы принимаем здесь необходимые меры. Направили заявление генералу армии Циневу с просьбой назначить старушке пенсию за сына- офицера, погибшего в тылу врага, а не как за пропавшего без вести.

Что касается награждения Л.М.Бреннера (посмертно), то мы тут считаем, что нужно обстоятельно и аргументировано написать лично Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Ильичу Брежневу.

Буду Вам очень признателен, если Вы нам тоже в этом поможете.

С уважением Б. Пальчик

15/4 - 80 г.

Заместителю председателя комитета Государственной безопасности Совета Министров СССР генералу армии Циневу Г. К.

Подвысоцкая Г. А.

По профессии я актриса. В годы Великой Отечественной войны работала в прифронтовом театре. Сейчас - режиссер народного театра. Вот уже несколько лет собираю материалы о Ворошиловградском комсомольском подполье времен ВОВ, пишу о мужестве ребят очерки.

Меня глубоко волнует и судьба Советского разведчика Леонида Дубровского. Настоящая его фамилия - Бреннер Лев Моисеевич. Я много знаю о нем и о его героической жизни от очевидцев. Когда прочла в газете «Труд» Вашу статью «Армейские чекисты», решила высказать Вам свою просьбу. На мой взгляд, он заслуживает представления к правительственной награде посмертно. Я считаю, что имя и подвиг его должны работать на укрепление патриотического воспитания нашей молодежи. А он все числится у нас без вести пропавшим и никто не знает его подлинного имени!

Я заранее благодарю Вас за чуткое внимание к этому человеку.

С уважением, Г. А. Подвысоцкая.

5/6 - 80 г.

Заместителю председателя комитета Государственной безопасности Совета Министров СССР генералу армии Циневу Г. К. от Бреннер Раисы Наумовны, матери разведчика особого отдела 3-й ударной Армии Бреннера Льва Моисеевича, он же Дубровский Леонид

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мне 85 лет и состояние моего здоровья настолько плохое, что я не в силах добраться, чтобы попасть к Вам на прием.

Мой сын, офицер Бреннер Лев Моисеевич, он же Дубровский Леонид, 1920 года рождения, армейский чекист, выполняя особое задание командования, погиб в тылу врага в сентябре 1943 года.

В Великой Отечественной войне принимали участие и погибли еще два моих сына: Бреннер Наум Моисеевич, 1922 года рождения, и Бреннер Борис Моисеевич, 1924 года рождения. Муж умер в 1975 году.

Я осталась совершенно одинокой, без материальной помощи. Получаемая мною пенсия по линии МО СССР составляет, 39 руб. 93 коп., которую я получаю за старшего сына, пропавшего без вести.

Я проживаю в малогабаритной кооперативной квартире площадью 27 кв. метров, за которую плачу 29 руб. 57 коп. в месяц.

Никаких льгот, как мать трех сыновей, погибших на фронте, не получаю.

Учитывая мое тяжелое материальное положение, убедительно прошу Вас изыскать возможность и установить мне пенсию за сына-офицера и разведчика, погибшего в годы Великой Отечественной войны при выполнении особых заданий в тылу врага.

Бреннер Р. Н.

г. Москва 27 марта 1980г.

Б. М. Пальчик Г. А. Подвысоцкой

Здравствуйте, Галина Александровна!

14-го июня я Вам отправил свое письмо. Одновременно написал

С. Е. Стеценко и В. И. Потапову. На днях после долгого отсутствия я вернулся в Москву, и дома меня ожидало письмо Стеценко. Степан Емельянович поддержал мою инициативу и направил мое письмо со своим ходатайством т. Циневу. Ваше письмо, отправленное Циневу, получено. Об этом мне сказал тов. Белорус В., с которым я в конце июля сего года имел встречу на квартире у Раисы Наумовны. Таким образом, по вопросу награждения (посмертно) Леонида Дубровского у т. Цинева на рассмотрении находятся сейчас три просьбы: письмо Стеценко, Ваше и мое ходатайство от имени комитета содействия райвоенкомата.

Обращаться по этому вопросу больше некуда. Будем терпеливо ждать решения т. Цинева.

С глубоким уважением к Вам, Б. Пальчик.

Москва 7/9-80 г.

Б. М. Пальчик - Г. А. Подвысоцкой

Дорогая Галина Александровна!

Я настолько потрясен неожиданной смертью Раисы Наумовны, что не знаю, с чего начать. Умерла она в прошлый четверг, 30/10-80 г., а похороны состоялись первого ноября. 29 октября я разговаривал с ней по телефону, голос у нее был довольно бодрый - и вот!..

Сотрудник КГБ Белорус В. Г. сказал, что вопрос об установлении Раисе Наумовне пенсии в размере 70 рублей был решен, но, к сожалению, это решение ее не застало в живых. Что касается вопроса о посмертном награждении, то он пока

решаться не будет. Такие представления к правительственным наградам сейчас не практикуются, их приурочивают только к знаменательным датам. Представитель нашего Комитета содействия звонил Белорусу и получил примерно тот же ответ, что и я.

Что предпринять дальше, не знаю.

Для размышления привожу дословно выдержку из очерка генерал- лейтенанта Н. А. Душина, напечатанного в книге «Военные контрразведчики» под редакцией Г. К. Цинева. Вот что сказано в этом очерке о Леониде Дубровском:

«Не вернулся со своего третьего задания зафронтной разведчик особого отдела третьей ударной армии Леонид Дубровский.

Ему удалось собрать и передать в особый отдел фронта данные о 136 сотрудниках и агентах фашистского карательного органа «ГФП- 721» и гестапо...

... О преданности Советской Родине, стойкости и мужестве Дубровского свидетельствует тот факт, что, попав в руки противника, он предпочел смерть и был расстрелян фашистами, но не выдал врагу известные ему важные сведения...»

Как можно после такой высокой оценки деятельности Леонида Дубровского все материалы, документы, просьбы о его посмертном награждении положить под сукно?

Б. М. Пальчик

5 декабря 1980 г.

Б. М. Пальчик - Г. А. Подвысоцкой

...Отвечаю на Ваше последнее письмо, которое получил несколько дней тому назад. Спасибо за добрые пожелания.

После выписки из больницы я больше двух недель был неживой, передвигался с трудом. Сейчас чувствую себя лучше и включаюсь в общественную работу.

Я твердо убедился, что и в 861-й школе создать музей (уголок), посвященный Леониду Дубровскому, не удастся. Новая директорша, мягко говоря, очень хорошая антисемитка.

Посоветовавшись с товарищами, мы решили создать уголок в 556-й школе. Эта школа новая. Построена она два года назад и находится недалеко от дома, где жила покойная Раиса Наумовна. Вчера мы имели встречу с директором этой школы Геннадием Сергеевичем Яковлевым. Человек он молодой, энергичный, отнесся к нам, ветеранам, благожелательно и дал согласие на создание в школе Уголка. Постараемся открыть его ко Дню Победы.

...Удалось через адресное бюро разыскать Марию Ефимовну Левину - ту Левину, которой посвящен дневник Леонида. Она оказалась очень милой и интересной женщиной. Муж у нее - доктор технических наук. Ей примерно 62 года. На пенсии, вся погружена в заботу о своих внуках.

Б. М. Пальчик

6 апреля 1983 года.

Дорогая Галочка!

Седьмого мая я ездила по приглашению Б.М. Пальчика на открытие музея (Уголка) Леонида Дубровского. Присутствовало много гостей. Из родных - племянница Раисы Наумовны Соня и ее родственницы помоложе. Зал был

празднично убран. В президиуме сидели представительные люди, принимавшие участие в создании музея. Выступал начальник военкомата и подполковник Шарапов, который вел работу по проверке данных о Бреннере. Пальчик обстоятельно осветил всю хронологию событий. Благодарил за огромную помощь тебя.

Был Аганин. Его представили, как легендарного героя, который сам из разведчиков.

Все прошло очень хорошо, торжественно. В конце было предложено почтить память Льва Бреннера минутой молчания.

...Шарапов выказал удивление, почему музей открыт Дубровскому, а не Льву Бреннеру? На что начальник военкомата пообещал это каким-то образом исправить.

Будь здорова! Твоя подруга Лиза.

10 май, 1983 года.

П. О. Линник - Г. А. Подвысоцкой.

..Узнала от Дуси, что Леня погиб в гестаповском застенке в Днепропетровске. Всю ночь проревела, не могла уснуть, все вспоминала до крохотных мелочей... Ах, как здорово было бы, если б он остался живой!

Обнимаю Вас. Целую.

Паша. Одесса. 1 декабрь, 1981 г.

С сообщением сестры последняя ниточка надежды, переросшей в иллюзию, у Прасковьи Остаповны оборвалась. Она заболела, вся высохла и умерла, так и не выйдя замуж.

Герои не умирают *Из газетной статьи*

...В Ворошиловградской школе № 7 юные ленинцы оформляют большой красный альбом «50 пионерских лет», в котором помещены фотографии, письма, воспоминания первых пионеров.

В нём страница за страницей раскрывается летопись пионерской организации школы. Больше всего ребята гордятся своими героями, участниками Великой Отечественной войны Виктором Пятёркиным, Виктором Третьякевичем, Юрием Алесенцевым.

Давно собирают материалы о своих славных предшественниках. На одном из собраний дружины было принято решение: «К знаменательному юбилею – 50-летия Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина на фасаде школы открыть мемориальную доску В. Пятёркину, В. Третьякевичу, Ю. Алесенцеву».

Этой цели стали подчинены все дела юных ленинцев.

Часто в школе можно увидеть невысокую седовласую женщину. Это мать Вити Пятёркина – Мария Викторовна. Она приходит к пионерам, словно к своим детям, ведь когда-то таким был и её сын, так же, как и они, входил в класс, знал каждый уголок школы. Четырнадцатилетним мальчишкой в грозные для страны дни стал он связным Луганского подполья.

... Неожиданное объявление появилось в коридоре школы:

«12 марта состоится премьера спектакля «Наш Витя». Приглашаются все участники школы!»

Пионеры 5-Б класса.

В день премьеры зал был заполнен полностью. В первом ряду – мать пионера-героя. С волнением смотрит она на сцену, где оживают так знакомые ей страницы прошлого.

Сценарий спектакля написали сами пятиклассники вместе с классным руководителем Ниной Ивановной Цемой.

Имя Вити Пятёркина навечно занесено в список пионерской организации школы.

Все ребята активно борются за право носить его имя. В этом году победителем стал 4-В класс. Класс украшает портрет героя, где «Красный уголок» рассказывает о его жизни и подвиге.

Гордостью четвероклассников стала парта, на которой чётко выписаны слова: «Парта В. Пятёркина».

Радость в 4-й – В пришла вместе с юбилеем. 18 мая на торжественной линейке решением Совета дружины отряду было присвоено имя Виктора Пятёркина.

Вскоре возле входа в школу появится и мемориальная доска, посвящённая бывшим воспитанникам – героям Великой Отечественной войны Виктору Пятёркину, Виктору Третьякевичу, Юрию Алексеенцеву.

Июнь 1972 год.

Листовка подпольного обкома комсомола

Дорогие товарищи Ворошиловградцы!

Орудийная канонада приближается. Враг под ударами Красной Армии отступает!

По приказу немецкого командования с города должны увести 15 тысяч человек трудоспособного населения на каторжный труд, на верную смерть.

Укрывайтесь, не попадайтесь в руки немцев и их прислужников! Уйти с немцами равносильно гибели. Кроме каторжного труда и голодной смерти ничего они не дадут!

Из нелегальных записок из тюрьмы Гали Сериковой

...Вова и Дуся прошли благополучно. Надя сидит со мной. Барахло дома попрячьте. Нади маме за неё не говорите. Скажите Тосе её вещи пусть попрячут. Крепитесь. Фронт быстро продвигается вперёд...

На вещи, которые вам передадут, смотрите внимательнее... Надя лежит сильно больная.

...Дорогая мамулечка и все родненькие. Большое спасибо. Только я не голодна. Мы с бабусей едим очень хорошо. 2 раза в неделю вполне достаточно, не надоедай людям и не утрачайся, корми лучше Лялю и Тонечку и сами ешьте. Хлеба у меня очень много. Днями, вероятно, приду домой. Целую крепко. Привет от бабуси. Спасибо. Не волнуйся. Как твоё здоровье, Галя.

... Здравствуй дорогая моя мамуся, Ленуся и дорогие детки. Чувсивую себя ничего. Допроса нет. Очень жалею, что взяла фуфайку с собой, если бы она была дома, то и папочка был бы одет. Передаю фуфайку и в кармане блузка, расчёска и носовой платок. Это вещи, которые мне не нужны, особенно фуфайка, укрываться есть одеяло. Харчуюсь я теперь одна. Компаньонов уже моих со мной нет. Хлеба мне передавать не надо. За меня не беспокойтесь, будет всё благополучно.

...Мамуся и Ленок, спасибо за передачу, только я прошу вас, слушайте меня, завтра передайте только супу с картошкой и, если есть сахарный бурак... Передаю фуфайку, кофточку, носовой платок, аспирин 1 штука. Целую крепко. Галина. Скоро ждите!

**КОНДРАШОВА Раиса Петровна – письмо в редакцию
газеты «Ворошиловградская правда».**

**Призвана в армию в 1941 году. Погибла
в сентябре 1943 года при освобождении
г. Краматорска Донецкой области.**

Здравствуйте дорогие товарищи!

Шлю вам свой боевой гвардейский привет!

Сегодня я прочитала статью в «Ворошиловградской правде» от 26 мая 1943 года, которую мне привезли специально, статью «Юный разведчик Витя П.». Мне очень радостно, и с гордостью я читала о своём брате. Я очень благодарила учительницу, которая воспитала такого славного патриота Родины. Витя награждён высокой наградой: «Партизан Отечественной войны», я также не отстала от него. Я теперь с гордостью могу думать и говорить, что вся наша семья (ещё старший брат на фронте находится) на защите нашей любимой Родины. Я имею военную специальность. Я военфельдшер, а Витя завидовал, когда в начале войны шла добровольно в армию. Теперь у него почётная военная специальность. Он – разведчик. Я надеюсь, что он доконца будет бороться с фашистскими извергами. И я, и он, и брат старший должны честно служить Родине, чтобы наша 57-летняя мать-

старушка могла гордиться своими детьми.

С дружеским приветом Кондрашова Рая.

* * *

Правительственной награды Лев Бреннер не получил ни к 40-летию, ни к 50-летию Победы над фашистской Германией. А вот у палача Александра Дробилкина их оказалось больше, чем золотых зубов у самого крутого нового богача. После войны он прослыл вожаком вымышленной им подпольной организации. В его автобиографии значилось: Александр Иванович Дробилкин - учитель по образованию (знал немецкий язык), был направлен в тыл противника командованием Советской Армии со специальным заданием; помогал советским патриотам бежать из-под стражи, создавал патриотические группы, уничтожал и регистрировал предателей, организовывал печатание антифашистских листовок, предупреждал подпольщиков о готовящейся над ними расправе и т. д.

Перебрался в Западную Украину. Стал кандидатом наук и чуть ли не единственным консультантом по делам выявления гестаповцами большевистского подполья на Украине в годы Великой Отечественной войны. Готовится к защите докторской диссертации. Перед выходом в свет тщательно развешивает ордена на своем костюме и с умилением ощупывает пальцами по несколько раз каждый.

Ну что ж, Бог ему судия! А мы сверим свою совесть с совестью Льва Бреннера, Вити Пятеркина и всех павших геройски в Великой битве. И пусть самой лучшей наградой для них станет наша светлая память о них и стремление сделать нашу сегодняшнюю жизнь лучше и честнее.

Что ж, нет ничего страшней в жизни общества, чем потерять сердце и память.

Луганск 02.02.2000 г.

PS.

Когда была завершена работа над этим произведением, я обращался во многие общественные инстанции и к удачливым бизнесменам с предложением помочь издать книгу, а также похлопотать об увековечивании памяти мужественного разведчика Льва Бреннера: назвать одну из улиц Луганска его именем или наградить его хотя бы орденом «За отвагу». Одна милovidная крутая руководительница две недели продержала рукопись, потом вернула, и с абсолютно безупречным видом сказала: «Это уже неактуально, если бы это было связано с бизнесом... А так - это ваши проблемы».

Жалко мне стало пролитой крови двадцатитрёхлетнего патриота. Вспомнились слова палача Майснера: «Родина наплюёт на ваш подвиг... Вы не вписываетесь в рамки её интриг... От вас даже евреи откажутся». Не захотелось, чтобы эти страшные слова оказались пророческими. Чтобы человек, которому в какой-то мере луганчане обязаны освобождением от фашистской чумы, и ушёл в забвение!.. Этого не должно быть. Общество имеет моральное право на существование только тогда, когда возвращает к жизни своих героев.

Из своего мизерного бюджета выкроил я необходимую сумму и издал книгу тиражом в сто экземпляров. Нет, нельзя было не вернуться Лёве Бреннеру в сущий мир. Ведь если нет святости на земле - теряется и смысл жизни.

* * *

Москвич, полковник внешней разведки в отставке Атьков Юрий Иванович, помогавший мне в поиске подлинных материалов, тоже не мог остаться безразличным к судьбе Бреннера. Написал письмо

Начальнику Управления контрразведки ФСБ РФ А. Г. Безверхнему:

«Мне, как профессионалу, оперработнику, более 10 лет отдавшему подразделению КГБ УССР, осуществлявшему мероприятия по внедрению агентуры в спецслужбы ФРТ, очень близка и понятна разведывательная деятельность офицера Бреннера, добывшего и передавшего органам госбезопасности столь ценную информацию.

О преданности своей Родине, стойкости и мужестве «Дубровского» свидетельствует тот факт, как писал генерал-лейтенант Н. А. Душин в книге «Военные контрразведчики», что, попав в руки противника, он предпочёл смерть и был расстрелян фашистами, но не выдал врагу известные ему военные сведения.

Подвиг Льва Бреннера может и должен использоваться в патриотическом воспитании молодёжи. Однако в школе города Москвы №536 сегодня уже нет уголка, посвящённого мужественному разведчику. Как заявил директор этой школы, в связи с ремонтом уголок был демонтирован, а затем не восстанавливался, и все документальные материалы утрачены.

Поскольку разведывательность Бреннера осуществлялась в Донбассе, в основном на территории Ворошиловградской (ныне Луганской) области, патриоты Луганска проявили к нему и его связникам большее внимание, чем мы.

Поэт и прозаик из Луганска Медведенко А. Е. выпустил в свет книгу «Нельзя не вернуться», в ней использованы и материалы Центрального архива ФСБ, которые мною были переданы ему.

Бреннер, находясь в тылу противника, привлёк к сотрудничеству жительниц села Малоивановки Алчевского района сестёр Прасковью Остаповну Линник и Евдокию Остаповну Самарскую.

В. Пятёркин погиб летом 1943 года. Сёстры в войну выжили. В послевоенное время именем Вити Пятёркина названа улица в Луганске, а сёстры П. О. Линник и Е. О. Самарская, как связные Бреннера, награждены медалью «За боевые заслуги».

Подвиг же Бреннера государственной наградой не отмечен.

Обоснованное награждение Л. М. Бреннера явилось бы важным событием в интересах как увековечивания его подвига, так и воспитания в духе патриотизма подрастающего поколения».

**Заместитель начальника
отдела Управления кадров ФСБ С. Лисун**

С учётом того, что память о Л. М. Бреннере увековечена в художественной литературе, возбуждать ходатайство о награждении государственной наградой принято нецелесообразно.

* * *

Этой осенью в глубоких размышлениях о бренности бытия и забвении всего сущего забрёл я на Острую Могилу: к тому самому святому в нашем городе месту, где ещё в 1918 году, а потом и в Великую Отечественную воля людей, от старика до ребёнка, слилась в такой сплав, в такой единый порыв не только сбросить со своего пролетарского хребта присосавшегося буржуя, но и стать грудью на защиту своей свободы, которой нет равных.

Где ещё, в каком месте Земного Шара, думал я, встретишь такое исключительное самосознание и упорство, чтобы, отстояв на заводе первую смену, рабочие брали в руки оружие и шли на вторую смену - отбивать за городом натиск полчищ Деникина, «волчьи сотни» атамана Шкуро, «дикие дивизии» других прихвостней-эксплуататоров. Отбивали атаку за атакой, а когда не хватало боеприпасов - всем городом выстраивались в «живую цепь» от патронного завода до передовой, на протяжении восьми километров по степной слякоти, под свистом вражеских пуль, безодёжные и босые, и передавали их из рук в руки. Патроны текли рукотворным ручьём прямо в пулемётные гнёзда отцов, дедов, мужей, братьев, любимых и сокрушали врага.

Нет в иных странах города с такой героической биографией!.. Нет и, думаю, что не будет!

Ужасающая картина предстала перед моими очами.

Со шпилья памятника, насколько могла достать рука мародёра, содрана алюминиевая обивка, и от этого шпиль казался до обидного мрачным, обшарпанным и раздетым, как нынешний пролетарий. Цоколь - весь в выщербинах, давно не ремонтировался и не красился, надгробные чугунные плиты - ржавые, надписи заляпаны грязью, о них кто-то вытирал обувь, вокруг памятника - разрушенный бетон и сорняк.

Сердце моё залилось кровью ужаса, когда среди непотребных художеств у основания шпилья прочитал: «Здесь лежат козлы и собачьи хрены!» О Боже! Какое духовное убожество! Куда мы катимся? Пучком полыни стал стирать эту мерзость. Какое жестокое расточительство и попрание своих святынь!

Переполненный отчаянием и стыдом, в каком-то полубредовом состоянии я оказался на кладбище. Сначала у братской могилы, где приняли мученическую смерть Надя Фесенко со своими товарищами по подполью, потом потянуло поклониться праху своих товарищей по перу. Сам не осознавая зачем, вдруг свернул в аллею, с обеих сторон поросшую запущенными деревьями. Вспомнилась Галина Александровна Подвысоцкая со своей сердобольной душой. Дотянула до девяноста. Совсем ослепла. Газет не могла читать, зато к приемнику прикипела намертво. До самой последней своей минуты беспокоилась о грядущем своей страны, мучилась проблемами насущной жизни народа. Не могла согласиться с новыми, кардинальными переменами в обществе. «Во всем должна быть конкуренция!..» -

повторяла слова какого-то выдающегося экономиста. – Но, как же так, - возмущалось сердце, - ведь законы конкуренции несовместимы с нормами морали. - И не дожидаясь моего ответа, продолжала убедительно доказывать свою правоту.

Ветер порывисто зашумел в верхушках деревьев. Я повернул голову направо и остолбенел: с рассыпавшейся по углам надгробной доски, сделанной из гранитной крошки, словно чёрными выцветшими глазами усопшего, в меня вонзилась надпись: «**Пятёркина Мария Викторовна 1886 - 1977 гг.**» Еле заметные, с облупившейся местами краской, буквы и цифры взывали о помощи, словно кричали: «Люди, одумайтесь! Помните меня - простую добрую мать, положившую на алтарь Великой Победы троих милых героических детей, и вырвите из забвения ради своего же благополучия, вырвите!» в порывах ветра мне слышались восторженные слова Раи: «Теперь мы, мама, все трое на фронте и ты, мама, будешь гордиться нами!»

Мама – да! А как же мы?..

Листья кружились и падали. И казалось, не листья, а мы всей своей осенней слякотью и невежеством плюём не на надгробную доску, а в лицо Марии Викторовны.

Гробницы почти не было видно. На её месте одним запущенным кустом распростёрлась глубоко укоренившаяся сирень. Молодые побеги уже перемахнули через обветшалую оградку и начинают осваивать пространство дальше.

Слава Богу, что сирень, а не бурьян, - подумалось мне.

Придёт весна, и назло нашему бессердечию заполыхает над прахом скорбной мученицы голубое духмяное пламя, олицетворяющее Вечный Огонь жизни. Забытая Родиной, но не Богом, остановит Марья Викторовна всей красотой сирени прохожего и вдохнёт в него бодрость материнской верности, терпения, упорства и благородства, чтобы он решительнее преодолевал новые испытания и крепнул духом, во имя лучшей нашей действительности.

Такова суровая и беспощадная правда жизни!

2000 - 2005 гг.

PS.

* * *

Май 2010 года. 65-я годовщина Победы советского народа над фашистской Германией. От кощунства и надругательств на Острой Могиле над священным прошлым не осталось и следа. Слава Богу, к власти пришли люди, чтящие подвиги своих предков.

Дорожки заасфальтированы. Памятники ухожены, утопают в роскоши цветов. Вдоль аллеи - тоже цветы. Мраморные скамейки, лавочки, выточенные талантливыми мастерами, так и приглашают присесть и задуматься над подвигом своих предков - во всем чувствуется заботливая рука потомка.

Справедливость восторжествовала - и в это очень хочется верить. От старых корней пошли новые ветки, а от них - плоды доброго усердия и укрепления правды, совести и светлой памяти к тем, кто не щадил самого дорогого - своей жизни, ради наших весенних рассветов.

Что ж, каждое поколение проходит испытание памятью. Только так можно утвердить высокое звание человека.

Иван Михайлович Яковенко - секретарь Ворошиловградского подпольного обкома КП(б) Украины. Командир Ворошиловградского партизанского отряда

Николай Стрельцов !
связной Ворошиловградского
подпольного обкома комсомола.
Расстрелян фашистами на Острой Могиле
21 января 1943 г

Юлия Швыдкова !
связная Ворошиловградского
подпольного обкома ЛКСМУ.
Родилась 22 апреля 1924 г.
Расстреляна фашистами
на Острой Могиле 21 января 1943 г

Надежда Фесенко !
секретарь Ворошиловградского
подпольного обкома комсомола.
1916-1942 гг.
Расстреляна на Острой Могиле
фашистскими оккупантами 2.12.1942 г.

Юрий Алексенцев !
связной Ворошиловградского
подпольного обкома комсомола.
1924-1942 гг.
Убит фашистами у хутора Паньковка
16 сентября 1942 г.

Мать Вити Пятёркина.
На торжественном собрании,
посвященном памяти ее сына. 12 марта
1972 г.

Витя и Рая Пятёркины.
Луганск, 1931 г.

30/IV 1938 г.
Одесса.
Наз. Я. Грессина.
/справа/

Галя Серикова - секретарь Ворошиловградского подпольного горкома комсомола.

Родилась в 1919 году.

Расстреляна фашистами на Острой Могиле в декабре 1942 года.

Виктор Третьякевич - связной Ворошиловградского подпольного обкома комсомола, комиссар Краснодонской подпольной молодёжной организации «Молодая гвардия». Сброшен фашистами в шурф шахты №5 живым. (1924-1943гг.)

Октябрь 1967 г. 5-я школа, г. Луганск.
Евдокия Остаповна Самарская и Мария Викторовна Пятёркина.

город Ворошиловград
ул. Ольховская 33
Марии Викторовне
Пятеркиной
Полевая почта 06739п
Кондрашевой Рае

5 июня 1943 года.

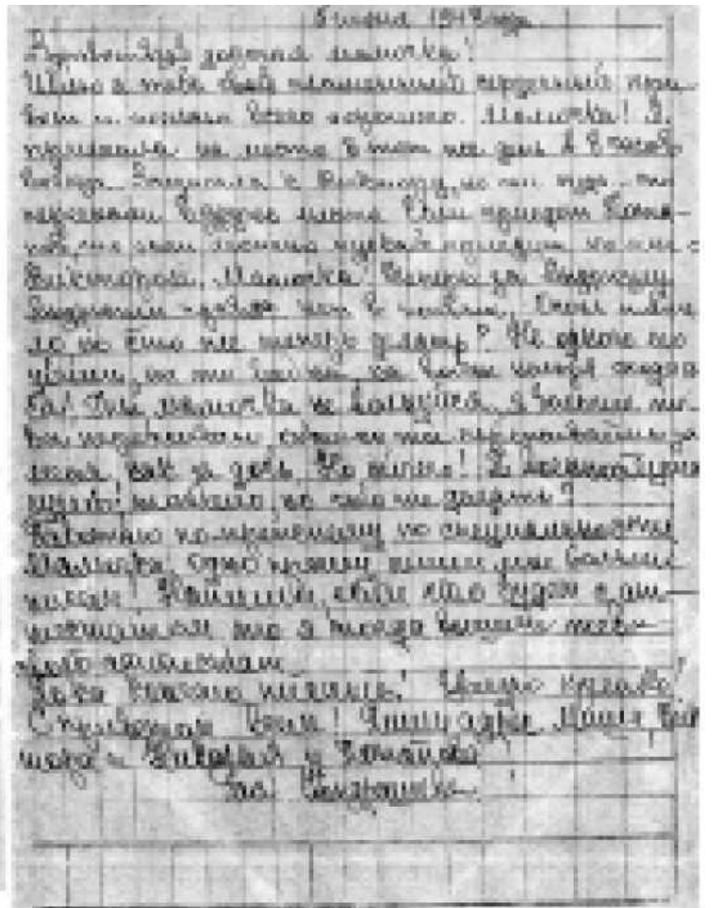
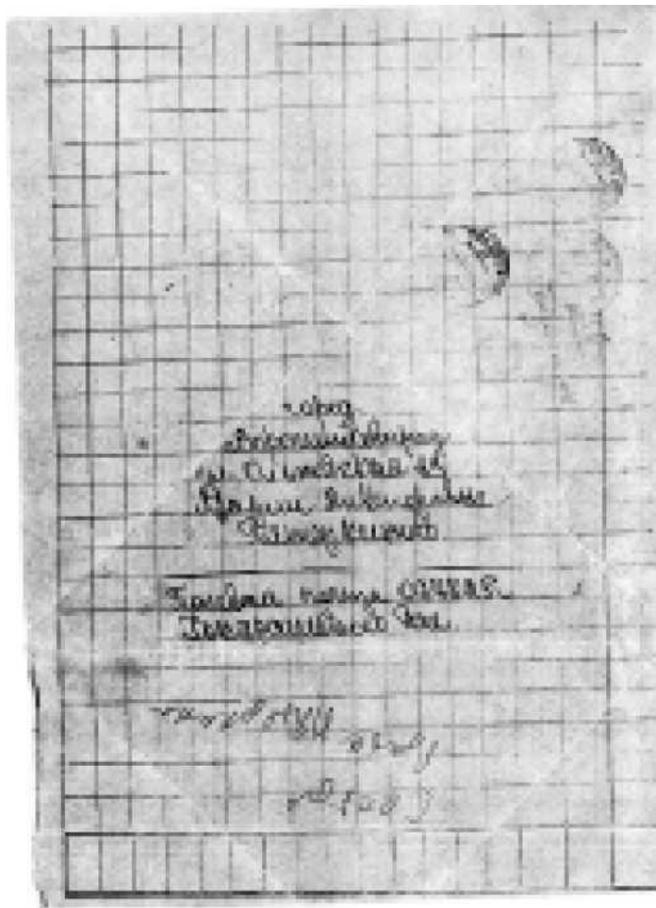
Здравствуй, дорогая мамочка!

Шлю я тебе свой пламенный сердечный привет и желаю всего хорошего. Мамочка! Я приехала на место в тот же день в 8 часов вечера. Заезжала к Виктору, но они куда-то переехали в другое место. Если приедет Потапов, то если можно, пускай приедут ко мне с Виктором. Мамочка! Теперь за Андрюшу. Андрюши правда нет в живых. Очень тяжело, но что же теперь делать? Не одного его убили, на то и война. Ты, мамочка, не волнуйся, я больше тебя переживаю, конечно, ты переживаешь за меня, как за дочь. Но, ничего! Я военнотружущий, тяжело, но что же делать?

Работаю по-прежнему, по специальности. Мамочка! Одно прошу, пиши мне больше писем! Напиши, если что будет с аттестатом, то я тогда вышлю тебе свой аттестат.

Пока. Кончаю писать! Целую крепко!

С приветом всем! Пиши адрес Миши, Виктора и Николая и Потапова!
Рая Кондрашева

по
город Ворошиловград
ул. Ольховская № 33 кв. 5 Марии Викторовне
Пятеркиной
Полевая почта 06739п
Раисе Петровне Кондрашевой

Здравствуйте, дорогие мамочка и Вовочка! Шлю я вам свой пламенный боевой гвардейский привет и желаю всего хорошего.

Мамочка! Я жива и здорова, чего и вам желаю! Мамочка! Почему я до этих пор не получаю от вас никаких известий?

Мамочка! Напиши, выслать тебе денежный аттестат? Если выслать, то напиши, как только я получу от тебя письмо, сейчас же я вышлю на тебя аттестат на 900 рублей!

Я живу хорошо! Воюем! Я работаю фельдшером но от самодеятельности не отстаю: танцую, пою, рассказываю. Вчера были на передовой, от немца в 400 метрах, мы начали петь! Поем! А он как начал нас обстреливать разрывными пулями! Брешешь подлец, гвардейцев пуля не берет! Ишь ты, рожа арийская! Мамочка, целую крепко-крепко вас! Всем привет!

Ваша дочь гвардии военфельдшер Рая.

Невозможно без содрогания читать эти бесценные откровения, дошедшие до нас из огненного 1943 года.

Каждое слово, настоящее на времени, наполнено яркой чистотой помыслов, беззаветной любовью и заботой о родительском очаге, а через него и о своем Отечестве. И нет в них ни капельки корыстолюбия - одно только самопожертвование, презрение к врагу, и никакого сомнения в том, что он будет разбит.

Одно из писем Раи датировано июнем 1943 года. В сентябре, в семнадцать цветущих лет, ради нашего мирного благополучия она уйдет в Вечность. Даже на краю смерти, измученная жестокими ранами, она верила в то, что наша страна утвердит справедливое устройство жизни, что каждый, живущий в новом поколении будет высоконравственным человеком и, живя в царстве справедливости и добра, навеки вечные отрясет слепоту душевную в купе с телесной.

Пусть светом благодарной памяти озарятся имена всех павших за нас и не дают нам сбиться с праведного пути!

Порой бывает
беды за бедою
берут в такой железный оборот, что
кажется -

сейчас отдам без боя,
добытую нелегкою ценою,
одну из завоеванных высот.
Оставлю все!

Сбегу!

Себя укрою!

В покой, в уют куплю за грош билет!
Но встанут, как приказ, передо мною
ровесники мои

окопных лет.

От их сердец захлебывались доты,
и разлетались танки в прах и пух. Они
такие взять смогли высоты,
что и теперь захватывает дух!

Я вспомню их

и сил прилив почую.

Бессилие стечет с души, как грязь.

И так во рту

травинку вдруг зажму я, как
будто взрывом порванную
связь!

ЗАКОН ПАМЯТИ

Память – речь не о прошлом,
хоть века позади.

Память вышла на площадь
правоту защитить.

В жизни все быстротечно –
утверждает она.

Жить обязана вечно
только память одна!

Все забыть,
значит сдаться,
день грядущий пресечь.
За нее надо драться,
чтобы Правду сберечь.

Память – грозная сила.
И Закон ее – тверд:
что сегодня забылось –
завтра снова придет!

Лев Бреннер - Леонид Дубровский
1941г.

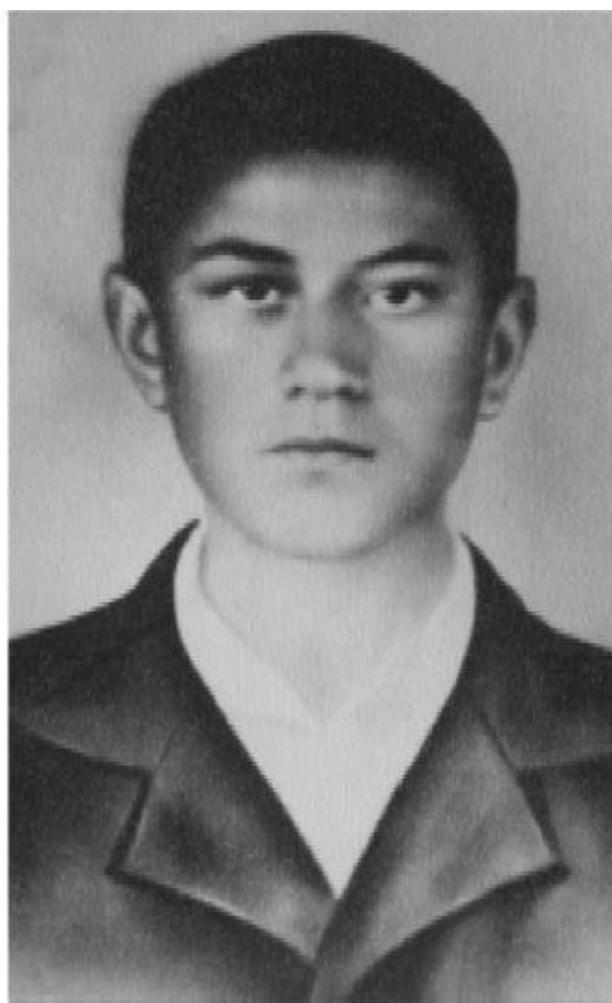
Наум, Лева и Борис Бреннеры, Москва

Лева с отчимом Моисеем Исааковичем и матерью
Раисой Наумовной. 1939 г., Москва

Прасковья Остаповна
Линник.
1960 г. Дебальцево

Витя Пятеркин.
1942 г. Луганск

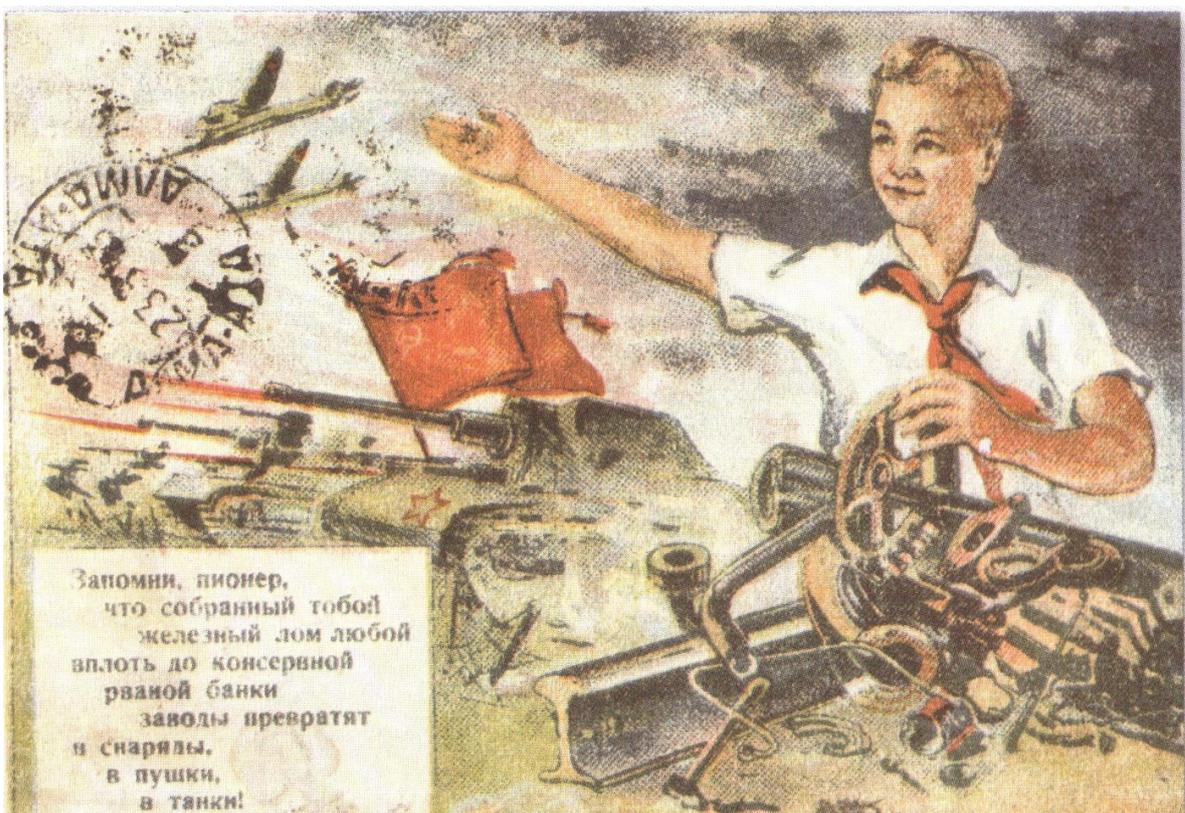
Галина Александровна
Подвысоцкая.
1938 г., Проскуров

Лев Бреннер

Евдокия Остаповна Самарская
и Мария Викторовна Пятеркина, 1967 г

Конверт письма Раи Кондрашовой - сестры Вити Пятёркина, в газету
Ворошиловградская Правда